

Genre

love\_sf

Author Info

Анна Мирович

Дом Ворона

Быть детьми могущественного владыки – сладкая участь. Но король Ворон свергнут, и принцесса Равена отправляется в ссылку на север, а принц Авриль – на далекий юг. Она готовится стать монахиней, он притворяется сумасшедшим, спасая жизнь сестры. Однако мир застывает на пороге новой войны, и детям дома Ворона придется сражаться не только за корону, но и за честь и жизнь.

v 1.0 – создание fb2 – (On84ly)

Анна Мирович

Дом Ворона

Глава 1

Брат и сестра

– Участь моя решена, я женюсь. Отец сказал, что откладывать больше нельзя.

Для Клер эти слова прозвучали как пощечины. Одиннадцать штук, у нее даже лицо заболело.

Эдвард никогда не поднимал на нее руки. Они прожили вместе семь лет, и все это время Клер считала, что у них идеальная семья. Пусть их союз не освящен в церкви, пусть они не приносили клятвы Двоим, но они были семьей. Они любили друг друга.

И теперь все рухнуло.

«Как же я? – хотела спросить Клер. – Как же наши дети?»

Ей хотелось закричать. Ей хотелось устроить отвратительную, совершенно бабскую истерику, чтобы выплеснуть из себя все, что сейчас кипело в душе. Но Клер знала, какую женщину в ней любил Эдвард, и лишь спросила:

– Что же будет со мной? С нашими детьми?

Эдвард Бренуи, принц Седьмого дома, обернулся к ней, и Клер против воли снова залюбовалась им. Все эти семь лет она не могла насмотреться на него и знала, что ее чувство взаимно.

И надеялась. Совершенно по-глупому надеялась, что однажды, может быть...

– Я люблю тебя, – произнес Эдвард, и Клер знала, что он искренен. Он никогда не врал ей. –

Я люблю наших детей. Но пожениться мы не можем, Клер.

Клер кивнула. Она всегда это знала.

Кто она была? Девушка-бастард, незаконнорожденная дочь главы одного из дарангварских домов, которую его величество Малоун выбрал для того, чтобы проверить, способен ли сын зачать ребенка. Клер всегда знала, что от нее требуется: зачать, родить и убраться с глаз долой. Она была никем. Ей следовало лишь благодарить за оказанную милость.

Но они полюбили друг друга. И Клер надеялась, что однажды...

Она все-таки не выдержала. Обхватила Эдварда за плечи, уткнулась лицом в грудь и расплакалась. Она не могла его потерять – и теряла прямо сейчас.

– Клер, – услышала она голос Эдварда откуда-то с невообразимой высоты, – я не оставляю тебя, слышишь? Ты все равно будешь жить в этом дворце. Дети тоже. Для вас ничего не изменится.

Я люблю тебя, только это имеет значение. – Он гладил Клер по волосам, и она слышала, как гулко

бьется его сердце, почти как тогда, когда они занимались любовью.

– Это династический брак, – произнес Эдвард, отстранив Клер и глядя ей в глаза тем самым взглядом, каким смотрел, когда она выносила к нему детей. – Я не люблю ее и никогда не полюблю. Я женюсь по приказу отца, и мы все это понимаем. Он хочет объединить дома Лебедея и Волка, вот и все.

«И ты ляжешь с ней в постель, мой Эдвард, – подумала Клер. – И она родит тебе детей. И мы будем встречаться урывками и никогда не сядем за один стол, а потом ты скажешь, что я должна выйти замуж. И вот так закончится наша история».

Она никогда не думала, что может чувствовать настолько глубокую боль и не умирать от нее.

– А как же твоя жена? – спросила Клер, не отводя взгляда от Эдварда. Когда еще она сможет посмотреть на него вот так, открыто, не боясь и не прячась.

– Это династический брак, – повторил Эдвард. – Между нами нет и не может быть никакой любви. Она все прекрасно понимает.

«Она всего лишь девочка, – подумала Клер. – Она, должно быть, верит в сказки и любовь. Я была такой же».

Потом она вышла в сад и села у фонтана – по счастью, здесь никого не было, некому было жалеть ее или язвить по поводу падения фаворитки принца. Клер откинулась на спинку скамейки и стала смотреть, как воробей прыгает по краю фонтана.

Она потеряла Эдварда, а что же у нее есть? Двое детей, признанные принцем. Конечно, Антони и Эвила никогда даже близко не подойдут к трону, но у них есть и деньги, и право быть рядом с отцом. Вот удивится юная принцесса с полуострова, когда узнает, что у ее мужа уже есть семья.

Клер печально усмехнулась. Это не семья. Пора понять это и смириться.

– Сьоррен Клер!

Клер обернулась – по дорожке неспешно шел господин Бруно Стафани, Тень короля, глава секретной службы Дарангвара. Меньше всего Клер сейчас хотела общаться с ним, но она верила, что Двое никогда не посылают людей друг к другу просто так.

– Сьор Стафани, – улыбнулась она. Надо быть спокойной и вежливой, надо хранить свою боль при себе. Ее все равно никто не пожалеет.

Стафани со вздохом опустился на скамейку рядом с ней. Долговязый, лысеющий, тощий как щепка, он производил обманчивое впечатление мягкого человека. Но Клер знала, что те, кто считает сьора Стафани добродушным простачком, совершают самую крупную ошибку в своей жизни, а она не собиралась ошибаться.

– Вы уже слышали о свадьбе принца? – спросил Стафани так, словно Клер могла и не знать об этом.

– Разумеется, сьор Бруно, – ответила она.

Стафани понимающе улыбнулся.

– Я вижу, что вы расстроены.

– Не буду отрицать.

Стафани прикрыл глаза. Клер подумала, что никто ничего о нем не знает. Интересно, сложно ли держать в полной, непроницаемой тайне всю свою жизнь?

– Тогда и я не буду играть с вами в игры, – произнес Стафани. – Вы мне нравитесь, сьоррен Клер. Я предпочел бы видеть королевой Дарангвара вас, а не Лию Окли.

Воробей свирепо чирикнул и был таков. Клер внезапно почувствовала острый прилив мстительной радости.

– Продолжайте, сьор Бруно, – сказала она, – я вас внимательно слушаю.

Стафани позволил себе едва заметно улыбнуться уголком губ.

– У меня есть все основания считать, что вместе с принцессой сюда приедет Авриль Тисон.

Клер удивленно посмотрела на него.

– Ему-то что тут делать? Государь его примет, конечно, как не принять юродивого...

– Да, да, да! – рассмеялся Стафани. – Он юродивый во имя богов, он мужчина, который называет себя женщиной и ведет женскую жизнь при храме Черной матери Глевы. Знаете, если бы я хотел спастись от гнева его величества Малоуна, я бы сделал то же самое.

Клер понимающе кивнула. Король Малоун когда-то занял трон Дарангвара, убив отца Авриля.

Принц какое-то время считался пропавшим без вести, а потом всплыл на юге в облике ритуальной шлюхи и форменного сумасшедшего. Клер видела его портрет в газете – на нее смотрела очаровательная девушка, но Клер почему-то стало знобить от ее взгляда.

– Хотите сказать, что он притворяется? – нахмурилась Клер.

Стафани кивнул, сделавшись похожим на сонного кота.

– Разумеется. И пара моих маленьких ушей на юге сообщает, что он может объявиться в наших краях в свите принцессы Лии. Понимаете, чем это может кончиться?

Клер понимала.

– Так чего вы хотите от меня, сьор Бруно?

Стафани обернулся к ней и снова улыбнулся так, что Клер поняла: у нее все-таки есть надежда.

– Вы, кажется, владеете заклятием Тени? – осведомился Стафани, и Клер едва не лишилась чувств от накатившего ужаса. Стафани ободряющим жестом накрыл ее руку своей. – Ну, ну... все хорошо, сьоррен Клер.

– Если вы кому-то расскажете об этом, меня ожидает костер, – прошептала Клер. – Сжальтесь, сьор.

Стафани сочувственно кивнул.

– Я не болтлив, Клер. Ну так что, поможем друг другу?

– Поможем, – шепнула Клер.

Видят Двое, ей больше нечего было ответить.

В полиции Хвоста служило полное дурачье. Во всяком случае, Перри так считал, когда сюда переехал.

Собственно, теплый и сухой климат полуострова всегда настраивал на разнеженный лад и на отдых в тени с пиалой зеленого чая в руке за сочинением пятистиший о любви и вине. Но сейчас, когда два стража порядка гнались за ним с приличной скоростью, Перри готов был пересмотреть свои убеждения.

Он промчался по Малой Яблоневоy, нырнул в арку доходного дома, пробежал по двору и, вырвавшись на площадь Кракена, понял, что офицеры по-прежнему несутся за ним, не сбавляя скорости. Даже не запыхались.

На мгновение Перри сделалось обидно. Но только на мгновение.

Не стоило бить эту суку по голове. Но уж больно она его довела своей кислой рожей, которую он лицезрел каждый день. Когда муж приходит домой, приличная жена должна встречать его с

улыбкой, а не со слезами. Что делать, перегнул палку. Получив удар, Мали не заткнулась; когда он повалил ее на пол и наступил ногой на шею, она все равно продолжала выть.

Перри хорошо бегал. Но сегодня ему не повезло.

Он надеялся, что сможет оторваться от полицейских среди прилавков и закоулков рыбного рынка, но тамошняя охрана увидела погоню и решила если не поучаствовать, то хотя бы подгадить. Теперь за Перри гнались уже пятеро и, поскальзываясь на рыбьей чешуе и панцирях креветок, он мог радоваться только тому, что выкинул Мали из окна их съемной квартиры и она наконец-то заткнулась.

Человек пришел в ярость. Имел право, эта тварь пилила его несколько месяцев и забрюхатела обманом.

Она все делала ему назло. Даже упала и разбила свою пустую башку прямо перед полицейскими, которые шли в таверну. Не дала людям пообедать.

Рыбный рынок остался позади и Перри почувствовал, что выдыхается. Но и преследователи поотстали; он воспользовался случаем и, срезав хороший крюк через дворы, снова выбежал в приличный район города и увидел впереди колонны дворца Черной матери Глевы, обиталища ритуальных девок.

Что ж, это было везение. Девки Черной матери приносили удачу, а удача ему сейчас не помешает. Полицейские окончательно отстали. Перри слышал сверлящий звук их свистка, но где-то справа, в стороне. Остановившись, Перри отдышался и дальше пошел уже с видом спокойного добропорядочного гражданина. Он ведь и был таким, пока не связался с этой тварью Мали.

Перри увидел бисалли, храмового юродивого, когда поднялся по ступеням и вступил в прохладную тень портика. Бисалли вышел прямо на Перри, тот сбавил шаг и опустил глаза.

Ритуальные шлюхи – это одно, а безумец во славу богов – совсем другое дело. И магия у него особенная, у этого сумасшедшего мужчины, называющего себя женщиной.

Злая магия. Страшная.

Бисалли посмотрел в лицо Перри, улыбнулся, и какое-то время Перри не видел ничего, кроме темно-карих подведенных глаз. Ему казалось, что они смотрят глубоко-глубоко, в самую его душу, где было темно, холодно и безнадежно. Там не было ничего, даже демонов – только пепел.

Полицейский свисток вдруг послышался совсем рядом, и Перри дернулся – надо было бежать, спасаться! Бисалли улыбнулся, и он почувствовал эту улыбку, словно огненную сеть, брошенную на голову.

Бисалли смотрел ему в душу и видел все.

И удары, которыми Перри награждал Мали, и его ногу на ее шее, и тело на мостовой.

И Мали снова умоляла, взывая о помощи и мести, – и ее слышали и ответили согласием.

«Кажется, полиция намного лучше», – успел подумать Перри. Бисалли дотронулся до его лба и произнес негромким голосом, не мужским и не женским:

– Будь ты проклят.

В ту же минуту полицейские схватили Перри, скрутили и поволокли по ступенькам. Тогда он завыл, чувствуя, как тьма, наполнявшая его, выплескивается наружу, расцветая первыми язвами на груди под рубашкой.

– Спасибо, – услышал Перри, голос одного из полицейских летел из невообразимой дали.

Бисалли улыбнулся, его улыбка расцвела во тьме, запульсировала ударами крови.

– Он ваш, офицеры, – произнес бисалли, и стало совсем темно.

В западной части дворца было жарко и пахло похотью.

Итан прошел по залу, где ритуальные проститутки отдыхали возле большого бассейна, и остановился у ступеней – двери, к которым они вели, были закрыты. Главная жрица Глемона, уже немолодая, но энергичная, как в юности, оторвала взгляд от гроссбуха, посмотрела на Итана и расплылась в профессиональной приветливой улыбке.

– Господин полковник! Не ожидала вас здесь увидеть!

«Еще бы ты ожидала, – хмуро подумал Итан. – Сильные братья не ходят к ритуальным шлюхам, нам хватает денег и удачи без их участия. А грехи... Наши грехи нам отпустит его величество Стиос и Двое».

Да и какие особые грехи могут быть у службы безопасности государства?

– Я по делу, – сухо сказал Итан, и Глемона сразу же сделалась спокойной и серьезной, ни дать ни взять управляющая в банке. Впрочем, финансовые дела ритуальных шлюх требуют не меньших навыков и ума.

– Чем могу помочь?

– Мне нужен Авриль, – произнес Итан, и по спине почему-то потянуло холодком.

Глемона понимающе кивнула и посмотрела на Итана чуть ли не с сочувствием.

– Она сегодня не принимает. Бедная девочка, столкнулась с настоящим убийцей у дверей, вы только представьте себе! Сейчас отдыхает.

– Он меня примет, – с нажимом промолвил Итан, и Глемона будто бы только сейчас заметила, что он вооружен. А с Сильного брата станется и применить оружие, если что-то будет не по нему.

Он, конечно, не стал бы стрелять в этом дворце. Никто не стал бы. Ложе ритуальной шлюхи приносит удачу, деньги и избавление от грехов, и никто не будет устраивать возле него пальбу.

Глемона вздохнула.

– Я спрошу, – сказала она и неторопливо поплыла к дверям.

Итан постоял, поглядел по сторонам. Пришла компания смуглых островитян купеческой наружности, и девицы сразу же поднялись с диванчиков и со смехом отправились встречать гостей. Засуетились служанки с подносами вина и фруктов, и Итан довольно подумал, что на него не обращают внимания.

Вот и хорошо.

Вернулась Глемона, оставила дверь открытой и сказала:

– Она вас ждет, господин полковник.

Ее удивленный вид дорогого стоил. Итан кивнул и, войдя, оказался в длинном коридоре с множеством дверей, как в гостинице. Одна из них была открыта; чувствуя, как сердце начинает биться быстрее, Итан пошел вперед.

Нужная комната оказалась просторной и со вкусом обставленной в южном духе: множество подушек на пышном ковре, легкие ширмы с нарисованными журавлями, длинные узкие зеркала. Скользнула тень, и из-за ширмы вышла девушка в домашнем платье с открытыми плечами и широким поясом.

Итан на мгновение замер.

Он слышал об Авриле, даже видел его однажды издали, но вот так, почти вплотную, они никогда не

сталкивались. Да, его даже вблизи можно принять за девушку. Хорошенькая, ухоженная, с длинными ресницами и слегка припухшими губами, в ней не было ни следа того порока, который окутывал ритуальных шлюх, только глубокое, неизбывное горе и холодная отстраненная красота, невольно соблазняющая.

Итан напомнил себе, что перед ним не девушка. Не стоило об этом забывать, глядя на светлые волосы, уложенные в изящную прическу, и маникюр. Мужчина и черты все же мужские, их смягчает лишь доброжелательное выражение лица.

– Полковник Сильных братьев, – негромко произнес Авриль. Губы дрогнули, обозначив улыбку, но глаза остались ледяными. – Вы ведь не ходите к ритуальным проституткам.

– Не ходим, – кивнул Итан и, щелкнув каблуками, официально представился: – Полковник Итан Блэкмур, к вашим услугам. Счастлив видеть вас, ваше высочество.

Авриль усмехнулся. Сходство с девушкой на мгновение покинуло его, обнажив суть безумца, опального принца из павшего дома, юродивого, который надел женское платье и стал ритуальной шлюхой.

Впрочем, спустя несколько секунд перед Итаном снова была холеная красавица с цветочными гребнями в волосах.

– Меня так не называли... – Авриль прищурился на лампу, задумчиво пощелкал пальцами, – да, десять лет. Я не «ваше высочество», полковник. Я всего лишь бедная девушка с магией. Понятия не имею, почему мной вдруг заинтересовались спецслужбы.

Итану захотелось взять его за плечи и как следует встряхнуть. Он непроизвольно сжал кулак левой руки – и разжал пальцы. В этом Авриле не было ни капли безумия, Итан умел отличать маски от настоящего лица.

Принц притворился сумасшедшим. Называл себя женщиной, спасая свою жизнь.

Как его вообще можно принять за девушку?

– Ловко, не спорю, – произнес Итан. – Вы юродивый, бисалли, убить вас – навлечь проклятие на свой род. Никто в здравом уме на это не пойдет. Вы ритуальная шлюха, которая владеет магией и приносит удачу. И прокликает заодно. Я видел, как уносили того бедолагу, он истекал кровью. Он вдруг обнаружил, что сердце колотится быстро-быстро. Лицу сделалось горячо.

Авриль смотрел неотрывно. Итану неожиданно и остро захотелось дотронуться до его лица, чтобы этот холодный колючий взгляд изменился и сделался мягче и теплее.

Двое всемилостивые, да что с ним такое!

– И узурпатор не пошлет к вам наемных убийц, – продолжал Итан. – Ваше безумие никогда не поможет вам вернуть трон вашего отца. Я понимаю, что так вы спасаете себя и сестру, но...

Авриль усмехнулся. В глазах, глубоко-глубоко, мелькнула тоска.

– Стоит ли так много говорить, полковник? – спросил он. – Вы теряете мое время, лучше перейдем к делу. Я правда не думал, что у вас ориентация под цвет глаз, но раз уж так...

В ту же минуту Итан впечатал его в стену и сжал пальцы на шее – и только потом отметил это «не думал». Авриль схватил его за запястье, в его взгляде мелькнули холодные искры – ожила магия, которая окружает ритуальных девок, когда они приходят к Черной матери Глеве.

– Полковник, я понимаю ваше нетерпение, – в голосе Авриля был чистый мед, – но предпочитаю активную позицию. Во всех смыслах.

Итан ощутил едва уловимый укол в пах. Опустил глаза – в другой руке Авриль держал маленький нож с изогнутым лезвием.

Жар отступил, Итан неожиданно успокоился.

– Вы спасаете свою жизнь этим маскарадом, – произнес он. – Свою и вашей сестры. Но может быть, пора вернуть то, что принадлежит вам по праву? Король Ворон пал в ночь Птичьей звезды, и его дому пора подняться из пепла.

Нож уперся сильнее. Итан невольно подумал о том, сколько народу уже приходило к Аврилю, принцу из павшего дома Ворона, уговаривая его свергнуть узурпатора.

На всех ли он смотрел вот так, горячо и горько?

– Убирайтесь, – негромко произнес Авриль. – Убирайтесь, пока я не выхлостила вас.

Итан отступил и какое-то время не видел ничего, кроме темно-карих, почти черных глаз.

– Кстати, это был не бедолага, – прошелестел голос принца. – Это был садист и мерзавец, убивший свою жену.

На этом все и кончилось. Итан не запомнил, как вышел из комнаты, как оказался на улице. В памяти остался лишь темный мертвый взгляд Авриля, который он чувствовал на своей спине, словно ожог, и негромкое звяканье ножа, выпавшего из руки.

Итан опомнился только тогда, когда вышел на Морской проспект и увидел два шпиля главного храма.

Он остановился, прижал руку ко лбу. Надо было прийти в себя, что за наваждение, в конце концов!

Мальчишка-водонос, бежавший по улице, замедлил шаг, заметив потенциального клиента. Итан махнул ему рукой и, выпив большой стакан ледяной воды, понял, какого дурака свалил.

Авриль привык жить вот так. Ему не нужно возвращать себе давно потерянную корону. В жизни бисалли, блаженного, удобного богам, есть все, что нужно: крыша над головой, хорошая еда, душевное спокойствие и всеобщее уважение. Если приложить к этому гарантии безопасности для себя и сестры, чего еще хотеть? Малоун, глава Седьмого дома и владыка Дарангвара, никогда не отважится окончательно уничтожить Авриля.

Гнев богов? Спасибо, не надо. Малоун слишком любит свою семью, чтобы ею рисковать. Он не захочет умирать от кровоточащих язв по всему телу и не допустит такой участи для своего сына и внуков.

Но будут ли гневаться боги, если сам Малоун вернется туда, откуда поднялся, во мрак и тьму?

– Господин полковник!

Итан обернулся; к нему бежала чумахая девчонка в лохмотьях, можество таких отираются возле храмов и всегда готовы услужить за мелкую монетку.

– Чего тебе? – хмуро спросил он. Девчонка подбежала и, спрятав руки за спину, важно проговорила, явно стараясь ничего не забыть и не перепутать:

– Сегодня, после вечерней службы Двоим, вас будут ждать у второго контрфорса дома Алламио.

Приходите один и не в форме, она вам не идет.

Отчеканив все это, девчонка улыбнулась во весь рот и бросилась бежать, словно Итан мог схватить ее.

«Второй контрфорс дома Алламио, – повторил Итан и вдруг понял, что тоже улыбается, так широко и светло, как улыбался разве что в ранней юности, когда мать еще была жива, а он не имел ни

малейшего отношения к Сильным братьям. – Ну что, кажется, игра началась!»

Дом когда-то принадлежал богатейшей купеческой семье Хвоста, король Стиос даже наградил Алламио медалью за заслуги перед страной. Но с тех пор Алламио успел разориться, его дом, похожий на крепость, переходил из одних рук в другие и успел завоевать славу здания, в котором водятся привидения. Место для встречи было идеальным, здесь редко кто появлялся, особенно по вечерам, когда из теней, как говорят досужие сплетники, выходят пекельные гули и ищут, из кого можно попить крови.

Когда из-за второго контрфорса к Итану скользнула светлая тень, он на мгновение поверил, что все байки, ходящие по городу об этом доме, имеют в себе некое рациональное зерно.

– Форма вам действительно не к лицу, – заметил Авриль. Сейчас он был одет так, как одеваются юные дворянки Хвоста, которым приходят в голову разные вольнодумные мысли вроде поступления в академию и отказа от замужества. На нем были темно-синие бриджи, подхваченные лентами у колен, белая блуза без пышных кружев и жилет с единственной булавкой, черной головой ворона с рубиновыми глазами.

Ни дать ни взять студентка, хотя никакой студентке не придет в голову украшать себя изображением ворона.

Такую дерзость мог позволить себе только Авриль. Вернее, его безумие.

– Не важно, я рад, что вы все-таки пришли, – пробормотал Итан. Авриль усмехнулся и, прислонившись спиной к контрфорсу, поинтересовался:

– Так чего же вы хотите, полковник?

– Вы слышали, что ее высочество Лию отправляют в Дарангвар? – спросил Итан. Авриль кивнул, задумчиво прищурился на кошку, которая вылизывала лапу возле заколоченных дверей.

– Конечно, кто об этом не слышал. Ее отдадут замуж за принца Эдварда, это объединит Пятый и Седьмой дома. В перспективе – весь материк. Малоун и Стиос не вечные.

– Верно, – согласился Итан. – Как думаете, ваше высочество, зачем это нужно узурпатору?

Усмешка, скользнувшая по губам Авриля, была одновременно ледяной и очень соблазнительной.

Прежде чем отправиться к ритуальным шлюхам, Итан тщательно изучил его досье. Должно быть, все благородные дамы Хвоста, которые падали в постель Авриля как спелые яблоки, клевали именно на эту усмешку.

Она проникала до дна души и застывала там морозным крюком. Не выдернуть, как ни пытайся.

– Принцесса Лия принесет ему базы на побережье Хвоста, – ответил Авриль. – Базы и драконьи кладки. И все это нужно для большой войны с Проморьем. Если верить «Дарангварскому вестнику», это пираты, которые угнездились на исконных южных землях Дарангварской империи и им давно пора бы задать знатную трепку. Правда, проморцы почему-то не в курсе того, что они пираты. Итан улыбнулся, утвердительно покачал головой. Страшно захотелось курить; он сунул руку в карман, пытаясь нашарить портсигар, и только тогда вспомнил, что бросил.

– И вы хотите сказать, что не думали о возвращении? Не поверю ни на минуту, уж простите.

Авриль посмотрел на него с улыбкой прожженной кокетки. Со стороны можно было подумать, что у полковника свидание со студенточкой. Да, Сильные братья не заводят семьи, но никто не запрещает им общаться с женщинами.

– Так что вам от меня нужно? – спросил Авриль. – Глемона каждый день пишет его величеству



Малоуну, как именно я кого, куда и чем. Вот сегодня о вас написала.

– И в очередной раз убедила его в том, что вы безумны, – рассмеялся Итан. – Конечно, я знаю, что она о вас докладывает. И не она одна.

Авриль вздохнул так, словно снова хотел сказать, что полковник даром тратит его время.

– Я хочу, чтобы вы вернулись, – уже серьезно произнес Итан. – Чтобы забрали себе трон Дарангвара, который принадлежит вам по праву. Нам не нужна большая война с Проморьем, потому что тогда вспыхнет все, и кто останется после того, как пожар угаснет...

Авриль негромко рассмеялся. Сумерки сгустились, свернулись темно-синей кровью, но Итану показалось, что рубиновые глаза ворона вдруг вспыхнули красным.

Должно быть, эта брошь – единственное, что осталось у Авриля в память о том времени, когда он был мужчиной, наследным принцем, будущим главой Седьмого дома.

– А скажите, полковник, – со вздохом поинтересовался Авриль, – его величество Стиос знает об этой вашей аванюре? Или это исключительно ваша затея?

– Чтобы Сильный брат вел свои игры за спиной короля? Как вы себе это представляете?

– Я, видите ли, представляю себе очень многое, – сказал Авриль. – В том числе и полковника из Сильных братьев, который предает короля, ну да ладно... Кто за мной пойдет? У меня, хвала Двоим, больше нет чести моего дома. Кто посадит на трон Дарангвара бывшую ритуальную шлюху, безумца?

Итан усмехнулся.

– Для начала вас поддержит его величество Стиос, – произнес он. – Потому что Хвосту меньше всего нужна война с Проморьем. Мы не хотим расплачиваться жизнью своих людей за амбиции Малоуна. А у его величества есть множество друзей по всему материку, и эти друзья поддержат вас и кошельками, и оружием.

Улыбка Авриля стала мягче и тоскливее. Он задумчиво провел указательным пальцем по подбородку, и выражение его лица сделалось мечтательным и умиротворенным.

– Что интересует Стиоса, кроме мира? – поинтересовался он. – Что Малоун дает за принцессу?

– Рудники взрыв-камня, – ответил Итан и Авриль задумчиво кивнул.

– Я понимаю, что вам нужны драконы, которые этот камень едят, но вынужден отказаться, полковник, – сказал он. Твердый тон так контрастировал со спокойным лицом, что Итан не сразу поверил в то, что услышал. – Я не буду посягать на трон Дарангвара, пусть принцесса Лия выходит замуж за Эдварда и правят они долго и славно. Доброй ночи. Надеюсь, мы больше не встретимся. Какое-то время Итан стоял оторопев и опомнился только тогда, когда увидел, как Авриль уходит. Он догнал его, схватил за руку, резко развернул к себе... В свете уличного фонаря лицо Авриля казалось грубо вылепленной маской.

Кукла. Кукла в рост человека, которую оживили магией.

– Объясните, – едва слышным свистящим шепотом произнес Итан.

Изящно очерченные губы дрогнули, уголки их презрительно оттянулись книзу, и Авриль горько рассмеялся.

– Война все равно будет, полковник, и вы это знаете, – вздохнул он. – У Малоуна друзей не меньше, чем у Стиоса. У королей драконы, армии, Сильные братья и разрыв-камень. А у меня только я и моя сестра. Знаете, что с ней будет, если я хоть шаг сделаю с полуострова?

Итан подумал, что в свое время Малоун проявил невероятную дальновидность, когда не стал преследовать и убивать детей короля Ворона. Принц Авриль, сошедший с ума и ставший ритуальной шлюхой, сидел себе на окраине мира под зорким наблюдением, а не лежал под могильной плитой – а значит, не будет никаких самозванцев, никаких лже-Аврилей и никаких проблем, с ними связанных. Принцесса Равена, которая не имеет прав на престол при жизни брата, находится на другом конце материка, живет при храме, готовится стать монахиней, и самое ее существование обеспечивает полное послушание брата. Умница Малоун, все-таки он умница. То, что он не убил детей прежней династии, прибавило ему уважения и любви, а это не такие мелочи, как может показаться.

– Думаю, что ее убьют, – ответил Итан. – Декан Свен очень зорко за ней присматривает. Он, говорят, умеет держать в руках не только святое Писание, но и саблю.

– Вот именно. – Лицо Авриля снова дрогнуло – он успокаивался, брал себя в руки и снова делался привычным собой – ледяным, спокойным, равнодушным. То, что проступило в нем при словах о сестре, снова погружалось на дно души. – Хорошо, что вы это понимаете.

Итан рассмеялся. Похлопал Авриля по плечу и тотчас подумал, что с барышнями так себя не ведут.

«Он не барышня», – запоздало вспомнил Итан, и ему в очередной раз за сегодняшний день сделалось не по себе.

– Пусть и Малоун так думает, – сказал он. – Чем позже он поймет, что декан Свен давно играет за нас, тем будет лучше. Ваша сестра в безопасности, Авриль. Вы можете выступить хоть завтра.

Свен Свенссон, декан собора Двоих в центре Каттерика, спустился с лестницы, осторожно прижимая к себе Послания Пророка. Равена терпеливо ожидала внизу и, глядя на нее, Свенссон в очередной раз подумал, что его воспитанница выросла слишком быстро.

...Ее привезли в собор поздним вечером. Холодный ветер, дождь со снегом, долгое путешествие...

Девочка, которую вытолкнули к Свенссону из-за спин офицеров личной охраны Малоуна, казалась маленьким заледеневшим привидением. Похоже, ее вытащили из кровати, во всяком случае, одежда под небрежно наброшенным на плечи клетчатым платком была подозрительно похожа на ночную рубашку.

«Простудилась, – подумал Свенссон. – Ее и везли так, чтобы она простудилась. Простуда перейдет в воспаление легких, и все закончится».

– Слава Двоим! – воскликнул один из офицеров. – Король Ворон пал в ночь Птичьей звезды. Да здравствует Малоун Бренуи, владыка Седьмого дома и Дарангвара!

– Слава Двоим! – откликнулся Свенссон, подумав, что Малоун наконец-то добился своего. Его всегда считали человеком Малоуна, и он делал все, чтобы новый государь не терял в этом уверенности. – Кто это?

Девочка шмыгнула носом. Только сейчас Свенссон понял, что она прижимает к груди маленького игрушечного медвежонка, такого же мокрого и несчастного, как и его хозяйка. Сердце кольнула жалость – настолько искренняя и глубокая, что Свенссон испугался, что она отразится на его лице.

– Равена Тисон, – ответил офицер, а Свенссон растерянно подумал: «Если ее отец убит, то почему она еще жива?»

Уже потом он узнал, что вечером перед переворотом Малоун молился Двоим и просил послать ему удачу. Тогда он дал зарок: если победит, ни один человек не будет казнен до совершеннолетия.

И Мать, великая и сострадательная, услышала его и спасла жизнь Равене и Аврилю.

И вот Малоун поручал девочку заботам Свенссона с условием постоянного наблюдения и с оплатой в десять золотых орлов ежемесячно. Когда офицеры покинули собор, Свенссон какое-то время стоял, спрятав руки в карманы и хмуро глядя поверх темноволосой головы Равены, а потом спросил, не зная, что еще можно спрашивать в таких обстоятельствах:

– Хочешь есть?

На него никогда не сваливались чужие дети, которых теперь надо будет воспитывать. Равена шмыгнула носом и кивнула. Свенссон отвел ее в ту часть собора, которая служила ему домом, разогрел остатки ужина и, глядя, как девочка жадно поедает рагу, думал, что Малоун переложил решение проблемы с принцессой павшего дома на его плечи. От этого ему все больше и больше становилось не по себе.

«Я многим обязан Малоуну, – подумал Свенссон, – а долг платежом красен. Прикажет ли он мне взять саблю или задушить ее подушкой?»

Доев, Равена Тисон, принцесса павшего дома, какое-то время сидела, уставившись на своего медвежонка. Свенссон стоял у стены, скрестив руки на груди, и хмуро думал о том, что девочке придется выделить комнату. А еще купить одежду, обувь, и лекарства нужны...

Хватит ли для этого десяти золотых орлов? У него не было семьи, и он понятия не имел, что делать с ребенком. Когда девочка заговорила, Свенссон даже вздрогнул от неожиданности.

– Они ударили папу в спину. Он упал и пытался встать, а они все били его. И больше он не поднимался. А потом пришел тот, другой. И ударил папу табакеркой по голове.

Свенссон понятия не имел, что тут можно сказать. Он знал, что девочку нужно утешить, но не было слов, которые утолили бы ее боль.

– Мы с тобой будем молиться за него, Равена. Двое, милосердная Мать и добрый Отец, примут его и простят за все, – произнес Свенссон.

Девочка вдруг посмотрела на него так, словно увидела по-настоящему только сейчас...

– Все в порядке, господин декан? – спросила Равена. Свенссон протянул ей книгу и ответил:

– Задумался о том, что дети растут слишком быстро.

Равена звонко рассмеялась. Если о декане Свене Свенссоне говорили, что он улыбнулся всего один раз в жизни, то его воспитанница хохотала за двоих. У нее был веселый нрав, и иногда Свенссон думал, что при дворе ее бы звали Смешливой принцессой.

– Разве это плохо? Вот мне уже восемнадцать, – улыбнулась Равена. – Через десять дней я уеду в Карвалинский монастырь, и вы наконец-то от меня отдохнете.

Свенссон посмотрел на нее так, что Равена снова рассмеялась.

– Никто не будет таскать лягушек, – принялась загибать пальцы девушка. – Никто не станет лазать через кладбищенскую ограду за яблоками на могиле Сварливого Джереми. Никто не примется умничать по поводу агностиков, которые уверены, что мир непознаваем. Вот видите, декан, скольких хлопот и проблем вы разом лишитесь!

Свенссон осторожно, словно боясь сломать, обнял принцессу за плечи. За десять лет он настолько привык к ней, что стал считать своей дочерью, и ее отбытие в монастырь по приказу Малоуна давно уже не казалось ему удачным решением. Он хотел, чтобы Равена осталась в Каттерике: вышла бы замуж, нарожала бы ему внуков. Кто знает, может, увидев ее первенца, декан Свенссон улыбнулся бы во второй раз.

– Ты уже давно не таскаешь лягушек, – вздохнул он. – И через ограду не лазаешь.

– Конечно! – воскликнула Равена. – Тогда сторож подумал, что я привидение, и я решила больше его не пугать.

– Ты сорванец, – сказал Свенссон. – Но очень умный и правильный сорванец. Зачем быть благородной девицей, если одни стены меняешь на другие? Но знаешь, я очень рад, что эти десять лет ты провела здесь, со мной.

Равена улыбнулась, обняла его, уткнулась лбом в грудь. «Вот она уедет, – подумал Свенссон. – А как же я?»

Что чувствуют птицы, когда пустеет гнездо?

– Вот бы его величество решил оставить меня здесь, – вздохнула Равена. – Я ведь никому не мешаю, сижу себе потихоньку...

Свенссон кашлянул.

– Да знаю я, как именно выглядит это «потихоньку», – ответил он. – Зачем юной девице Послания Пророка?

Равена отстранилась от него, взвесила книгу на ладони и заметила:

– С загнутой страницей, на минуточку! А эта загнутая страница, между прочим...

– Молчи, – произнес Свенссон. – Молчи, невыносимая девчонка, и иди уже, куда собиралась.

Равена снова рассмеялась, прижала книгу к груди и быстрым шагом направилась к выходу из библиотеки. Девушка со святой книгой, что может быть благоразумнее, приличнее и порядочнее?

И лишь нужные люди знают, что святая книга – это пропуск в типографию, где сегодня тайно допечатывают очередной памфлет, автор которого скрывается под именем сказочного Робина Хонни, борца за народную свободу.

Малоун считал Свенссона своим человеком.

Свенссон уже много лет считал иначе.

Равена вдруг вернулась; не выпуская из рук книгу, она держала огромный темно-красный конверт с королевскими печатями, и ее лицо, кажется, состояло из одних только глаз – испуганных, широко распахнутых. Свенссон узнал печати и конверт; в таком же десять лет назад Малоун передал ему инструкции относительно того, что делать с Равеной Тисон.

– Что это? – прошептала девушка, не сводя глаз со Свенссона. – Это от короля... тебе.

Свенссон взял конверт, сломал печати и некоторое время вчитывался в послание Малоуна. Когда он закончил чтение и убрал письмо обратно в конверт, лицо Равены сделалось посеревшим и осунувшимся, словно жизнь покинула ее.

– Что? – Равена готова была расплакаться. – Отец, король решил убить меня?

– Нет, – откликнулся Свенссон. – Он приказывает тебе выйти замуж за сьора Ньюта Гранвилла.

«Постой, как ты назвала меня?»

– Двое всемилостивые... – прошептала Равена. – Лучше умереть!

Клер любила проводить вечера возле фонтана в центре дворцового парка. Все давно выучили эту ее привычку и знали, если сьоррен здесь, значит, она хочет побыть одна. Статуя для фонтана была привезена с Восходных островов, и Клер не знала, кого в точности она изображает, то ли льва, то ли кота с кудрявыми усами и с широко распахнутой пастью, усеянной зубами. За день светлые прожилки камня впитывали свет, в вечернем сумраке над статуей разливалось сияние и казалось,

будто звериная морда запачкана кровью.

Эвила сначала боялась льва и не хотела играть возле фонтана даже в жаркие дни, когда здесь царила приятная прохлада, и Клер не удивилась, узнав, что и принцесса Равена когда-то тоже избегала подходить к нему. Клер села на скамью, устало вытянула ноги и вспомнила слова Стафани, которые он сказал, когда она выходила из его кабинета:

– Теперь все должно быть хорошо, съоррен Клер. Я надеюсь. Вы все сделали правильно.

Из аллеи донесся выстрел, и встревоженные вороны черным облаком поднялись с деревьев, разразившись возмущенной птичьей руганью. Его величество Малоун ненавидел воронов, символ прежнего королевского дома. Они держались в его дворцовом парке с царственной независимостью, не обращая внимания ни на трещотки, ни на ловушки, ни на яд в приманках – чем сильнее воронов пытались истребить, тем больше их становилось.

Тогда Малоун заказал новое ружье и по вечерам стал выходить на охоту. Говорили, что он ни разу не промахнулся. Клер видела ружье Малоуна, приклад был украшен тонкой резьбой, изображавшей волка, который придавил лапой ворона. Должно быть, Малоун всей душой ненавидел Айка Тисона, раз нуждался в том, чтобы каждый день истреблять воронов.

Еще один выстрел – и Клер увидела, как ворон упал на дорожку, забил крыльями, пытаясь подняться. Вскоре появился король, он подошел к ворону, посмотрел на него так, словно перед ним была не птица, а его давний соперник, и ударом ноги отправил ворона в траву. Убрал с дороги, как когда-то сделал в ночь Птичьей звезды.

Клер почему-то обрадовалась, что на ней платье из темно-синего шелка и она почти незаметна в сумерках. Послышались шаги и голоса.

– Сколько ты уже убил?

Эдвард догнал отца и неторопливо побрел с ним рядом. Клер подумала, что еще может встать и уйти так, что они ее не увидят, – и не смогла пошевелиться.

– Сегодня это второй. Тебе их жалко?

– Нет. Не люблю воронов.

Клер думала, что они выйдут к фонтану, но Малоун пошел по дорожке за кустами бирючины. Он всегда относился к Клер со спокойной вежливостью, искренне любил внуков, и иногда Клер думала, что если бы отец признал ее своей законной дочерью, то Малоун одобрил бы ее свадьбу с Эдвардом. Но отец был исключительным скрягой. Необходимость дать дочери приданое, достойное будущей королевы, сводила его с ума.

– Я пришел в тот момент, когда его уже добивали, – произнес Малоун, и Клер поняла, что речь идет о ночи Птичьей звезды. – Хотел, чтобы он увидел мое лицо и понял, кто займет его место. Но он уже ничего не понимал от боли. Он не знал, кто стоит перед ним.

Эдвард усмехнулся.

– И ты взял со стола табакерку и ударил его в висок. Просто чтобы все это закончилось.

Еще один выстрел. Очередной ворон упал в кусты.

– Да. Потом я опустил руку и увидел девочку за шторами.

Клер знала, что Равена Тисон видела, как убивали ее отца, но сейчас у нее все равно похолодели руки.

– А где сейчас табакерка? – поинтересовался Эдвард.

– Храню ее у себя в кабинете. Там на крышке темное пятно, оно так и не оттирается.

Король и принц прошли чуть дальше, и Клер услышала, как они сели на скамью. Встревоженные вороны, накричавшись вдоволь, улетели в сторону дворца, и Клер вдруг отчаянно захотелось оказаться в своих покоях, там, где спокойно и уютно, там, где призраки прошлого не поднимаются во весь рост.

Но она продолжала сидеть, понимая, что если шевельнется, то ее заметят. И вряд ли Малоун будет этому рад. Клер прекрасно знала: когда люди хотят побыть наедине со своими мыслями, им не нужны свидетели. Малоун, конечно, ничего не скажет вслух, но Клер не нужна его неприязнь.

– Если ты думаешь об Авриле Тисоне, то напрасно, – с искренним теплом произнес Эдвард. – Скорее небо упадет на землю, чем он наденет дарангварскую корону.

Бабушка говорила, что, подслушивая, не услышишь ничего хорошего, но Клер часто подслушивала чужие разговоры. Иногда это помогало выжить. А еще бабушка говорила, что все в руках Двоих и иногда они делают невероятные вещи.

И от этого ей было страшно.

– Я понимаю, – согласился Малоун. – Это на юге все готовы его носить на руках, а в Ливендоне культ Черной матери Глевы не так силен, как в Ахани. А Север? Северяне вспыхнут от гнева так, что он превратится в тропики. Я все понимаю, Эдвард. И сам не знаю, почему мне настолько не по себе.

– Он десять лет тихо сидел в Ахани. И просидит там столько же. Его покорность сохраняет жизнь девицы Тисон.

– Я подписал ее брачное свидетельство с Ньютом Гранвиллом, – сообщил Малоун. – Ей недолго оставаться девицей.

«Будь его воля, он застрелил бы ее, как ворона», – вдруг подумала Клер. Малоун всегда был добр к ней, но она никогда не обольщалась насчет его доброты.

– Жаль, что мы не можем убить воронят, – усмехнулся Эдвард. – Просто ради душевного спокойствия.

– Да, – согласился Малоун. – Жаль.

Они поднялись и неторопливо побрели дальше по аллее. Выстрелов больше не было. Когда голоса стихли, Клер встала со скамейки и быстрым шагом направилась в сторону дворца.

Подстреленный ворон все еще слабо трепыхал крыльями, цепляясь за уходящую жизнь. Черные глаза уже заполняла смертная муть. Посмотрев по сторонам и убедившись, что никто ее не видит, Клер плавно провела рукой над птицей и вбросила в нее заклинание.

В тот же миг ворон взлетел над кустами и беззвучно растаял в сумерках. Ему хватило ума лететь к прудам, а не туда, куда ушли Малоун и Эдвард.

Уже подходя к дворцу, Клер вспомнила о том, что недавно астрономы сообщили, что через десять дней на Восточном побережье упадет маленький метеорит.

Можно ли это счесть небом, которое рухнет на землю?

Черные ступени собора всегда были теплыми, даже зимой, когда снег таял на них сразу же, как только выпадал – таково свойство барневильского мрамора. Так хорошо было сидеть на них рядом с Джемсом, смотреть, как по площади идут люди, слушать обрывки их разговоров и мечтать. Они сидели здесь по вечерам, после того как заканчивалась служба и прихожане расходились. Иногда Равене казалось, что возле собора навсегда останутся их призраки: юноша и девушка сидят рядом,

расстояние между ними ровно в две ладони, как требует обычай, но их будто бы связывает невидимая алая нить, которая с каждым днем становилась все крепче.

Равене казалось, что сейчас она натянута так, что вот-вот зазвенит.

«А давай убежим? – говорил Джемс, протягивая Равене жареный каштан из кулька. – Хоть на юг, к твоему брату. Или еще дальше, в Проморье! А там и до Дахава недалеко».

«А что мы будем делать?» – спрашивала Равена. Она прекрасно знала, что этим мечтам не суждено сбыться, но ей нравилось представлять жаркий юг, пальмы и себя с Джемсом. Он был рыжим, долговязым и большеротым, старая Магда Арчетт говорила, что у него нет души, но на юге считалось, что рыжие приносят удачу.

«Станем пиратами, как декан Свен когда-то. Или наездниками драконов. Ты когда-нибудь видела драконов?»

«Давно, – отвечала Равена, – еще в детстве. У отца были драконы, здоровущие!»

«Вот бы увидеть их хоть одним глазком! Можно наездниками драконов, да хоть кем... Я все умею делать, мы не пропадем».

А потом король Малоун протянул руку и оборвал все их мечты. Равена и Джемс сидели на ступенях храма, Джемс как всегда держал в руках полосатый кулек с жареными каштанами, но Равене казалось, что они стоят над пропастью.

Все ушло. Все рассыпалось прахом.

– Я тебя увезу отсюда, – сказал Джемс, и Равена поняла, что сейчас он не мечтает, а планирует. – В ночь перед свадьбой. Уйдем по болотам, а там уже на юг. У нас еще есть время все подготовить как следует.

Он крепко сжал руку Равены и добавил:

– Я тебя ему не отдам.

Его боль казалась огнем, который медленно разгорался в душе – Равена почти видела рыжие язычки пламени. Еще немного – и оно вспыхнет, поднимется до неба ревущей стеной.

Да, у них были болотные тропы, укромные места и надежные люди. Если вы сражаетесь за свободу, без этого не обойтись. Равене впервые за долгое время сделалось страшно по-настоящему. Что, если они не успеют?

– Нас будут искать, – ответила она, взяла каштан из кулька, но не стала есть. – Такие, как Ньют Гранвилл, не отпускают своего. И не прощают оскорблений.

– Я такой же, – усмехнулся Джемс, – в каком-то смысле. Я тебя люблю и никому не отдам. Ни Ньюту Гранвиллу, ни кому-либо еще.

Равена понимала, что так говорят все мужчины всем женщинам. Она почти не помнила жизнь во дворце, но чутьем понимала, что такие слова в порядке вещей и не следует относиться к ним серьезно. Это просто обещания, которые почти не связаны с жизнью. Но Джемс говорил так, словно это были не слова, а часть его души – большая, важная, горькая часть.

Равена осторожно поцеловала его в щеку. Они никогда не позволяли себе лишнего. Однажды, когда они сидели вот так, Джемс сказал: «У нас будут дети. Красивые, как ты. И рыжие, как я». И это прозвучало как клятва и обещание. А теперь король отдавал Равену Ньюту Гранвиллу и все, сказанное прежде, становилось осенней листвой, которую уносит ветер.

Или все-таки нет? Возможно, стоит позволить себе надежду? Пусть крошечную, слабую – но можно?

– Да, мы уедем, – кивнула Равена. – На юг, к моему брату, как собирались.

Она однажды увидела портрет Авриля в какой-то газете. Тон статьи был издевательски вежливым: мол, насколько прогнила прежняя династия, что наследник престола оказался сумасшедшим.

Мужчина называет себя женщиной и ведет жизнь ритуальной девки в храме Черной матери Глевы! Как же хорошо, что его величество Малоун избавил нас от ужасной участи называть своим владыкой безумца, который в своем безумии утратил честь своего рода! Равена взяла ножницы и вырезала портрет, а потом прорыдала всю ночь – над ним, над своей памятью, над жизнью, которую у нее отобрали.

Декан Свен взглянул на нее утром и все понял. Он, как обычно, не тратил слов – просто сказал, что Авриль был бы хорошим королем для Дарангвара. Он был бы спасением.

Тогда Равена поняла, что воспитатель и наставник по-настоящему на ее стороне. Тогда она впервые назвала его своим отцом – про себя, конечно, не вслух.

– Нас не вернут, – твердо произнес Джемс. – Мы будем жить дальше, Равена. И у нас все будет хорошо, я тебе обещаю.

Равена понимала, что этим словам не стоит верить. Они не смогут убежать далеко. Теперь она совершеннолетняя и ее можно казнить и пытаться. Король это разрешит, а Ньют Гранвилл, о котором давным-давно ходит слава садиста и мерзавца, не упустит свой случай. Равена чувствовала его ненависть как далекую грозу, которая собирается на горизонте.

– Да, – кивнула она, – у нас все будет хорошо, Джемс.

Из собора вышел декан Свен. Он задумчиво постоял у дверей, а потом спустился и сел рядом с Равеной. Джемс тотчас же сделался строгим и серьезным.

– Ну что, заговорщики, – негромко сказал декан Свен, взял из протянутого кулька каштан, но есть не стал. – Уже решили, что делать?

Джемс кивнул, его бледные щеки покраснели, словно декан говорил о чем-то стыдном.

– Да, – кивнул он. – Решили.

– Сбежать перед ее свадьбой? – бросил на него быстрый взгляд декан.

Джемс снова кивнул головой и спросил:

– Вы слышали наш разговор?

– Нет. Просто я сам поступил бы так же. – От его спокойной поддержки Равене стало тепло и легко.

Она вдруг подумала, что все их с Джемсом детские мечты могут все-таки воплотиться в жизнь. – Готовьтесь, у нас еще есть время. А тебе, Джемс, придется сражаться со мной и ранить.

– Это еще почему? – возмущенно взвился Джемс, словно сама мысль о том, что он может как-то повредить декану Свену, причиняла ему боль.

– Потому что я верный друг его величества Малоуна, разумеется, – ответил декан. – Десять долгих лет я по его просьбе воспитывал принцессу Равену и теперь должен с почтением передать ее тому, кого король выбрал ей в мужа.

Равена согласно кивнула. Он был прав, если его воспитанница исчезнет просто так, это вызовет серьезные подозрения и в итоге может погубить весь Север.

– Конечно, я не мог допустить вашего побега. Пытался вам помешать – ты вступил со мной в драку, – продолжал декан Свен. Он не улыбался, но улыбка звенела в голосе, который звучал свежо и бодро. – Я, конечно, когда-то был хорошим бойцом, но ты намного моложе и сильнее. Так что... –



Он развел руками.

– Я боюсь, – быстро сказал Джемс. – И не хочу вас бить.

– Не бойся, – ответил декан Свен. – Я покажу, как это сделать правильно.

– Итак, ваше высочество, подведем итоги.

Бирен Хевенан был главой юридической коллегии Хвоста и навещал Авриля два раза в неделю.

Авриль кивнул и в очередной раз хлестнул плеткой по своей кровати. Хевенан сдавленно прошипел сквозь зубы и едва слышно продолжал:

– Контролируемое банкротство – это целенаправленные противоправные действия с целью получения финансовой выгоды от процедуры банкротства. Кем применяются такие манипуляции?

– Стороной-должником, – ответил Авриль, – для ухода от уплаты долгов при наличии возможности их погасить или сокрытия преднамеренного банкротства.

– Верно, – кивнул Хевенан и улыбнулся. Авриль был хорошим учеником. Чтобы сохранить занятия в тайне от Глемоны, ему пришлось научиться читать по губам, но он не жаловался.

– Есть еще и двойное банкротство, когда путем фиктивных сделок осуществляется вывод средств на контролирующее должника лицо, которое впоследствии также начинает процедуру банкротства, – произнес он.

Авриль снова хлестнул плетью по кровати, и Хевенан выругался.

Еще несколько занятий, замаскированных под визит к ритуальной девке, и Авриль сдаст экзамен на юриста. Хевенан, как и остальные высшие чиновники Хвоста, приходил в его комнаты совсем не для того, чтобы тешить плоть. Это была идеальная сделка: Авриль давал своим гостям благословение, а они приносили ему знания.

Он учился – всегда, постоянно. Отец говорил, что учиться нужно у лучших, и Авриль следовал его совету.

На уроках ему не надо было притворяться кем-то другим. Он был собой, хотя и понимал, что никогда не вернется ни в свое прошлое, ни в будущее.

– Более того, – продолжал Хевенан, – кредитор и в определенной мере должник находятся в группе риска получения обвинений и привлечения к субсидиарной ответственности. На этом на сегодня все, ваше высочество.

Авриль улыбнулся, дотронулся до лба Хевенана и произнес:

– Благословляю тебя силой Черной матери Глевы и Двоих. Будь счастлив.

Над его пальцами сверкнули серебристые искры и рассыпались. Хевенан просиял, заулыбался и, поклонившись, вышел из комнаты. Некоторое время Авриль сидел на кровати и задумчиво вертел в руках плетку, которой якобы охаживал главу юридической коллегии, а затем убрал ее в шкаф и решил, что надо вызвать массажистку.

– А правду говорят, что твое благословение приносит удачу?

Эсме работала у Глемоны всего несколько дней, но уже успела заслужить репутацию отменной массажистки. Сейчас, когда ее пальцы то с усилием ввинчивались в плечи, то скользили по коже едва заметными ласкающими движениями, Авриль чувствовал себя сломанной игрушкой в умелых руках мастера. Еще немного – и он будет починен и исправлен.

– Правда, – кивнул он. – Но для закрепления эффекта со мной лучше переспать.

Эсме расхохоталась, шутливо шлепнула его по плечу.

– Нахалка!

Ее смех был настолько заразителен, что Авриль тоже улыбнулся. Черные руки Эсме принялись мягко вращать его голову.

– А правда, что тебя ночью не видно? – спросил он.

– Правда, – охотно откликнулась Эсме. – Я поэтому и ношу пестрый тюрбан, чтобы мужчины не думали, будто их ласкает привидение.

– И кто тут нахалка? – усмехнувшись, поинтересовался Авриль. Эсме набросила на его плечи пушистое полотенце и приказала:

– На улицу пока не выходи, продует. Это твои заколки?

Авриль посмотрел на подзеркальник; отправляясь на встречу с полковником, он вынул из волос свои шпильки с шелковыми орхидеями. Брошь с вороном пришлось снять сразу же, как только он приблизился к дворцу Глемоны.

Сейчас был не тот момент, чтобы дразнить собаку.

– Хочешь, возьми, пусть подарят тебе удачу, – лениво ответил Авриль. Эсме рассмеялась и захлопала в ладоши. – И принеси мне газету, будь умницей.

– Ты такая милая! – Эсме поцеловала его в щеку и выпорхнула в коридор экзотической черной бабочкой с красными крылышками.

Авриль вдруг подумал, что его жизнь сейчас такая же бабочка в ладонях. Сомкнешь их – и все кончится.

В пекло бы этого полковника Итана, да на самое дно!..

«Дарангварский вестник», как обычно, посвятил первые страницы прославлению его величества Малоуна. Языки журналистов вылизали монарший афедрон до такого сияния, что его можно было перепутать с полной луной. Вот его величество подписывает новые законы, регулирующие добычу угля, вот вводится новый налог, который обогатит всех дарангварцев, вот очередной взяточник из благородного дома сослан на север без права возвращения, а другому отрубили голову.

В трудах государь-надежа, даже не присядет.

Авриль перевернул страницу и увидел портрет мужчины в военной форме. Горделивая осанка, презрительный взгляд, знамя с вепрем – сьор Ньют Гранвилл во всей красе. Его любили только лизоблюды на жалованье, у всех остальных владыка Третьего дома вызывал исключительно ненависть, смешанную с презрением.

Чем он отличился на этот раз? Устроил охоту, в которой в качестве добычи были крестьяне? Или запорол до смерти родителей девушки, которую обесчестил?

«Сьор Ньют Гранвилл, славный владыка Третьего дома, готовится к свадьбе со сьоррен Равеной Тисон. Государь Малоун искренне приветствует этот брак и назначает сьора Ньюта заместником и хозяином Севера».

Ньют Гранвилл. Усмиритель бунтующих окраин, который распял восставших вдоль дороги и собственноручно пытал их детей и жен. Ньют Гранвилл, которому отдают на откуп Север, – да что останется от Севера, когда он проживет там больше недели?

Ньют Гранвилл и Равена.

В висках запульсировала боль, глаза на мгновение заволокло красным – Авриль не помнил, когда его накрывало такой яростью. Может быть, в ночь Птичьей звезды, когда он, вооруженный саблей,

вылетел на один из отрядов Малоуна и, понимая, что не сможет победить, что убийца его отца слишком много, успел зарубить троих, прежде чем подоспел на выручку Герберт Рыбина со своими людьми, единственный, кто в ту ночь не предал короля.

На прощанье Авриль получил удар по голове, достаточный для того, чтобы следующие несколько дней плавать в море тошноты и слабости. Экипаж Герберта мчался на юг, Авриль то нырял в беспмятство, то снова приходил в себя. В памяти возникали крики и грохот и Герберт повторял: «У них Равена в заложниках, Равена... Отца и мать вы не спасете, так спасите ее».

Даже до Хвоста доходили слухи о том, что на Севере неспокойно. И Малоун решил бросить туда человека, который уже сумел себя показать.

Знал ли об этом Итан, когда пришел соблазнять Авриля возвращением на трон? Знал, это работа Сильных братьев – все знать.

К Равене послали мучителя и тирана. Малоун когда-то дал зарок не убивать детей, но Равена уже не ребенок.

Кого Малоун пошлет к южному бисалли, такому тихому и безвредному?

Авриль вздохнул и отправился переодеваться. Продует – и пусть.

Глемона встретила его в большом зале, по случаю позднего времени здесь уже никого не было, лишь служанки убирали огрызки, кувшины и пустые бокалы. Увидев, что Авриль собирается уходить, она как-то встрепелась, во взгляде, прячась за привычной медовой вежливостью, появился цепкий холод, словно Глемона что-то знала.

– Куда ты, дорогая? – спросила она, встав у Авриля на пути. – Уже поздно.

– У меня свидание, – сухо ответил Авриль, всем своим видом показывая, что спешит и не собирается задерживаться, но Глемона мягко придержала его за руки.

– Как, дорогая? Ночь на дворе! А если тебя кто-нибудь обидит?

Авриль невольно рассмеялся.

– Кто может обидеть бисалли? – спросил он и добавил уже суше, с металлическими нотками, которые когда-то слышал в отцовском голосе и которые теперь проступили сами собой: – Отойди, проклянну.

Глемона отступила в сторону – проклятие бисалли штука быстрая, действенная и отменить ее нельзя. Сегодня она своими глазами видела, как оно сработало. Авриль выскользнул из дворца в прозрачную свежесть южной ночи и быстрым шагом двинулся в сторону Большой Морской.

Как и полагал Авриль, полковник уже лег спать. Когда Итан спустился в гостиную в халате поверх пижамы, то Авриль невольно подумал, что мало кто его видел вот так, по-домашнему.

– Вы! – воскликнул Итан, и Авриль отметил, что полковник действительно удивлен. Видимо, не думал, что Авриль придет настолько быстро.

– Вы знали, что Равену выдают замуж за Гранвилла? – спросил Авриль, не тратя время на приветствия.

Итан задумчиво провел рукой по волосам, то ли размышлял, как именно соврать, то ли снова удивился.

– Я слышал об этом, – ответил полковник, и Авриль захотелось ударить его, даже рука сжалась в кулак и разжалась.

– Почему не сказали?

– Не думал, что это так важно.

Некоторое время они смотрели друг на друга, и Аврилю вспомнился далекий солнечный день. Он в тренировочном классе, учитель фехтования со шпагой, еще мгновение – и они оба бросятся в бой. Несмотря на изнеженную жизнь при храме Черной матери Глевы, Авриль до сих пор находил время на тренировки, и Глемона об этом не знала.

– То есть Малоун отдает мою сестру в руки садиста и убийцы, на верную смерть, а вы считаете, что это не важно?

– Вы со мной? – нетерпеливо ответил Итан вопросом на вопрос. – Вы отправитесь с принцессой Лией в Дарангвар?

Аврилю захотелось дотронуться до лица. Убедиться, что на нем нет маски фехтовальщика.

Убедиться, что он все еще жив.

– Разве у меня теперь есть выбор? – ответил он. – Скажите Стиосу, что я согласен.

Знамя короля Стиоса с горделивым лебедем развернулось над свадебным поездом, сверкнуло в небесной синеве золотом и лазурью, и Лия захлопала в ладоши.

– Вот и все! Едем! – воскликнула она, усаживаясь поудобнее. Отец дотронулся до ее лба, благословляя в добрый путь, и на мгновение Лие сделалось так грустно, что она не сдержала слез. Отец, который вдруг сделался очень несчастным и старым, провел дрожащей рукой по лицу, и Лия в этот миг была готова все бросить и остаться дома.

– Ну, будет, будет, – произнес его величество Стиос. Минута слабости и любви миновала, король всегда оставался королем, даже когда расставался с любимой дочерью. – Надо ехать, Малоун и без того считает, что мы затянули и слишком долго ждали.

Лия согласно кивнула. Она не вникала в те дела, из-за которых отец должен был остаться на Хвосте, свадьба с принцем Эдвардом снова захватила все ее мысли. Все это было словно в сказке: принц из правящей династии прислал сватов и брал ее в жены!

– Он истинный рыцарь, – сказал отец, но в его голосе было что-то, что заставляло Лию чувствовать подвох. – Благородный, достойный, прекрасно воспитанный. Он никогда не обидит тебя. Ты будешь счастлива, Лия.

Лия в этом не сомневалась. Она видела портреты Эдварда и думала: можно ли влюбиться в человека по портрету? Полюбить эти темные волнистые волосы, эти голубые глаза, которые смотрят так прямо и уверенно, это гордое выражение лица, за которым скрывается сильная душа?

Она была уверена, что можно.

Усевшись на скамье напротив, полковник Итан Блэкмур, Сильный брат, махнул рукой, и свадебный поезд медленно двинулся к воротам. За ним расплескалось людское море – чуть ли не все жители Ахани вышли проводить свою принцессу, которая отправлялась в Дарангвар, чтобы никогда больше не вернуться домой.

Экипаж выехал за ворота, и Лия ослепла и оглохла от восторженных криков горожан и охапок цветов, которые они бросали под колеса ее экипажа, чтобы дорога была удачной, а семейная жизнь счастливой.

– Слава принцессе!

– Лебедь! Лебедь!

– Лебедь и Волк!

Лия улыбалась, мягко махала рукой, думала о том, как это хорошо – всем нравится, быть всеми любимой. Сегодня ей все было по сердцу: и солнечная погода, и всеобщая любовь, и светлое дорожное платье, которое сидело на ней просто идеально.

Все было хорошо, и Лие показался странным тот взгляд, которым на нее смотрел полковник Итан. Когда свадебный поезд выехал из Ахани и двинулся по Драконьему тракту, принцесса не выдержала и спросила:

– Что-то не так, полковник?

Она недолюбливала Сильных братьев, как, впрочем, и многие другие. Вряд ли люди, которые по долгу службы вынуждены все знать об окружающих, будут пользоваться их любовью.

– Вы счастливы, ваше высочество? – поинтересовался полковник. Лия подумала, что он красив. Скуластое лицо, тонкий прямой нос, ровная линия бровей и взгляд, словно бы загадывающий загадку, – полковник был похож на трагического актера.

– Да, – ответила Лия, чувствуя подвох.

– А вы понимаете, что вас делают разменной монетой и почетной заложницей?

Ахани остался позади; отступили дворцы и базары, храмы и музеи, башни и труппы. Впереди лежали холмы, похожие на драконьи спины. Некоторое время Лия молчала, пытаясь понять слова полковника.

Заложница? Что за глупости! Она будет женой принца Эдварда. Женой и когда-нибудь королевой Дарангвара, а не птичкой в клетке. Странно, что Итан не видит разницы.

– Не понимаю, о чем вы говорите, полковник, – холодно ответила Лия.

Итан усмехнулся правой стороной рта.

– Ну еще бы, вы очаровательная девушка, которая думает о нарядах и любви. Но если ваш отец сделает что-то не так, вас убьют. А станете капризничать – плохо будет вашему отцу. Поэтому вы будете милой и послушной, даже когда его высочество Эдвард пойдет в спальню своей фаворитки. Кровь прилила к щекам, отхлынула и прилила опять. Лия чувствовала, что готова упасть в обморок, слова полковника были похожи на грубые пощечины, которыми он отхлестал ее.

Фаворитка? Какие могут быть фаворитки при живой жене? Ее отец всегда был верен ее матери и никого к себе не приблизил, даже когда овдовел.

Лия была уверена, что и в ее семье все будет так же.

– Фаворитка? – только и смогла вымолвить она, вдруг сделавшись маленькой и никому не нужной, выбитой из привычной жизни. Даже дышать стало больно.

– Сьоррен Клер Ретерфорд, его фактическая жена, мать его детей, – невозмутимо ответил полковник. – Малоун свел их, когда хотел проверить, способен ли его сын сделать наследников.

Лия сжала челюсти, понимая, что сейчас разрыдается, как ребенок. Почему ей не сказали об этом? Почему она ничего не знала? Она чувствовала себя куклой, которую выбросили, наигравшись, – и бывшая любимица лежит в пыли и ветер треплет грязные кружева по подолу платья...

– Пусть бы и женился тогда на этой сьоррен Клер, – пробормотала Лия, теребя поясик.

Итан усмехнулся.

– Наследник дарангварской короны – и на женщине более низкого происхождения? Нет, это совершенно невозможно. Но они любят друг друга, сын и дочь его высочества официально признаны, хотя до короны дело не дойдет, конечно.

«Знал ли отец?» – подумала Лия. Наверняка знал. И все равно отправил Лию в Дарангвар – от друзей, от дома, от привычной жизни. Лия все-таки не сдержала слез, Итан сочувственно покивал головой и протянул ей белоснежный носовой платок.

– Отец... – прошептала Лия. – Как он согласился на этот брак?

Итан улыбнулся.

– Рудники разрыв-камня, которые ему отдал Малоун, – ответил он. – Вы не представляете, какие это деньги и какая это власть... Там дальше будут старые драконьи гнезда, кажется?

Лия шмыгнула носом, посмотрела туда, куда показывал полковник. Слева холмы обрывались в море, будто обрезанные ножом, белые скалы были изъедены червоточинами давних драконьих ходов.

Драконов там давно не было, они переселились к югу.

– Представляете, если дракона накормить разрыв-камнем? – усмехнулся полковник. – Это же новое оружие и невероятно могущественное. Гром и пламя с неба, любой враг отступит.

– То есть отец обменял меня на оружие? – спросила Лия. Еще утром она не поверила бы, что будет ехать в свадебном поезде к прекрасному принцу и мечтать умереть.

– В определенном смысле это так, – ответил Итан, и Лия почему-то обрадовалась, что он говорит с ней честно. – Я не знаю, отчего его величество Стиос не стал говорить с вами сам и поручил эту честь мне. Возможно, боялся.

– Чего? Что я что-нибудь с собой сделаю от отчаяния?

– Я не знаю, – повторил Итан. – Но вот что скажу вам, ваше высочество. Вы обязательно станете королевой Дарангвара, и очень скоро. Потому что в Дарангваре будет новый король.

Из-за холмов показалась всадница в темно-синем. Она сидела в седле по-мужски, волосы были убраны под шляпку, и даже издали было видно, как богато ее плащ отделан серебром. Отчего-то Лие сделалось холодно, и она подумала, хоть бы эта девушка проехала мимо. Хоть бы это была просто барышня на прогулке.

Девушка приблизилась, и всадники королевской охраны, которые ехали впереди, вдруг вскинули сабли, приветствуя ее так, словно она принадлежала к владыческой семье.

– Бисалли! – услышала Лия. – Бисалли с нами! Слава Двоим!

Девушка небрежно махнула им рукой, подъехала к экипажу принцессы, и Лия узнала в ней храмового юродивого, принца Авриля.

Однажды она столкнулась с ним носом к носу, когда по традиции выходила на новый год раздавать милостыню. Авриль тогда улыбнулся, дотронулся до лба оцепеневшей от страха Лии и негромко благословил ее.

Тот год выдался хорошим. Лия ни разу не болела, и все складывалось так, как она хотела. И принц Эдвард прислал сватов как раз в конце года...

– Я рад, что вы с нами, – искренне и тепло произнес Итан.

Авриль презрительно скривил губы.

– Я держу свое слово, в этом моя беда, – ответил он. – У вас достаточно оружия, полковник?

Итан удивленно посмотрел на него и кивнул:

– Да, достаточно, чтобы отразить любое нападение. А что?

Авриль усмехнулся, и Лия подумала, что он глубоко, непереносимо несчастен.

– Впереди дракон, – ответил он. – И довольно крупный.

## Глава 2

### Вепрь

Памфлет Робина Хонни появился в Каттерике словно бы ниоткуда. Только что его не было – и вот на каждой двери, на каждом столбе уже желтеют листки, свежие, пахнущие краской, только что из типографии.

– Север разоряют в интересах Дарангвара, – медленно вода пальцем по строчкам, читала женщина в клетчатом платье ткачихи. Девушки, обступившие ее, слушали, удивленно приоткрыв рты.

Полицейский стоял чуть поодаль и старательно делал вид, что ничего не происходит. Ну читают бабы какую-то бумажонку, и что? Читать законом не запрещено.

Робина Хонни, возмутителя государственного спокойствия, бунтаря и смутьяна, искали по всей стране. Он не давался в руки и лишь разбрасывал все новые и новые памфлеты по всему Северу.

Робин Хонни говорил – и его слушали.

Робин Хонни звал – и на его зов откликались.

Робин Хонни, вездесущий и невидимый, был настоящим хозяином неласковой северной земли.

– Каждый день северянин спускается под землю и добывает уголь, который потом уходит в карманы Малоуна. – Под ногти тяжелых рук мужчины вбилась черная невымываемая кайма, листок памфлета в его пальцах казался крошечным. Завсегдатаи маленького паба, кажется, перестали дышать. – И что он получает взамен? Может быть, здоровье и счастье своей жены и детей? Может быть, сытый желудок? Нет!

– Вчера я видел страшное зрелище: в шахтерской семье умер ребенок. – Юные сьоррен в светлых платьях, сидевшие рядом с немолодым джентльменом на скамье в парке, вздохнули, поднеся платки к глазам. – Он умер от голода, и это в наше просвещенное время! Кто же отобрал эту жизнь? Алчный Дарангвар вместе с углем и нашей свободой! Есть у меня совет для его величества: если не можешь прокормить детей Севера, обрекая их на нищету и голод, то лучше продай их на мясо, а из кожи сделай перчатки! Это еще один товар, за который ты можешь получить деньги.

Декан Свенссон перевернул страницу святого Писания и прочел последние строки с желтого листка памфлета:

– Всякая власть без согласия и одобрения народа – это рабство. И по законам Двоих, по законам природы и человеческой сути, мы можем и должны забрать себе свою свободу.

Равена, сидевшая на скамье в первом ряду, смотрела на него с любовью и отчаянием. Свенссон знал, что в эту минуту экземпляры памфлета летят по всему Северу и голос Робина Хонни говорит со всеми – шахтерами и прачками, поварами и полицейскими, джентльменами и сьоррен – и они слушают его.

Свенссон подумал, что ему не страшно. Страх был вначале, когда он написал первый памфлет и боялся, что за ним придут люди Малоуна. А теперь Свенссон знал, что им движет истинное желание защитить своего ребенка, а все северяне были его детьми.

– Как... это... мило, – прозвучал чей-то голос. Все обернулись – по проходу шел мужчина в темной дорожной одежде. Его взгляд был колючим и цепким; когда он смотрел на кого-то из прихожан, те невольно спешили опустить голову как можно ниже.

Равена приподнялась было и снова села. Сейчас она была похожа на маленькую испуганную птичку, к которой двигался кот. Люди из личного отряда Ньюта Гранвилла вошли в собор, внеся знамена с

вепрем, символом Третьего дома, и Свенссон подумал, что с Гранвилла случилось бы въехать в храм божий верхом на коне.

– Я увидел эту бумажонку, когда подъезжал к Каттеррику, – с улыбкой произнес Гранвилл и показал собравшимся скомканный памфлет Робина Хонни. – И надо же! Это читают в главном соборе!

Свенссон привык здраво оценивать свои силы и способности и сейчас сказал себе, что может и не выстоять. Ньют Гранвилл выглядел как джентльмен, но все знали, что это впечатление обманчиво – за внешностью благородного человека скрывался большой ублюдок и моральный урод. Свенссон подумал, что уже вечером его могут повесить – Гранвилл постарается. Равена посмотрела на Свенссона, и в ее взгляде была мольба: не отдавай меня ему! Спаси меня!

«Двое, помогите нам», – подумал Свенссон, перевернул несколько страниц, закрывая памфлет, и с достоинством ответил:

– В главном соборе читают святое Писание, книгу апостола Саула. Присядьте, съор Гранвилл, послушайте. Возможно, святой Саул достучится до вашего сердца.

В нем вдруг пробудился дух противоречия и стремления к победе над злом. Сейчас за кафедрой стоял Робин Хонни, а не Свен Свенссон. Он смотрел на человека, за спиной которого лежала дорога, политая кровью врагов короны, и знал, что победит.

– Сердце? – усмехнулся Гранвилл, и от этой усмешки у Свенссона похолодела спина. – Мое сердце будет отдано моей дражайшей супруге, так, кажется, принято говорить. А святой Саул... – Гранвилл указал на одну из деревянных статуй. – Это он, если не ошибаюсь, в львиной шкуре на плечах? Святого Саула называли Львом Пустыни – когда его бросили на арену голодному льву, он укротил хищника словом божьим. Свенссон кивнул; Гранвилл быстрым шагом прошел к статуе и молниеносным движением пригвоздил смятый памфлет к ее лбу. Все это время в его руке был маленький нож.

Прихожане ахнули. Храм наполнился возмущенными возгласами, но Гранвилл улыбнулся, и стало тихо. Его лицо было искажено такой гримасой, что Свенссону было больно смотреть. Равена издала едва слышный вздох, и ее пальцы побелели, стискивая спинку скамьи.

– Пусть святой Саул и все благоразумные и верные королю горожане, – отчетливо проговорил Гранвилл, – выдадут мне этого Робина Хонни, или кто там скрывается за этим именем. Государь отправил меня сюда, чтобы я нашел этого бунтаря и подстрекателя и заставил образумиться тех его поклонников, которые останавливают работу шахт и выдвигают странные требования. Если я найду его сам, то уверяю, городу это не понравится. Городу будет больно.

В груди Свенссона вдруг шевельнулось то самое чувство, которое много лет назад взяло его за руку и привело в семинарию. Ощущение прикосновения ласковых родительских рук к голове было пронзительным и реальным. «Не я иду, Двое ведут меня», – подумал он.

Ньют Гранвилл приехал сюда усмирять Север и убивать северян. Свенссон знал, что будет дальше, и не хотел видеть горожан и их детей распятыми на столбах вдоль большого тракта. Равена закусилла костяшку указательного пальца, чтобы не закричать, – детская привычка, за которую Свенссон когда-то корил ее.

«Все будет хорошо, маленькая, – подумал он, словно Равена могла услышать его мысли. – Пока он будет заниматься мной, тебе помогут сбежать на юг».

– Двое поругаемы не бывают, – с достоинством произнес Свенссон и добавил, словно делал шаг в



пропасть: – Что ж, сьор Гранвилл, вот он я, Робин Хонни.

Гранвилл посмотрел на декана так, будто тот снял штаны – он ожидал чего угодно, только не этого. Он был действительно удивлен. Люди из его охраны сделали несколько шагов в проход между скамьями. Равена вздрогнула, всем телом подаваясь вперед, к кафедре, желая уже не прятаться от беды, а закрыть Свенссона собой.

– Я и подумать не мог... – начал было Гранвилл, но в это время во втором ряду воздвиглась громадина – местный мясник Джемми Бринн выпрямился и пророкотал:

– Я Робин Хонни!

– Сядь... – прошептал Свенссон.

У Джемми была жена и пятеро детей, он не мог совать голову в петлю. Его сосед, пивовар Эндрю, с которым Джемми ругался каждый день чуть ли не до драки, встал и, скрестив руки на груди, негромко признался:

– Я Робин Хонни, сьор. Вы же меня ищете?

Гранвилл побледнел. Поднялись близнецы Аркрайт, которые работали в почтовом отделении, и в один голос выпалили:

– Я Робин Хонни!

И вскоре все прихожане собора, мужчины и женщины, дворяне и простолюдины, стояли перед Ньютом Гранвиллом и кричали:

– Я Робин Хонни!

И Равена тоже поднялась со скамьи. Она смотрела на навязанного жениха с такой ненавистью, что у Свенссона занял висок. Он и подумать не мог, что его Равена, девочка, которая таскала лягушек в карманах и лазала за яблоками через ограду, может так смотреть.

Гранвилл вздохнул – и вдруг рассмеялся.

– Мне говорили, что на Севере бунтуют, – произнес он, – но я не думал, что так сильно. Что ж, это даже интереснее! Я люблю сложную работу.

– И часто они тут собираются?

Хлеб, ломтик сыра, горсть крупы, бутылка молока. Стараясь не сосредотачиваться на страхе и ненависти, что дымились в ее душе, Равена передала очередной бумажный пакет молодой женщине, прижимавшей к груди ребенка, и сказала:

– Благослови тебя Двое.

Женщина казалась прозрачной от уже привычного недоедания. Подхватив пакет, она кивнула Равене и отошла от раздаточного стола. Хлеб, ломтик сыра, горсть крупы, бутылка молока. Не до сытости, но можно пережить еще один день и не протянуть ноги с голоду. Еще один пакет перешел в руки старухи.

– Благослови тебя Двое.

Равена чувствовала взгляд Гранвилла на своем затылке, словно обжигающую печать. Так хозяин рассматривает покупку. Его люди лениво развалились на скамьях в соборе, хорошо, что фляги не вытащили. Все они уже считали Север своей собственностью, и при мысли об этом Равену накрывала такая волна ярости, что темнело в глазах.

– Каждый день, – ответил декан. – Это бедняки Каттерика, я кормлю их из собственных средств.

Присоединяйтесь к раздаче, сьор Гранвилл! Вы понравитесь людям.

Хлеб, ломтик сыра, горсть крупы, бутылка молока. Равена усмехнулась, и двое детей понимающе кивнули ей. Понравиться людям? Нет, Ньют Гранвилл приехал сюда не за этим. Волк не собирается нравиться овцам. При мысли о том, что это ее будущий муж, что с ним придется жить в одном доме и делить ложе, Равену начинало тошнить.

Где он остановится, интересно? Должно быть, у бургомистра, тот знатный лизоблюд и не упустит случая услужить посланнику короля и новому хозяину Севера.

– Значит, бедняки Каттерика... Многовато их тут. Работать они, конечно, не пробовали?

Равена стиснула челюсти, пытаясь сдержать рвущиеся с языка слова. Сейчас надо быть тихими и послушными. Еще один пакет перешел в руки одноногого парня, бывшего шахтера. Он подмигнул девушке и быстрым движением провел пальцем по ее ладони.

– Благослови тебя Двое, – негромко сказала Равена.

– Все они работают или работали, съор Гранвилл. Не их беда, что им не платят на шахтах вовремя. Не их беда, что их выбрасывают, если они не могут махать кайлом и тянуть тележки. Посмотрите на того парня, бедолагу покалечило в шахте. Ему обещали пенсию, но слова остались лишь словами.

Гранвилл прошелся по собору, остановился возле высоких витражных окон. Святой Саул так и стоял с прибитым ко лбу памфлетом.

– Почему же вы назвали себя Робинот Хонни? – осведомился он тем тоном, которым один благородный господин говорит с другим за карточным столом и рюмкой дахавской водки.

– Потому что я человек короля. Мне никто не причинит вреда, в отличие от моих прихожан.

– То есть это милосердие пастыря?

– Оно самое.

Джемс подтащил еще один ящик с упакованными обедами. У Равены впервые за весь день на душе потеплело. Девушка улыбнулась ему и только потом подумала, что это опасно.

– По всему Каттерикку его люди, – произнес Джемс одними губами. Равена кивнула.

– Уилл сказал, – ответила она, вспомнив прикосновение к ладони. Джемс улыбнулся ей и вышел из собора на улицу. Равена смотрела ему вслед. Ей нравилось смотреть, как он идет – прямой, тонкий, словно ветка.

Равена не знала, любовь ли это, но ей хотелось смотреть и хотелось касаться.

– Замечательно, – услышала она голос Гранвилла. – Съоррен Равена, подойдите сюда. Дайте-ка мне взглянуть на вас.

Равена передала пакет девочке в деревянных ботинках и залатанном платье. Выпрямилась. Хотелось надеяться, что ее злость и гнев сейчас не отражаются на лице, пусть кровь и прилила к щекам.

– Не заставляйте меня ждать, съоррен Равена. – В голосе Гранвилла уже не было ни следа от вежливости столичного джентльмена. Так мог бы говорить зверь.

Равена обернулась. Свен убирал книги с кафедры, и взгляд, который он бросил в ее сторону, красноречиво советовал не спорить. Гранвилл сидел на скамье и смотрел на Равену с придирчивостью хозяйки, выбирающей кусок мяса. «Я и есть для него кусок мяса», – подумала Равена и неторопливо подошла к нему.

– Значит, Равена Тисон, – задумчиво проговорил Гранвилл. – Дочь Айка Тисона, короля Ворона. Его величество Малоун поженил нас.

Краем глаза Равена видела декана, Свен неотрывно смотрел на нее, словно пытался предостеречь от

ошибки.

– Меня это не радует, сьор, – глухо ответила она. Если бы только можно было вцепиться в его физиономию!

– Вот как! – рассмеялся Гранвилл. Теперь его взгляд изменился, он словно снимал с Равены одежду слой за слоем, проникая даже не к обнаженной коже – внутрь ее тела. – Ваш наставник не научил вас вежливости?

– Мой наставник научил меня говорить правду, – сказала Равена. – И вот вам правда: я лучше утоплюсь, чем стану вашей женой.

«Равена, не говори так», – ей показалось, что она услышала мысли Свена. Гранвилл снова рассмеялся, и Равена представила, как эти белые зубы вгрызаются в мясо. «Не нужны ему ягнята, – говорили по всему Дарангвару, – он насыщается человеческой плотью».

Гнев стал отступать перед страхом.

– Вы уже стали ею неделю назад, – сообщил он и извлек из кармана сложенный вчетверо лист бумаги. Бумагу украшала королевская печать. – Его величество Малоун уже подписал свидетельство о браке.

Мраморный пол собора качнулся под ногами. Равене показалось, что сейчас она упадет. Двое всемогущих, они ведь думали, что у них еще есть время!

– Уже подписал? – растерянно спросил Свен. – То есть...

Он осекся. Гранвилл небрежно швырнул бумагу на скамью, молниеносным движением подхватил Равену и перебросил через плечо. Она заорала во всю глотку, ударила его по спине, забила ногами, но с тем же успехом можно было пинать скалу.

– Подождите! – воскликнул Свен, бросившись к ним, и люди Гранвилла тотчас обнажили сабли. – Вы не посмеете!

– Нет! Не трогайте меня! – закричала Равена. – Отец!

О декане Свене Свенссоне говорили, что он одинаково хорошо держит в руках и святое Писание и саблю – вот только сейчас сабли под рукой не оказалось. Свен подхватил длинную палку с крюком, которой обычно поправлял шторы, но против дюжины вооруженных здоровяков это было слабое оружие.

– И станут двое единой плотью! – смеясь, воскликнул Гранвилл. – И не разделит никто тех, которые соединились! Видите, я тоже знаком со святым Писанием!

И он широким решительным шагом двинулся в сторону жилых комнат при соборе. Равена продолжала кричать, только это она теперь и могла. Последнее, что она увидела перед тем, как Гранвилл свернул за угол, был Свен с дюжиной мужчин, обступивших его.

Дракон вылетел из-за холмов так, словно его преследовали. Глядя, как он то заваливается вправо, то выравнивает полет, Авриль подумал, что зверь испуган до смерти. Кажется, он даже не видел, куда летит, и не замечал свадебного поезда, лошадей и людей.

Охрана принцессы бросилась расчехлять ружья, и Авриль заметил среди них новую разработку – бронебойный «Угорь», способный пробить драконий панцирь.

– Стоять! – проревел он так, что лошади свадебного поезда присели. – Ружья вниз!

Все подчинились ему от неожиданности.

Ветер сорвал с головы Авриля кокетливую шляпку и понес ее куда-то вдаль. Авриль спрыгнул на

землю, и его лошадь, которая дрожала от ужаса, вырвалась и поскакала по дороге. Что ж, хотелось надеяться, что в свадебном поезде найдется где сесть.

Вещи только жалко. Авриль взял с собой совсем немного, но...

Дракон несся, как лошадь Авриля, не разбирая дороги, подгоняемый плетью ужаса. Какое-то время Авриль не видел ничего, кроме распахнутой пасти с тремя рядами сверкающих зубов. Когда пасть надвинулась на него, заслонив небо и землю, он вскинул руки над головой и приказал:

– Остановись!

Он никогда не использовал ритуальную магию с драконами и не знал, поймет ли зверь его приказ. Кажется, ветер поднялся до облаков и обрушился на землю. На мгновение мир погрузился во тьму. Потом Авриль опомнился и услышал, как за его спиной кто-то всхлипывает и молится, умоляя Двоих о пощаде и милосердии. В это время его толкнули в плечо, и Авриль еле удержался на ногах. Он открыл глаза и увидел прямо перед собой драконью морду. Дракон снова ткнулся лбом в его плечо и заскулил.

– А... – с искренним сочувствием промолвил Авриль. – Так это ты плачешь?

– У-ухм, – вздохнул дракон. Сейчас, стоя вплотную, Авриль купался в его чувствах – в страхе, огромном и неукротимом, в отчаянной надежде на помощь.

– Ну, тихо, тихо...

Авриль надеялся, что его голос звучит достаточно спокойно и дракон не почувствует, что все в нем сейчас дрожит от ужаса. Пересилив себя, Авриль поднял руку и осторожно провел по золотистым чешуйкам на морде. Изумрудно-зеленые глаза широко открылись от удивления и дракон вздохнул.

– Все хорошо, – произнес Авриль, продолжая гладить зверя. Магия, данная ему Черной матерью Глевой, окутывала дракона, успокаивая и приручая его. Скоро он будет послушен, как верный пес. – Все хорошо. Не плачь, не надо. Я с тобой, мы тебя не обидим.

Сзади кто-то ахнул. Дракон затрясся, вздохнул, словно с трудом сдерживал рыдания. Ему было страшно, и Авриль снова подумал, кто мог так напугать дикого дракона.

Он обернулся. Люди смотрели на него с тем восторгом, который граничит с обожанием божества. Остановить обезумевшего зверя, приручить его и спасти всех – что ж, это было похоже на подвиг. Принцесса Лия, милое дитя, едва не хлопала в ладоши от радости. Полковник Итан не сводил глаз с дракона, и Авриль заметил у него на коленях еще одного «Угря» с взведенным курком.

– Что могло его напугать, как думаете? – беспечно спросил Авриль, словно речь шла о карманной собачке, которая столкнулась с котом и напрудила на паркет с перепугу. Итан пожал плечами.

– Драконы ничего не боятся, – ответил он. – Может быть, шторм?

Авриль посмотрел на море, видневшееся поверх сложенного драконьего крыла. Небо было светлым, воды спокойными, но далеко-далеко у горизонта лежала полоса бурлящей тьмы и она медленно приближалась. Авриль показалось, что кто-то смотрит на него из грозового мрака, смотрит так, словно оценивает в нем противника. Он чувствовал этот взгляд, как прикосновение липких пальцев к лицу.

– Буря движется с Проморья, – кивнул Авриль. – Нам нужно побыстрее найти укрытие.

– Нас ждут в Деленвиле, – сказал Итан. – Гейб Рори, бывший министр финансов. Знаете его?

Авриль усмехнулся. Конечно, он знал съора Гейба, которому их тесное общение принесло деньги, положение в обществе и спокойный уход в отставку, а не на плаху. А сам Авриль узнал во время их

встреч столько о тайных течениях мировой экономики, что при желании мог бы консультировать банкиров и финансистов.

– Разумеется, – кивнул он. – Что ж, нам лучше поторопиться.

Черная полоса на горизонте становилась все шире. Аврилю показалось, что он видит белую соринку парусника, которую заглатывал мрак. Дракон снова заскулил и подставил шею под руку Авриля. Он погладил зверя, почесал и спросил:

– Ну что, мой хороший, повезешь меня?

– У-ухм! – откликнулся дракон и лег так, чтобы Аврилю удобнее было забираться на его спину.

Принцесса Лия восторженно ахнула, и Авриль подумал, что скоро она будет просить его покатать ее на драконьей спине.

Бедное невинное дитя! Какая интриганская шкуродерня ждет эту девочку в столице, только держись. Никакая магия не спасет от разъяренной сьоррен Клер, которая уже ненавидит будущую жену Эдварда.

– Едем! – произнес Авриль, забираясь на драконью спину. Он никогда не катался на драконе, тем более без упряжи, но понимал, что не стоит показывать свою неуверенность ни зверю, ни людям.

Покинув столицу, сьор Гейб поселился в тихом и спокойном поместье среди холмов. Подъезжая к гостеприимно распахнутым воротам, Лия не чувствовала ничего, кроме усталости.

Авриль был прав – надвигался шторм, он уже раскинул крылья в полнеба. Поднялся ветер; знамена с лебедем развернулись и наполнились торжественным гулом. Дракон, который за несколько минут привык к Аврилю так, словно тот воспитывал его, взяв из яйца, уже приземлился во дворе. Лия видела, что сьор Гейб, который вышел встречать гостей, как и полагается доброму хозяину, смотрит на него с опаской.

– Добро пожаловать! – воскликнул он, когда Итан помог Лии спуститься на плиты дорожки. – Как же я рад вас видеть, моя дорогая! Помните, наверное, наши яблочные пироги?

– Помню, – улыбнулась Лия. – Добрый вечер, сьор Гейб.

Когда-то пироги из здешних яблок были ее излюбленным лакомством. В те дни сьор Гейб казался ей добрым стариком, который относился к ней с искренним теплом. Потом Лие было приказано следить за фигурой и отказаться от мучного и сладкого, но ощущение чужой доброты и тепла так и осталось в ее памяти.

Кто знает, как обстоит дело сейчас... После разговора с Итаном Лия не знала, что делать и кому доверять. Гейб всегда относился к ней как к родной внучке, но...

– Проходите, проходите! – Гейб широким жестом указал на гостеприимно распахнутые двери, и Лия увидела в гостиной изящный силуэт Авриля с бокалом в руке. – Буря идет, будь она неладна.

Хорошо, что вы успели добраться.

В просторной столовой уже накрыли ужин. Итан на правах сопровождающего джентльмена сел рядом с Лией, и слуга тотчас же поставил перед ними пергаментные гнезда: рисовая лапша, розовые креветки с ладонь размером, лемонграсс. Авриль расположился напротив, и Лия в очередной раз подумала, что он невероятно похож на девушку.

Но никакая девушка не сможет приручить дракона. Становясь у него на пути, он был воином, а не холеной красавицей, которая держит вилку, словно изысканное украшение.

– Ну, господа! – воскликнул Гейб, поднимая бокал белого вина. – Счастлив, искренне счастлив, что

вы почтили посещением мой скромный дом! Будем здоровы!

Снаружи донесся раскат грома, пока еще тихий, словно буря только пробовала себя. Авриль сделал глоток из бокала и поинтересовался:

– Скажите, дорогой друг, а вы не замечали чего-либо подозрительного в старых драконьих гнездах?

Гейб пожал плечами. Креветки были на удивление вкусны, но Лии сейчас кусок в горло не лез.

– Ничего. Они пусты. А почему вы спрашиваете, моя дорогая?

– Дракон, на котором я прилетела, принял на себя магический удар, – ответил Авриль, подцепив колечко креветки. Итан удивленно поднял левую бровь. – Я прикинула направление, он шел как раз со стороны старых гнезд. У несчастного животного задеты крылья и хребет, и я даже думать не хочу, что было бы, если бы он не оказался у нас на пути.

Лие вдруг сделалось страшно. Ноги сделались какими-то чужими.

Магический удар, направленный на свадебный поезд? Но зачем?

– Ни я, ни мои слуги не видели ничего подозрительного, моя дорогая, – покачал головой Гейб. В это время слуги внесли блюда с филе рыбы в кокосовом молоке. – Но эти норы на самом деле могут стать прибежищем негодяев. Я только не знаю, кому на Хвосте понадобилось нападать на вас. Ее высочество Лию обожают! – Гейб взял ломтик хлеба и пощелкал пальцами. – Да вот хоть взять тот случай с засухой... Кто на Хвосте захочет зла ее высочеству, когда она отдала народу личный источник минеральной воды!

К щекам прилил румянец, и Лие сделалось невероятно стыдно. Она не сделала ничего такого, за что ее следовало бы хвалить.

Да, отдала источник.

Ну и что?

Она вдруг поймала взгляд Авриля, цепкий и холодный, в нем не было ни следа женского кокетства. Человек, сидевший напротив, оценивал Лию, словно представлял, как она может пригодиться в его планах.

– Вы-то, я помню, свой источник не отдали, – улыбнулся Авриль и приподнял бокал: ваше здоровье, дорогой хозяин!

Гейб рассмеялся.

– Так во мне и нет того совершенства, которое есть у ее высочества! – воскликнул он. – И которое есть у вашей дорогой сестры. Она, как я слышал, отдает почти все свои деньги голодающим северянам.

На мгновение лицо Авриля изменилось, словно он заглянул в бездонный колодец ада и увидел мертвых драконов, которые липли к его стенам.

– Ее совершенство отдают Ньюту Гранвиллу, – произнес Авриль.

Лия неожиданно остро почувствовала себя лишней за этим столом. Бросила взгляд на Итана – полковник ел рыбу с таким видом, словно его ничего не интересовало, кроме еды.

– Сочувствую, моя дорогая, – с искренним сожалением ответил Гейб. – Но вы ведь готовы все изменить, не так ли? Оттого вы и отправились в путь?

Авриль быстрым движением дотронулся до прически. Лия вспомнила, что вся его магия заключается в волосах. Если их остричь, он будет обычным человеком, магия Черной матери Глевы постепенно покинет его. Кажется, Гейб решил, что сейчас Авриль проклянет его, и воскликнул, примирительным

жестом выставив вперед руки:

– Дорогая моя, я прекрасно понимаю ваши чувства! И не только я, но и лучшие, достойнейшие люди страны. Полковник Блэкмур, я полагаю, кое-что вам рассказал?

Лиэ показалось, что она падает. Стул, на котором она сидела, будто бы исчез, и она полетела в пропасть.

Слезы подступили к глазам Лиэ. «Папочка, забери меня отсюда», – промелькнуло у нее в голове, и девушка подумала, что ее отец обо всем знал.

Она была маленькой и никому не нужной. Лишней. Вернее, нет – она была игрушкой в чужих руках и не понимала, что ею играют.

– Да, рассказал определенную часть, – непринужденно согласился Авриль. – Но я не знала, что вы среди тех, кто меня поддерживает, если можно так выразиться.

– Помилуйте! – развел руками Гейб. – Неужели вы думаете, что ваши старые друзья оставят вас без помощи и денег? Я слишком многим вам обязан, чтобы бросить на произвол судьбы.

Авриль тонко улыбнулся. Прикрыл глаза.

«Что со мной будет?» – с нарастающим ужасом подумала Лиэ. Пальцы нервно сжались на перламутровой ручке столового ножа.

– Что же вы хотите получить взамен? – поинтересовался Авриль. – Карманного короля?

«Короля, – повторила Лиэ. – Двое всемогущие, это невозможно!»

Она понимала, что на трон можно посадить кого угодно, если иметь достаточно денег и сил, например Авриля. Почему бы нет? В конце концов, он имел все права на корону Дарангвара. Но что тогда будет с ней?

– Моя дорогая, мне всегда нравились ваши изысканные метафоры, – с прежними медовыми интонациями сообщил Гейб. – Я скажу проще: взамен все достойные люди Дарангвара и Хвоста хотят такого же достойного государя. Без войны с Проморьем и без забастовок на Севере. Нам ведь здесь тоже нужен уголек. Зимы бывают прохладными.

Авриль понимающе кивнул. Снаружи сгустилась тишина... и вдруг ударило, загрохотало, забило по стеклам сырыми твердыми пальцами. Лиэ невольно перевела взгляд на тьму за окнами. Плохо же тому, кто в такую погоду не имеет приюта.

– Со мной все понятно, – сказал Авриль, вертя в пальцах вилку с насаженной на нее креветкой – просто возмутительное нарушение этикета. – А что же это милое дитя?

Вилка указала на Лиэ, и это было как пощечина. В ушах зашумело, глаза сделались горячими и сухими.

Гейб улыбнулся, и Лиэ почувствовала, что вот-вот расплачется.

– Вы будете королем по праву, – с искренним уважением произнес он. – А у короля обязательно должна быть королева.

Попугай был крупным и таким ярким, что его южное величие резало глаз. Длинный алый хвост, ярко-зеленые крылья, изогнутый клюв – девушки были в полном восторге, хлопали в ладоши и пританцовывали. Попугай давался даже гладить. Эвельда Хинни, дочь столичного купца первой гильдии, зачарованно сказала:

– Бывает же такое диво...

Ей недавно исполнилось двадцать семь, но умом она была еще дитя и было ясно, что это навсегда.

Иногда Клер казалось, что Малоун специально собрал во дворце таких несчастных и убогих, чтобы они отмаливали его грехи. Это, конечно, увеличивало количество его поклонников во всех слоях общества. Клер иногда заходила в ту часть дворца, где жили убогие, то ли потому, что душа просила добрых дел, то ли потому, что она хотела в очередной раз посмотреть на чужое горе и убедиться, насколько хороша и спокойна ее собственная жизнь.

Сегодня она встретилась здесь с государем и хотела удалиться, чтобы не мешать ему. Но Малоун сделал знак остаться, и Клер передала убогим подарки и гостинцы и заинтересовалась попугаем, очередным подарком короля.

– А он не клюется? – спросила Мина. Когда ее отец, бывший министр финансов, сгорел за несколько дней от болотной лихорадки, Мина впала в тревожную задумчивость, перестала есть и почти лишилась рассудка.

Малоун покровительственно улыбнулся.

– Если бы он клевался, мои милые, я бы его вам не принес, – ответил он и, бросив взгляд на Клер, предложил: – Сьоррен Клер, возьмете его? Не бойтесь, он вас не закогтит.

Клер подошла, протянула руку, и попугай осторожно переступил с жердочки на ее запястье. Когти у него были срезаны. Несмотря на свои размеры, попугай оказался легким, и Клер восторженно улыбнулась. Убогие заахали, захлопали в ладоши, а попугай хрипло крикнул:

– Кр-расотки!

– Ах! Он умеет говорить комплименты! – обрадовались девушки.

Попугай поклонился, кашлянул и развернул крылья, хвастаясь красотой перьев. Стараясь не напугать ни птицу, ни убогих, Клер передала попугая Мине и отошла в сторонку. Пусть наслаждаются подарком. Не так уж им радостно жить здесь взаперти. Да, в этой части дворца есть и оранжерея, и рояль, и все, что нужно для живописи и рукоделия, к девушкам приходят врачи и гости, но Клер прекрасно знала, что это не жизнь.

– Вы очень обрадовали их, ваше величество, – сказала Клер, когда визит кончился и они с Малоуном вышли на свежий воздух. Недавно прошел дождь, было свежо, поздние цветы жасмина рассыпали лепестки по траве, наполняя все тонким, робким ароматом.

– Мне их жаль, – пожал плечами Малоун. Они неторопливо шли по дорожке. Гвардейцы охраны, кажется, переставали дышать, когда государь приближался. Статуи античных героев провожали их слепыми белыми глазами. – Никому не помешают те, кто за него молится.

Молитвы больных и юродивых быстрее доходили до ушей Двоих, все об этом знали. Клер понимающе кивнула.

– Антони и Эвила тоже молятся за вас, ваше величество, – промолвила она. – Они очень вас любят. Малоун кивнул. Его лицо, хмурое, тяжелое, прорезанное глубокими морщинами, на мгновение прояснилось.

– Скучаю по ним, – признался он. – Иногда хочется забрать их и увезти к морю. Когда-то я хорошо плавал, научил бы их. Покатал бы на лодке, научил бы собирать мидий и жарить на костре...

Клер позволила себе улыбнуться чуть шире, чем в таких случаях требовал этикет. Малоун был хорошим дедом, Антони и Эвила его обожали. Но Клер понимала, что скоро у него могут появиться другие внуки, а ее дети будут лишь бастардами его сына. Постепенно Малоун от них отдалится, на этом все и кончится. Клер будет передавать прошения через государеву канцелярию, если им что-то



потребуется, и ждать ответа положенные тридцать дней.

Дорожка вывела их к лестнице. Они неспешно спустились мимо каменных львов к маленькому пруду, увидев их, утки торопливо выбрались на берег в надежде на угощение. На перилах моста сидел ворон, смотрел торжественно и строго, словно это он был настоящим королем здешних мест. Может, это была та самая птица, которую Клер вылечила вчера?

Малоун посмотрел на ворона с такой ненавистью, что Клер вздрогнула.

– Ты будешь фрейлиной ее высочества Лии, – произнес он. Ворон принялся чистить лапой клюв. – Понимаешь почему?

«Потому что вы хотите причинить мне боль», – подумала Клер и предположила:

– Потому что вы не желаете отдалять меня от Эдварда?

– Не только. Дети должны быть рядом с отцом, это верно. Но дело не только в них.

Малоун наклонился, поднял с дорожки камушек и прицельно бросил в ворона. Птица взлетела за мгновение до того, как камень ударил в перила, презрительно каркнула и была такова.

– Как же они меня раздражают, – вздохнул Малоун. – Будь моя воля, я бы отстреливал их всех... Ты будешь ее фрейлиной потому, что мне нужен рядом с принцессой человек, которому я могу доверять. Человек, который будет с ней тогда, когда Эдвард окажется где-нибудь в другом месте. Улыбка Клер сделалась грустной.

– Не думаю, что она будет доверять мне, ваше величество. Я любовница ее будущего мужа, у нас есть сын и дочь. Вряд ли мы станем подругами. На ее месте я бы точно не захотела этой дружбы. Должно быть, Малоун совсем не знал женщин, если считал, что принцесса Лия заведет нежные приятельские отношения с той, которая родила двух детей ее мужу. Клер может быть доброй, милой, понимающей и заботливой, но Лия никогда не закроет глаза на Антони и Эвилу. Хорошо, если не будет строить им козни и отстранять от отца.

Впрочем, Эдвард и сам отдавится от них, когда у него появятся дети в законном браке.

– И все-таки вы будете фрейлиной, – сказал Малоун, и Клер поняла, что это приказ. – Принцесса приедет с юга, а наши традиции несколько отличаются от тех, к которым она привыкла в доме своего отца. Вы поможете ей освоиться и сделаете все, чтобы она полюбила вас и считала близким человеком. Мы любим наших наставников.

– Но это ведь не все, – предположила Клер. Малоун слегка качнул головой. Ворон пролетел над деревьями, король проводил его тяжелым взглядом, и Клер показалось, что она увидела ружье у него в руке.

Ей почему-то подумалось, что она поступила правильно, когда помогла раненому ворону. Что однажды эта помощь вернется к ней и ее детям.

– Да, не все. Ты будешь пристально следить за принцессой. Следить и докладывать мне. – Утки поняли, что угощения им не дожидаться, и снова направились в пруд. – Стафани сообщил, что Авриль Тисон едет сюда в свите ее высочества. Я, к сожалению, буду вынужден его принять, хотя, если бы ты только знала...

«Я понимаю, – подумала Клер. – Вам хочется взять ваше ружье для охоты на воронов и прострелить ему голову».

Она старалась не думать ни об Авриле Тисоне, ни о заклятии Тени. Она старательно запечатывала мысли, но они возвращались, и тогда по спине пробегал холод, а во рту появлялся железный привкус

крови.

Клер лишь кивнула. Она сумела продержаться во дворце так долго не потому, что родила Эдварду двух детей. Она очень хорошо понимала, когда надо молчать, а когда говорить и что именно говорить.

– Да, ваше величество, – глухо сказала Клер. – Я сделаю все, что смогу.

– Вот и замечательно! – Малоун улыбнулся уголком рта. – Спроси, какова будет награда. Я ведь не собираюсь просто так тебя использовать.

Клер не знала.

– Какова же она? И что будет со мной и с детьми? – спросила она, окончательно растерявшись. – Ваше величество, я...

– Ты выйдешь замуж за моего сына, – произнес Малоун. – Я признаю тебя наследницей дома Харш именным указом. Ты будешь женой Эдварда и королевой Дарангвара. Не думаю, что ее высочество Лия останется с нами надолго.

Такого ответа Клер от него не ожидала.

### Глава 3

#### Морской волк

Свенссону казалось, что он плывет.

Он лежал на дне маленькой лодки и слышал плеск воды, негромкое поскрипывание дерева, далекие голоса рыб. Пятна солнечного света метались перед закрытыми глазами.

– Мне надо идти, – прошептал Свенссон, не понимая, куда именно ему надо и зачем. В воздухе плыл запах соли, в голове Свенссона почему-то от него нарастала боль.

«Равена, – подумал он, захлебываясь от тоски и горя. – Равена, дитя мое, такой ли участи я хотел для тебя?»

– Лежите, декан! Лежите уже, ради Двоих!

Лодка исчезла. Свенссон вдруг обнаружил, что уже не лежит, а сидит на кровати, а толстая Эрика надавливает на его плечо, принуждая лечь. В незнакомой комнате царил тьма, едва разгоняемая светом крошечной свечки.

– Да ляжьте вы уже, господин декан! – чуть ли не со слезами приказала Эрика и дотронулась до левого виска, отгоняя нечистого. – Доктор сказал, вам лежать надо.

«Не «ляжьте», а «ложитесь», – машинально подумал Свенссон, невольно вспомнив учителя словесности в духовной семинарии, который не упускал случая поправить своих учеников, приехавших из провинции. Он опустил на тощую подушку, услышал чей-то стон и удивленно понял, что это застонал он.

– Что случилось? – прошептал Свенссон. В памяти царил такая же тьма, как и в комнате. Он помнил, как Гранвилл подхватил Равену, как его молодцы обступили Свенссона, играя саблями... и все.

Он жив. Удивительно.

Эрика всхлипнула.

– Сьор Гранвилл, он... надругался над Равеной. Вы одному из его парней пробили башку палкой. Ну и они вас... – Эрика снова всхлипнула и провела рукой по лицу. – Доктор сказал, у вас крепкий организм, а то бы умерли сразу.

А каким еще быть бывшему пирату, по милости короля Малоуна ставшему священником? Конечно, крепким. В голове заплескалась боль. Свенссон поднял руку к виску и наткнулся на повязку. Все тело казалось чужим.

– Равена, – произнес Свенссон. В ушах звенел ее отчаянный зов, в очередной раз она называла его отцом, а он так и не смог ее спасти. – Где она, что с ней?

Ему хотелось выть.

– Бургомистр отдал съору свой дом. Тот, большой, на площади Святого Михаила. Ее туда отнесли, она идти не могла. – Эрика снова зашмыгала носом. – Марта прислуживает там, сказала, что обойдется. Ну очень уж он жестокий, чисто зверь!

– Он и есть зверь, – откликнулся Свенссон. Надо придумать, как забрать Равену и отправить тайными путями на юг, но мысли причиняли такую боль, что все начинало плыть перед глазами, и в ушах Свенссона снова поднимался шум моря.

– Лежите, лежите, – повторила Эрика. – Доктор сказал, надо лежать.

– Пусть Джемс пойдет в собор, – проговорил Свенссон. – Там в подвале... – Комната вновь закачалась и поплыла в сторону, но Свенссон все же договорил: – Там еда для людей. Свечи. Немного лекарств. Надо все вынести и раздать.

Эрика закивала.

– Уже, господин декан, уже! – сказала она. – Люди съора Гранвилла туда сунулись, да там к тому времени пусто было!

Свенссон почувствовал далекое прикосновение радости и окончательно погрузился во тьму.

Когда он очнулся, комнатку заливал утренний свет. На мгновение Свенссону показалось, что его перенесло на «Морскую красавицу» – ветер играл в парусах и деревянная русалка на носу, уродливая и нелепо раскрашенная, на самом деле была красоткой.

В теле пульсировала боль. Свенссон попробовал подняться, и чьи-то сильные руки помогли ему сесть, подложили подушку под спину. Свенссон увидел Джемса.

– Равена... как она? – спросил Свенссон. По лицу Джемса скользнула тень. Свенссон знал, что Равена нравилась молодому человеку и его чувства были во многом взаимны.

Двое всемилостивые, что теперь с ними будет?

– В доме на площади Святого Михаила, – кратко ответил Джемс, и его лоб прорубила вертикальная черта. – Жаль, что меня не было в соборе.

– Дурачок, – с искренним сочувствием произнес Свенссон, – что бы ты сделал Гранвиллу? Кто ты против опытного бойца?

Лицо Джемса нервно дрогнуло, и Свенссон невольно испугался за него. Люди с такими лицами способны пойти на риск – и этот риск, как правило, неоправданный.

– Я тоже боец, – ответил Джемс, который показался в этот момент декану очень маленьким и очень несчастным. – Гранвилл сегодня поедет осматривать шахты... мы можем выкрасть Равену.

Свенссон нахмурился. Если бы так не болела голова! Он вдруг вспомнил оскаленное рыло одного из людей Гранвилла – тот ударил его рукоятью сабли по голове, отправляя во тьму.

Свиньи, свиньи, свиньи... Ему виделась Равена во тьме и их хрюкающие морды.

– Гранвилл знает, где я? – спросил Свенссон.

– К сожалению, – кивнул Джемс.

– Хорошо. – Свенссон сжал и разжал пальцы на правой руке. Слушается рука. Она, конечно, не удержит саблю, но вот с пером справится. Должна справиться, а Робин Хонни знал, что иногда перо бывает намного сильнее сабель. – Сейчас я напишу письмо королю обо всем, что здесь случилось.

– Думаете, король нам поможет? – недоверчиво осведомился Джемс.

– Мы поможем себе сами, – ответил Свенссон. – Что вы запланировали в шахтах?

Вид у Джемса сделался сконфуженный, словно он был учеником, который затеял каверзу, а учитель ее заметил.

– Ну, хотели встретить его солью и порохом, – ответил Джемс. – За Равену и вас.

– Дурачок, – повторил Свенссон. – Он именно этого и ждет. Ему нужен повод, чтобы начать резню в городе, а ты хочешь ему дать этот повод.

Джемс нахмурился.

– И что же делать? – спросил он с искренним недоумением. – Думаете, король нам как-то поможет после всего, что произошло?

– Говорю же тебе, мы поможем себе сами, – повторил Свенссон. – Принеси мне бумагу и чернила.

– Ничего противоестественного, съор. Но пару дней я бы советовал, кхм, не тревожить ее.

Равена узнала этот голос. Доктор Шеймус Мерфи, второй из городских врачей. По счастью, свой.

– Хорошо, доктор. Благодарю.

Голоса уплыли в тень и растаяли.

Равене хотелось умереть. Должно быть, так чувствует себя кусок мяса под молотком кухарки.

... Не переставая кричать и звать на помощь, она попыталась вывернуться из его рук. В какой-то момент это почти получилось, Равена смогла ударить Гранвилла коленом в пах. Он зарычал от боли, Равена соскользнула с кровати и бросилась было к распахнутой двери, но Гранвилл схватил ее за волосы и дернул так, что у нее потемнело в глазах. Какое-то время она плавала в серой пелене накатывающего обморока и слышала треск раздираемого платья.

– Не смей орать, воронья шлюха, – услышала она, захлебываясь в отчаянии. – Ты теперь моя вещь, как и весь твой паскудный Север. Не смей об этом забывать...

Кажется, в ее теле не было бы места, которое не болело. Внизу все горело. В душе было еще хуже.

Равене казалось, что Гранвилл выдернул из нее эту душу, выпотрошил и небрежно запихал обратно.

Теперь ей предстояло с этим жить.

... Она хотела плакать – и больше не могла. Глаза сделались сухими, в ушах шумело. Когда что-то горячее и округлое уткнулось в ее лоно, Равена снова дернулась, пытаясь освободиться, и получила еще одну оплеуху. Она закусил губу и взмолилась: Двое, Отец и Мать, если вы меня слышите, пусть мне не будет больно. Пожалуйста, я очень прошу вас...

Спустя вечность, наполненную болью, она почувствовала, как внутри с пульсированием разливается что-то горячее, а потом Гранвилл оттолкнул ее и сказал:

– Иди, подмойся. Я с тобой еще не закончил.

Равена сползла с кровати, чувствуя себя марионеткой, у которой перерезали ниточки.

Окровавленные простыни были скомканы. Ткань разорванной нижней рубашки тянулась за Равеной, словно саван.

– Еще не все? – прошептала она, уже не в силах ни сопротивляться, ни молиться. Гранвилл оценивающе посмотрел на Равену и ответил:

– У меня еще много затей, дорогуша...

В памяти осталась только лампа на столе. Потом, когда стемнело, Гранвилл зажег ее. Ему надо было видеть, что он делает. Золотой огонек плавал перед глазами, и по краю угасающего сознания Равены скользила молитва: Мать, добрая и жалеющая, не оставь меня. Отец, сильный и любящий, защити меня...

Но Двое не пришли. Никто не пришел. Собор был пуст.

«Отец, – подумала Равена, и в ее мыслях лица Свена и Отца с икон соединились в одно, печальное и любящее, разделяющее ее боль. – Жив ли ты?»

Декан Свенссон хорошо держал в руках саблю – пословица о нем была вполне правдива. Когда-то в молодости он был пиратом, попал под обстрел королевских пушек и волны вынесли его на берег у приморской резиденции Малоуна, тогда еще не бывшего главой Седьмого дома. По всем законам пиратов следовало вешать, но Малоун отчего-то решил пощадить израненного парня. Отец рассказывал, что это впечатлило его настолько, что он спросил, не будет ли его спаситель так добр, чтобы направить его к истинным спасителям.

Малоун рассмеялся и лично отвел Свена в духовную семинарию и оплатил его обучение. Они приятельствовались. Потом Малоун решил делать карьеру в столице, и эта карьера сделала его королем Дарангвара в ночь Птичьей звезды.

Декан Свенссон был человеком короля. Возможно, сейчас это помогло ему выжить. И мысли о нем сейчас помогали Равене удержаться на самом краю обледенелого карниза и не сорваться во тьму.

Лампа горела, и огонек плыл перед ее глазами. Мысли путались. Равена опомнилась и увидела, что лежит в ванной, от воды поднимается ароматный пар, а служанка бургомистра Петула осторожно намывает губкой ее руки и грудь. Эта ласковая тихая забота настолько сильно уколола ее, что Равена разрыдалась.

– Тише, съоррен Равена, тише, не плачьте, – говорила служанка с искренним сочувствием. – Уж такая наша бабья доля, такими нас создали Двое. Значит, так тому и быть. Лежишь да терпишь, когда-нибудь, глядишь, и понравится. А там и детки пойдут, вот она, отрада наша единственная! От мысли о том, что она могла забеременеть от Гранвилла, Равене сделалось дурно. Нет, только не это! Мать, добрая и жалеющая, помоги...

– Нет, – прошептала Равена, и Петула сочувственно покивала вздыхая.

– А если нет, то семя и выкинуть можно. Есть способы. – Она принялась намывать губку и едва слышно сказала: – Я вам принесу питье, съоррен Равена. Не бойтесь.

На мгновение ей стало легче.

Равена окончательно пришла в себя оттого, что неподалеку хлопнула дверь. Она не открыла глаза сразу, вслушиваясь, но в комнате было тихо. Значит, не приходили, а уходили, и это, скорее всего, был Гранвилл.

Покачиваясь от боли, Равена поднялась с кровати и подошла к окну. Незнакомая комната, как оказалось, находилась в доме на площади Святого Михаила, и возле темной статуи небесного воина стояли люди Гранвилла, держа знамена с ведром. Горожане, которые шли по своим делам, косились на них с опаской.

Вот и Гранвилл вышел из дома, слуга открыл перед ним дверь экипажа. Гранвилл поставил было ногу на ступеньку, а потом, словно о чем-то вспомнив, развернулся и направился к дому.

Через несколько минут хлопнула дверь в комнату, и повеяло запахом крови и страха. «Это моя кровь, – подумала Равена. – Это мой страх».

– Посмотрите на меня, моя дорогая, – неожиданно миролюбиво произнес Гранвилл.

Равена обернулась, не дожидаясь, пока он подойдет и развернет ее к себе, схватив за волосы.

Гранвилл ухмыльнулся правой стороной рта.

– Прекрасно выглядите, – заметил он. Равена почувствовала, как лицо дернулось, искажаясь от ненависти.

Гранвилл рассмеялся.

– Ну, будет, будет! – воскликнул он. – Одевайтесь, поедете со мной. Жена ведь должна сопровождать мужа... особенно такая жена, как вы.

«Он хочет показать всем, что с ними будет, если они не станут подчиняться, – подумала Равена. – Я живой пример его умений и навыков».

Она не видела себя в зеркале и не хотела смотреть. Ей казалось, что там отразится совсем другой человек – замученная старуха, а не девушка, которой Равена была несколько дней назад.

– А если я откажусь? – спросила она.

Гранвилл подошел вплотную, внимательно посмотрел на Равену, и под его взглядом она почувствовала, как по коже бегут язычки пламени.

– Жена да покорится мужу своему, – негромко произнес Гранвилл и принялся развязывать шнурки на ее сорочке, та упала к ногам Равены. – Собирайтесь, не заставляйте меня братья за палку.

Сомневаюсь, что вам это понравится.

– Где мой отец? – спросила Равена.

Гранвилл усмехнулся.

– Давно сгнил в могиле, насколько я помню. Декан Свен жив. Пока жив. Повидаетесь с ним через пару дней, когда оклемается.

Равена всхлипнула и пошла к шкафу. Гранвилл сел на край кровати и с видом ценителя, который наслаждается картиной, стал смотреть, как Равена одевается.

– Будь послушной, моя милая, – произнес он. – И не делай трагедии из обычных вещей. Тогда мы поладим.

Гнев, ударивший в виски Равены, был настолько глубоким, что у нее потемнело в глазах. Платье, которое она сняла было с вешалки, выпало из задрожавших рук. Когда она опомнилась, то увидела, что сидит верхом на Гранвилле, впившись обеими руками ему в горло. В голове шумело, сердце колотилось так, что Равена почти перестала дышать. Комната плыла перед глазами, размазываясь пестрыми пятнами, и Равена сейчас хотела лишь одного.

Убить гадину. Разорвать. Вычистить из мира.

Равена вдруг поняла, что Гранвилл смеется. В темных глазах, смотревших ей в лицо, плясали лукавые искры. Он получал искреннее удовольствие от того, что происходило, от ярости и боли Равены, от ее ненависти – и это удовольствие заставило Равену слегка разжать руки.

Гранвилл в ту же минуту отбросил ее в сторону и вмял в кровать. Следы ногтей, что наливались кровью на его шее, плясали перед глазами Равены, и от собственной беспомощности она готова была разрыдаться.

Равена не знала, что помогло ей сдержаться.

– Смелая, – шепнул Гранвилл ей на ухо. – Люблю таких. Говорю же, будь умницей. Тогда поладим.

Он скатился в сторону и, беспечно закинув руки за голову, приказал:

– Одевайся. Нас ждут.

Каменные ворота в Третью шахту были закрыты. Через них рабочие входили в подземелье, через них выходили на поверхность. Сейчас все они стояли у ворот, и Равена с ужасом подумала, что с Гранвилла станется загнать их в шахту и запереть там. Среди шахтеров Равена увидела рыжую голову Джемса и похолодела от страха за него. Когда экипаж Гранвилла подъехал к шахте, Джемс махнул рукой и люди, повинаясь его сигналу, сняли каски и принялись стучать ими по воротам.

– Хлеба! Зарплату! – услышала Равена. – Снизить нормы! Хлеба! Снизить нормы!

Презрительная гримаса искривила горбоносое лицо Гранвилла. Он отшвырнул на сиденье папку с бумагами, которые перелистывал всю дорогу, и посмотрел на Равену так, что ей захотелось поднять руку и закрыться от его взгляда.

– Выходим, – скомандовал Гранвилл.

Равена послушно вышла из экипажа. Гранвилл протянул ей руку, но она скорее отрубила бы свою, чем оперлась бы на его локоть. Гранвилл лишь усмехнулся и быстрым шагом направился к толпе.

Его люди двинулись за ним верхами.

Директор шахты трясся от страха. Увидев Гранвилла, он прокричал что-то шахтерам, Равена не разобрала слов. Стук прекратился. Рабочие надели каски и расступились, пропуская вперед Джемса и Стирлинга, его приятеля. Вдвоем они руководили сопротивлением на шахтах. Несколько лет назад они с Равеной бегали удить рыбу в затопленном карьере и подкладывали бомбы-вонючки под дверь управы.

Сейчас Равена невероятно отчетливо понимала, что та жизнь, светлая и простая, кончилась.

Гранвилл растоптал ее минувшей ночью.

Равена поймала взгляд Джемса – его наполняла такая глубокая боль и настолько жгучий гнев, что было страшно смотреть. Гранвилл остановился, смерил шахтеров тем оценивающим взглядом, которым вчера смотрел на Равену в церкви. Над шахтой повисла такая тишина, что Равена услышала грохот своего сердца.

Джемс смотрел на нее так, словно хотел запомнить навсегда.

– В чем дело? – бросил Гранвилл. – Почему шахта не работает?

– А ты иди потолкай тележку на пустое брюхо! – крикнули из толпы.

Гранвилл даже не обернулся на голос. Он по-прежнему смотрел на Джемса и Стирлинга так, словно решал, что с ними делать.

– Пустое брюхо? – переспросил он почти ласково. Этот спокойный и мирный тон настолько был чужд для человека, которого вчера видела Равена, что она почувствовала, как земля уходит из-под ног. – Денег, что ли, нет?

– Мы видели зарплату полгода назад, – отчеканил Джемс. – С тех пор у шахтеров ни медяка. Зато нормы выработки повысили. Выплатите нам наши деньги за полгода, съор, и мы возобновим работу.

– Всего-то? – весело спросил Гранвилл, и у Равены потемнело в глазах. Движение правой руки Гранвилла было молниеносным, когда в тишине прогремел выстрел, Равена смогла только открыть и закрыть рот.

Она бы упала, если бы не окаменела.

Бледнея на глазах, Стирлинг схватился за живот и с каким-то удивлением посмотрел на Гранвилла. Кровь тугими ударами пробивалась сквозь пальцы, глаза Стирлинга мутнели, но он не падал. Стоял покачиваясь и тряся, словно на морозе. Его зубы мелко клацали, и Равена знала, что теперь эта сцена будет ей сниться до конца дней.

– У меня серебряные пули, – любезно сообщил Гранвилл. – Думаю, одной достаточно, чтобы выплатить ваше жалованье. Кто тут еще без денег? Выходите, прошу. Я наполню серебром любое пустое брюхо.

Джемс сжал и разжал кулаки, словно никак не мог поверить, что его друг ранен. Стирлинг закатил глаза и начал заваливаться на бок. Джемс подхватил его, и тотчас молчавшие шахтеры ожили – кто-то подбежал к Стирлингу, помогая Джемсу оттащить его, кто-то угрюмо двинулся к шахте. Директор суетился, не зная, кому помогать, но в итоге все же побежал к воротам.

Шахта открылась. Люди начали спускаться вниз, во тьму.

– Вы правы, сьор Ньют! – заметил один из долговязых парней Гранвилла. Равена вспомнила, что этот белобрысый и белоглазый здоровяк вчера первым пошел к Свену. – Никому не захотелось отведать вашего серебра.

– Конечно, я прав, Ягер, – хмуро ответил Гранвилл. – Плохо, что это временная мера. Постепенно им станет нечего терять, кроме, как он это сказал, пустого брюха?

– Да, сьор Ньют.

– Выплатите им заработанное. – Равена не сразу узнала свой голос, хриплый и мертвый. – Или у нового хозяина Севера для людей есть только пули?

Гранвилл посмотрел на Равену так, словно не ожидал, что она способна заговорить. Улыбнулся.

– Меня послали сюда не за тем, чтобы я тратил деньги, – снисходительно произнес он. – Меня послали, чтобы я обеспечил покорность. Деньги пока нужны его величеству, скажем так, в военных целях. Проморцам надо указать, где их место.

«Надо же, – мысленно усмехнулась Равена. – А я думала, что он снова ударит меня».

– Где Север и где Проморье? Лучше обеспечьте им курицу в супе. – Равене казалось, что ее слова похожи на плевки. – Дайте им еды, а не снимайте шкуру до костей. Тогда увидите, как они будут работать.

Она знала, что Гранвилл может выстрелить. Или все-таки ударит ее так, что она отлетит далеко, прямо к шахте. Но в ней сейчас говорила такая ненависть, что она не могла промолчать и сделать вид, что ничего страшного не произошло.

Стирлинг помогал ей насаживать червяков на крючки. Стирлинг растирал подорожник в ладонях и прикладывал к ее сбитому колену. Стирлинг был ее другом, ее братом – и сейчас его унесли умирать. Равене казалось, что она вот-вот задохнется. Перед глазами так и стояли руки, зажимавшие дыру в животе.

– Его величество все-таки не любит меня, Ягер, – ухмыльнулся Гранвилл. – Сослал месить северную грязь и наградил строптивой женой. Женой, которая говорит, когда муж не спрашивает ее мнения. Равена ответила ему такой же усмешкой. Дух Вороньих королей, которые триста лет правили Дарангваром, развернул в ней крылья.

– Можете убить меня, как убили Стирлинга, – бросила она в лицо Гранвиллу. – Только вряд ли это вам чем-то поможет.



Кажется, впервые Гранвилл посмотрел на Равену так, словно она была не вещью, а человеком.

– Едем в Каттерик, – процедил он. – Здесь нам больше нечего делать.

Лия так и не смогла заснуть.

Мягчайшее ложе казалось набитым шишками. Лия ворочалась с боку на бок, слушала, как стучат по подоконнику последние редкие капли дождя, и ей больше всего хотелось вернуться в Ахани и спросить у отца, как он посмел так поступить с ней.

Хвосту нужен был мир. Лия прекрасно это понимала, но не могла смириться с тем, что ради этого мира отец готов был отдать ее кому угодно. Как козу. Как вещь. За принца Эдварда, за несчастного бисалли, да не важно, лишь бы Лия стала королевой.

И у него не хватило смелости, чтобы рассказать ей обо всем прямо и без утайки. Он просто выбросил ее из дома – барахтайся, авось и выплывешь.

– Ненавижу тебя, – шептала Лия, глядя, как за окном неторопливо розовеет заря. – Ненавижу.

Она поднялась с кровати, едва только развиднелось. Служанка, зевая и протирая глаза, приготовила все для умывания. Приведя себя в порядок и переодевшись в утреннее платье, Лия выскользнула в сад.

Воздух был свежим и прохладным; неторопливо бредя по аллее, Лия жалела, что не захватила шаль. Она прошла мимо пышных пионовых кустов, опустилась на скамью и подумала, что еще вчера была счастлива – ехала в свадебном поезде к будущему мужу и верила, что жизнь будет хорошей и светлой.

Итак, что она узнала? Отец и главы некоторых благородных домов Дарангвара не желают войны с Проморьем. Для этого они хотят восстановить на престоле принца Авриля Тисона, который в благодарность за войско и золото будет тихо сидеть на троне и никому не мешать. Королю нужна королева, так что для Лии, в общем-то, ничего не изменится.

Ее просто отдадут замуж за другого человека.

За безумца, который считает себя женщиной и владеет жутковатой ритуальной магией Черной матери Глевы. Ах да, еще он был ритуальной проституткой и его браслеты чуть ли не дороже тех, что украшали запястья Лии.

Идеальный муж.

– Не спится, ваше высочество?

Лия быстро обернулась, словно ее застали за чем-то неприличным. Авриль неторопливо вышел из-за деревьев и сел с ней рядом, не дожидаясь приглашения. Сегодня он был одет так, как одеваются девушки-академитки: алые бриджи до колена и такой же яркий жилет, белоснежная блуза с пышными левентийскими кружевами, аккуратные туфли на плоском каблуке.

Казалось, среди сонного утра вспыхнул костер. Наверное, Гейб Рори снабдил бисалли одеждой – когда его конь убежал, испугавшись дракона, Авриль остался без вещей.

– Вам, я вижу, тоже не спится.

Авриль усмехнулся. Лия невольно отметила, что сегодня у него не такой яркий макияж, как вчера. Чуть подведены глаза и светлые брови, щеки припудрены, на губах розоватый блеск. Ни дать ни взять девушка, которая предпочитает учебу замужеству.

– Я рано встаю. Утро лучшее время для тренировки.

– Какой? – из вежливости поинтересовалась Лия.

Улыбка Авриля сделалась мягче.

– Я каждое утро упражняюсь в оркувендской борьбе, – ответил он и добавил: – Времена пошли опасные, любой может обидеть незащищенную девушку. Партнера у меня нет, но это все же лучше, чем ничего.

Оркувендская борьба. Надо же. Кто бы мог подумать.

Лия почувствовала, что ее накрывают обида и злость.

– Что вы думаете обо всем этом? – спросила она. Когда-то давным-давно мать говорила, что иногда откровенность может быть главным оружием сьоррен. Похоже, пришло время это проверить.

– О нашем браке? – уточнил Авриль. – О том, что благородные дома Дарангвара хотят посадить мою тощую задницу на трон? Я очень давно не думала ни о женитьбе, ни о короне моего отца. Так что для меня все это в определенном смысле сюрприз.

Птица залилась трелями среди ветвей. Откуда-то издали донеслись голоса. Лия никогда не чувствовала себя настолько растерянной и маленькой. Даже после смерти мамы все было не так.

– Я еду в столицу не за тем, чтобы взять вас в жены, – продолжал Авриль. – И не за тем, чтобы отправить Малоуна туда, откуда он вылез. Я хочу спасти свою сестру от насильника и мерзавца, вот и все. Если для этого надо будет стать королем и жениться на вас – что ж, я стану. Это не самое плохое, что мне приходилось делать.

Лия не сдержала нервной усмешки. Ладони сделались влажными.

– Почему отец так со мной поступил? – прошептала она, чувствуя, что готова разрыдаться.

Авриль, ободряя Лию, коснулся ее руки – пальцы, унизанные кольцами, были ледяными.

– Это неудивительно, Лия. Вы его единственная обожаемая дочь. С самого вашего рождения он делал все, чтобы вы жили словно в сказке и не знали всех мерзостей этого мира. Когда дошло до дела, ему просто стало страшно. Он не знал, как обо всем рассказать, и переложил это ответственное задание на полковника Блэкмура. Люди всегда так поступают.

– Ненавижу его... – сквозь зубы пробормотала Лия. Ее бросило в жар, кровь прилила к щекам.

– Не стоит, – произнес Авриль, – он любит вас. Он любит свой народ. Смелости, правда, не хватает, но для смелости у него есть Сильные братья и полковник Блэкмур. И он отдает вас мне, а не кому-то вроде Ньюта Гранвилла, это по нынешним временам стоит ценить.

Лия поежилась. Она читала в газетах о том, как Ньют Гранвилл умирал бунтарей, – глава дома Вепря казался ей персонажем страшной сказки. А теперь сестра Авриля вышла замуж за этого человека. Несладко же ей живется, если Авриль согласился на предложение отца.

– Что мы будем делать? – спросила Лия.

Авриль ободряюще улыбнулся и убрал свои пальцы с ее руки.

– Мне нравится это «мы», – ответил он. – Наше путешествие продолжается, Лия. Вы по-прежнему невеста принца Эдварда, я – бедная девушка с магией. Сегодня мы отправимся в Вышеград, в гости к сьоррен Элисабет. И у меня к вам будет маленькая, но важная просьба.

– Какая? – Лия вдруг обнаружила, что все ее волнение улеглось. Не то чтобы ей стало легко и хорошо на душе – она просто успокоилась и готова была продолжать путь.

– Я забыла в Ахани свою косметичку, – признался Авриль. – Поделитесь вашей? А я за это покатаю вас на своем драконе.

Вечером Гранвилл приказал Равене спуститься в гостиную.

Она подчинилась, понимая, что иначе он поднимется сам и это ничем хорошим не кончится. Перед глазами по-прежнему стояло бледное лицо Стирлинга, и Равена не чувствовала ничего, кроме ужаса и бесконечной тоски.

Они знали, что Гранвилл будет душить Север, но не знали, что это случится так скоро.

Спускаясь по лестнице, Равена услышала веселый лай. Гранвилл сидел на диване и крутил в воздухе какой-то огрызок, зажатый в пальцах. Белая собака с черными пятнами прыгала, пытаясь поймать огрызок, но Гранвилл не позволял.

– Иди сюда, – приказал он, не оборачиваясь к Равене. – Взгляни-ка на это чудовище. Красавец, правда?

Собака в самом деле была довольно пугающего вида. Приземистая, кривоногая, с широкой мощной грудью, она была чем-то похожа на болотного черта, которым на Севере пугают детей. Черные сверкающие глаза смотрели бодро и весело, широченная пасть пересекала плоскую морду, и Равене показалось, что пес улыбается. Гранвилл бросил огрызок, собака поймала его и довольно принялась жевать.

– Кто это? – спросила Равена. Свен никогда не держал собак, хотя они были угодны Двоим, а во дворце ее отца всегда жили только стройные тонконогие гончие, а не такие чудища, похожие на низкие табуретки.

– Это Кевви, – ответил Гранвилл. – Бычий пес, бойцовая порода.

Кевви фыркнул, подбежал к нему и за неимением хвоста, завилял всем телом, словно просил погладить. Гранвилл скривился, легонько оттолкнул его ногой, но пес, кажется, не обиделся и двинулся к Равене. Она погладила его по круглой голове, и собака весело взлаяла – кажется, Равена пришлась ей по душе.

– Это для тебя, – сообщил Гранвилл. – Сама видишь, возле шахт стреляют. Защитник никогда не помешает.

Равена невольно сжала кулаки. Кевви вопросительно посмотрел на нее, словно не мог понять, почему она сердится. «Разве я сделал что-то плохое? Чем-то тебя обидел?» – будто спрашивал пес.

– Не толкай его, – сказала Равена.

Гранвилл вопросительно поднял бровь.

– Иначе что?

– Ласка всегда лучше, чем грубость, – ответила Равена, вспомнив отца, тот никогда не обижал животных. – Лаской ты всегда добьешься большего.

Гранвилл неопределенно пожал плечами. Поднявшись с дивана, он шагнул к Равене и осторожно, словно боясь испугать, положил руки ей на плечи.

Она вздрогнула всем телом. Страх, который поднялся откуда-то из глубины, был настолько силен, что Равену стало тошнить, а голова закружилась. Ноги сделались ватными. Гранвилл мягко провел подушечкой пальца по ее губам и поцеловал – с такой трепетной нежностью, словно прикасался к иконе. Равене казалось, что сейчас она упадет от ужаса. Все в ней заледенело и наполнилось морозным звоном. Гранвилл целовал, держа ее лицо в ладонях и Равена чувствовала, что умирает от омерзения и боли.

Это было игрой. Гадкой игрой, не более того.

Наконец Гранвилл отстранился, вопросительно посмотрел на Равену и прикрыл глаза, словно увидел

именно то, что хотел.

– Вот видишь, – сказал он, – ласка не имеет никакого значения. Ты по-прежнему ненавидишь и боишься меня.

Усмехнувшись, он легонько оттолкнул Равену от себя и быстрым шагом пошел к выходу, не оборачиваясь. Хлопнула дверь.

Равена провела ладонями по лицу, пытаясь очнуться. Двое всемилостивые, пожалуйста, пусть это будет только сон – страшный сон, который закончился! Вздохнув, она посмотрела на Кевви. Пес сидел на ковре враспырку, громко сопел, вывалив язык, и его улыбка была широкой и довольной. Весь кривой, неправильный, казавшийся пародией на собаку, он был намного лучше псов в человечесьем обличье, которые заполнили Каттерик.

– Ты не чудище, – устало вздохнула Равена. – Ты хороший мальчик, правда?

Кевви смотрел на нее с бесконечной любовью, как смотрит собака, которая наконец-то встретила хозяина и признала его.

После полудня Свенссон попробовал подняться с кровати.

Это ему удалось, пусть и не с первой попытки. Свенссон сумел сесть, и когда комната перестала плясать перед глазами, встал, ухватившись за спинку кровати. И тут же рухнул обратно на одеяло – все плыло перед глазами, Свенссону казалось, что он снова попал в шторм, как когда-то в юности. Волны тогда швыряли и бросали «Красавицу», как игрушку.

Потом он все-таки сумел встать; тело покрылось потом, набалдашник кроватного столбика так и пытался выскользнуть из-под руки, но Свенссон стоял, смотрел в маленькое окошко и видел, как по улице торопливо идет женщина с каким-то свертком в корзине. Откуда-то доносились едва различимые голоса, возле дома стояли люди и о чем-то говорили. Прислушавшись, Свенссон различил голос Джемса.

Джемс был жив. Уже хорошо.

Через несколько минут Свенссон услышал шаги на лестнице и в комнату заглянул Джемс. Свенссон ни с того ни с сего вспомнил, как однажды они с Равеной чуть не утонули в болоте, пошли туда за клюквой, заблудились и едва смогли найти тропинку домой. Свенссон, который уже собирал людей на поиски, был настолько рассержен, что в сердцах выпалил: «Не дай мне Двое такого зятя!» – и лишь сказав эти слова, понял, что именно сказал, и осекся. Чумазая, измученная Равена покраснела и опустила глаза, а Джемс сердито посмотрел на Свенссона и заявил: «Все равно я у вас буду!»

Ему сделалось тоскливо.

– Как вы? – спросил Джемс, пройдя в комнату. Свенссон крепче сжал в руке набалдашник кроватного столбика и ответил:

– Пробую вставать. И ходить. Что на шахте?

Лицо Джемса потемнело, словно его вдруг покинула жизнь. Так мог бы смотреть мертвец, который неожиданно понял, что умер.

– Мы попытались объяснить, что за работу надо получать деньги, – глухо ответил Джемс. –

Стирлинг получил пулю в живот.

Он устало опустился на стул и провел ладонями по лицу. Надеясь, что у него получится удержаться на ногах, Свенссон медленно прошел по комнате и погладил Джемса по плечу. Джемс сжал его руку, всхлипнул. Он был очень сильным, сильным и смелым, но сейчас ему было так больно, словно

Гранвилл выстрелил в него, а не в Стирлинга.

– Где он?

– У доктора Шеймуса. Скоро его принесут сюда.

Свенссон кивнул. Он хотел верить, что все наладится, – и не мог.

– Равена тоже там была, – едва слышно произнес Джемс. – Гранвилл привел ее с собой, чтобы она все видела.

«Равена», – подумал Свенссон. Сердце пропустило удар. Скоро они увидятся, Свенссону надо лишь поскорее встать на ноги, а там никто не посмеет не пустить декана в собор, а девушку к отцу. Они обязательно встретятся.

«Двое, помогите нам», – подумал Свенссон и спросил:

– Как она?

– Очень бледная, – ответил Джемс. Сжал и разжал кулак. – Мне показалось, что она едва держится на ногах. Но это же Равена, наша Равена...

«Бледная, – повторил Свенссон. – Ей больно».

Бессилие – вязкое, старческое, овладело им. Все горело в его душе, все рвалось уничтожить, разорвать тех, кто причинил Равене боль, но Свенссон прекрасно знал, что ничего не сможет сделать. Гранвилл здесь не для того, чтобы кого-то слушать. Не для того, чтобы быть справедливым и милосердным. Можно было бы отправить письмовник Малоуну, но Свенссон понимал, что верный пес короля поступает именно так, как приказал хозяин.

«Потерпи, маленькая, – подумал Свенссон, он всегда так говорил, когда Равена болела и надо было принимать лекарства. – Просто потерпи немного, скоро все будет хорошо».

Если бы он сам мог в это поверить!

– Я... – Джемс никогда не исповедовался толком, от души: он ерзал на скамье, повторяя за Свенссоном слова молитвы и мечтая поскорее убежать из собора и заняться чем-нибудь поинтереснее, чем отказ от грехов и покаяние. Но сейчас Свенссон понял, что Джемс как раз исповедует – выплескивает все, что вскипело в его душе в эти часы. – У меня словно часть души вырвали. Вырвали, бросили на землю и растоптали. Мы ведь с ней вместе... да десять лет уже. Помните, когда ее только привезли в Каттерик? Я мяч гонял рядом с собором, а она сидела на ступеньках, смотрела...

Свенссон кивнул, он помнил тот осенний день. Дожди прошли, было прохладно, сухо и солнечно, Равена действительно сидела на ступеньках собора, окутанная своей тоской, как плащом. Джемс чеканил мяч на камнях мостовой, порой бросая на девочку заинтересованные взгляды. Как же, настоящая принцесса, пусть голову ее отца и выставили на площади перед дворцом, а брат пропал без вести. А потом Джемс бросил Равене мяч и звонко прокричал:

– Догоняй!

И она побежала за ним, и они с криками и смехом носились по площади, перебрасываясь мячом, а потом ели курицу с фасолью, и Свенссон с радостью понял, что лед на сердце Равены начал таять. Она ожила тогда – и вчера умерла снова.

– Я помню, – снова кивнул Свенссон. – Это был хороший день для вас обоих.

– Знаете, я хотел просить вас, чтобы вы написали королю, – произнес Джемс. – Чтобы Равену не отсылали в монастырь, чтобы разрешили нам пожениться. А тут он отдал ее Гранвиллу. Пришла

тварь с копытами и забрала то, что принадлежало мне.

Свенссон невольно почувствовал холод.

– Равена не вещь, чтобы у нее был хозяин, – ответил он, понимая, что сейчас говорит не как пастырь, а как отец, возможно, не самый хороший, но любящий. – Она не твоя и не его. Равена принадлежит лишь себе и Двоим, как и все мы.

Джемс нахмурился.

– Как мы сможем жить дальше? – спросил он. – Как мы сможем быть вместе, когда это все закончится?

Свенссону сделалось горько. Джемс любил Равену как умел, и эта любовь сейчас причиняла ему боль почти невыносимую.

– Мы сможем, – ответил он и погладил парня по голове – не как священник, но как отец. – Нам помогут Двое. И мы поможем себе сами.

На следующий день их пригласили на ужин к бургомистру.

Для Равены поспешно принесли платье из магазина – дорогое, из модной ткани, украшенное кружевом и вышивкой. Она уже забыла, когда надевала что-то похожее. В детстве разве что, тогда мама любила одевать дочь в шелка и кружева и еще никто не стрелял в ее друзей.

Кровь на пальцах Стирлинга до сих пор стояла у нее перед глазами.

– Вы очень красивая, сьоррен Равена, – сказала Петула, завязывая шнурки и ленты на спине Равены, и добавила едва слышно: – Стирлинг еще жив. Очень плох, еле дышит, но пока жив.

Равена закрыла глаза. «Двое всемилостивые», – только и смогла подумать она.

– А мой отец?

Тяжелое лицо Петулы дрогнуло, словно она с трудом сдерживала слезы.

– Жив, лежит у Джемса. Эрика за ним ухаживает. Доктор говорит, что ему очень повезло.

Равена вспомнила, как Ягер шагнул к Свену, как его лицо исказила хищная ухмылка, и подумала: «Я отомщу. Я отомщу вам всем». Кажется, она даже Малоуна ненавидела не так, когда ее везли в Каттерик, а в ушах звучали крики.

Скрипнула дверь. Гранвилл вошел в комнату, Петула тотчас же подхватила юбки, поклонилась и выбежала в коридор. Равена почувствовала ее страх, и ненависть вновь подняла в ней голову.

– Надо заказать тебе что-нибудь в Ливендоне, – произнес Гранвилл, и в его взгляде Равена увидела оценивающий липкий интерес. Ей в очередной раз захотелось поднять руки и заслониться от него, но она, конечно, не стала этого делать. Просто отвернулась от зеркала и посмотрела Гранвиллу в лицо так, чтобы он смог увидеть ее ненависть и презрение.

Гранвилл лишь усмехнулся. Провел пальцем по краю кружева и сказал:

– Да. Ливендон. А то ты выглядишь как провинциальная шлюха.

Должно быть, это должно было задеть Равену. Но она лишь сильнее выпрямила спину. Кевви, который дремал на ковре, поднял голову, словно пытался увидеть того, кто обижал его хозяйку.

– Тебе виднее.

Гранвилл рассмеялся. По маленькому ордену на шее пробежали бриллиантовые искры. Интересно, за что глава дома Вепря получил его? За подавление голодных крестьянских бунтов? За особо выдающееся насилие?

– Разумеется. Завтра сюда приедет Свиненыш. Познакомитесь.

Равена вопросительно подняла бровь. Если Гранвилл вепрь, то в Каттерик едет его сын. Бастард – о законном наследнике он бы не говорил с таким пренебрежением.

– Бастард? – уточнила она. Гранвилл ухмыльнулся.

– Его мать была белошвейкой в Хантбрунне. Лучшие сиськи и самая тесная задница на всем западе, – ответил он и подтолкнул Равену к дверям. – Идем. Нас уже заждались.

Майкл Кайтон, бургомистр Каттерика, встречал дорогих гостей на крыльце своего дома. Выйдя из экипажа, Гранвилл снова протянул Равене руку и сказал с такой уважительной и спокойной интонацией, которой Равена у него и не подозревала:

– Дорогая, ну позволь же мне быть вежливым. Я не так плох, как ты считаешь.

Равена спустилась на мостовую и негромко произнесла:

– Этой рукой ты стрелял в моего друга.

Гранвилл рассмеялся и хлопнул Равену пониже спины – так сильно, что она едва не упала.

– Я много чего могу делать этой рукой! – Он сжал локоть Равены и повел к ступеням. – Веди себя хорошо, будь умницей.

– Добро пожаловать! – Кайтон боялся Гранвилла, как боялся дикого зверя, способного в любую минуту вцепиться в глотку. – Искренне счастлив видеть вас на Севере, сэр Ньют!

Гранвилл улыбнулся, чуть заметно кивнул.

– Я вынужден остаться здесь дольше, чем планировал, – ответил он. – Много важной и интересной работы.

Бургомистр понимающе кивнул, и они отправились в столовую. Кайтон расстарался, стол так и ломился от еды. Огромный гусь в яблоках красовался в центре, блюда с мясом, рыбой, овощами теснились вокруг него, как лодчки возле корабля. Яркие южные фрукты казались ненастоящими. Слуги налили вина; взяв бокал, Равена подумала, что ей, пожалуй, и правда стоит выпить.

«Кайтон жрет, – подумала она. – А Каттерик умирает с голоду».

– Мой тост за дорогих гостей, – улыбнулся бургомистр. – Пусть Север будет гостеприимен к вам, сэр, и каждый день, прожитый здесь, вас радует.

Гранвилл улыбнулся, поднял бокал. Его взгляд сейчас был умиротворенным, словно все наконец-то шло так, как ему хотелось.

– Выпьем за дорогого хозяина, – добавил он и, пригубив вина, добавил: – А говорят еще, что тут у вас голод.

Слуги принялись нарезать гуся. Бургомистр качнул головой.

– Голодают те, сэр, кто не хочет работать на благо своей родины. Почему-то люди уверены, что могут лежать под деревом, а булки сами будут падать им в рот.

– Людям повысили нормы на шахтах, – глухо проговорила Равена. – И они работают из страха, что их накормят пулями, а не хлебом. Скажите им в лицо, что они лентяи. Или боитесь?

Бургомистр икнул. Кашлянул. Такого он не ожидал. Нет, Кайтон, конечно, знал, что воспитанница декана Свена за словом в карман не лезет, но что она отважится заговорить настолько дерзко, было для него сюрпризом.

Гранвилл понимающе кивнул. Равена с ужасом подумала, что ему это нравится.

– Моя жена переживает, – с искренним сочувствием произнес он. – Давеча была перестрелка возле шахты, пришлось собственноручно утихомирить одного смутьяна. Нервы юной сьоррен,

естественно, не выдержали. Дорогая, выпей вина. А еще раз откроешь рот, я вырежу тебе язык прямо здесь. Ножи вроде бы острые.

Бургомистр побледнел. Было видно, что Гранвилл не шутит.

Равена молчала до конца ужина. Кусок гуся на ее тарелке остался нетронутым. Бургомистр завел речь об охоте, Гранвилл с удовольствием подхватил разговор, и до конца вечера они со знанием дела беседовали о том, как поднимать спящего медведя из берлоги. Равена сидела прямая, как натянутая струна, в голове ее царила звонкая пустота.

Они вышли из дома ровно в десять; тоскливо прозвенели часы на соборе Двоих, и Равена подумала, что собор скучает по декану Свену. Завтра утром она отправится к нему, и пусть только Гранвилл попробует ее остановить. Бургомистр поклонился гостям, слуги открыли дверь экипажа, и Равена увидела, как от почты в их сторону бежит человек в лохмотьях.

В ту же минуту он что-то швырнул в них, и над засыпающим Каттериком раскатился рев и грохот. Гранвилл свалил Равену на ступени, закрывая собой, и она, теряя сознание, успела подумать: «Взрыв».

Равена пришла в себя почти сразу же; услышала испуганный хрип лошадей и человеческий стон, почувствовала запах гари, ощутила омерзительную липкую тошноту. Голова гудела. Гранвилл скатился с нее, помог подняться. Равену качало так, что она с трудом держалась на ногах.

Щегольской камзол Гранвилла был весь иссечен осколками, по виску и щеке стекала струйка крови, но он улыбался так, словно сделал очень хорошее и нужное дело.

Из дома выбежал слуга, помог подняться бургомистру. «В нас бросили бомбу, – подумала Равена, и ночной город снова поплыл перед ее глазами ленивой каруселью. – В нас бросили бомбу, а мы живы».

Ноги подкосились, и она обмякла в объятиях Гранвилла. Тело было непослушным и чужим, а мысли летели, как птичья стая: да, Гранвиллу хотели отомстить за то, что он стрелял в Стирлинга, но никто в Каттерике не бросил бы бомбу, если рядом Равена. Она знала это совершенно точно, она в этом не сомневалась – значит, все это было спектаклем, достаточно качественным, чтобы сойти за правду.

Это провокация. Значит, уже этой ночью в городе начнется резня.

– Это было подстроено, – прошептала Равена.

Гранвилл ухмыльнулся.

– Разумеется, милая. Ты у меня просто умница.

Он мягко обнял Равену, прижал к себе еще сильнее, и она прошептала ему прямо в оцарапанное ухо:

– Хорошо, что ты выжил.

Равена почувствовала его растерянность – этого Гранвилл не ожидал.

– Да, – повторила Равена, глядя на темную родинку на мочке уха. – Да, это очень хорошо. Потому что я убью тебя сама.

Когда через два дня пути свадебный поезд миновал перешеек и оказался на материке, Авриль увидел с драконьей спины сине-зеленую россыпь – сьоррен Элисабет отправила отряд для почетной встречи будущей королевы. Он похлопал дракона по шее, приказывая снижаться, и зверь послушно направился вниз.

Надо бы назвать его как-нибудь. Как там называли великих драконов прошлого? Полуденный Ужас, Яростный Рев... В неожиданно появившемся питомце Авриля не было ни того ни другого, но



встречающий их отряд встревожился. Лошади захрапели, шарахаясь в стороны, офицеры тарачились на дракона, разинув рты и придерживая треуголки. Лия, которая сидела рядом с Итаном в экипаже, улыбнулась и помахала ему. Кажется, она окончательно успокоилась и примирилась со своей судьбой. Авриль махнул в ответ и направил дракона туда, где над зеленью парка плыли изящные башенки Вышеграда.

Замок казался игрушечным. Дракон сделал круг над парком и, пролетев над лестницами и башнями, осторожно опустился во внутреннем дворе. Некоторое время Авриль еще сидел на его спине и смотрел по сторонам: статуи античных героев, колонны, балкончики с резными оградами, фонтан, что журчал какую-то незамысловатую песенку, – да, Второй дом не жаловался на недостаток денег.

– Вот и вы! – услышал он. – Я рада, что вы приехали пораньше!

Авриль обернулся и увидел старую сьоррен Элисабет. Гордое красивое лицо с точеным носом и аккуратным подбородком хорошо смотрелось бы на монете, длинные седые косы были заплетены по моде тридцатилетней давности, темно-зеленый плащ, расшитый золотыми нарциссами, лежал на плечах старухи, словно королевская мантия. Окруженная разноцветной стайкой служанок и фрейлин, она с королевской величавостью спустилась по ступенькам и сказала:

– Ваш зверь справляет нужду где велено или где придется?

Улыбнувшись, Авриль спрыгнул с драконьей спины и сделал реверанс, как и полагается благородной сьоррен. Элисабет кивнула ему, и он ответил:

– Мой зверь прекрасно воспитан, уверяю вас. Здравствуйте, сьоррен Элисабет.

Элисабет посмотрела на него так, словно хотела приказать: перестань паясничать, надень мужскую одежду и веди себя как подобает наследнику своего отца. Авриль даже подумал, что в ней есть магия – очень глубоко спрятанная, но есть.

– Мой глупец-сын сейчас встречает ее высочество Лию, мои глупцы-внуки там же разинули рты от радости. Пойдемте, я покажу вам наши нарциссы.

Авриль поклонился, и они неторопливо двинулись к арке, которая выходила во второй двор. Здесь был разбит маленький сад, где царила прохлада. Авриль посмотрел на ярко-желтые колокольцы цветов и удивленно сказал:

– Не думала, что нарциссы цветут в это время года.

Элисабет усмехнулась.

– Здесь нарциссы цветут всегда, ваше высочество. Их выгоняют из луковиц, чтобы мы помнили наш девиз.

– Весенние цветы сильнее остальных, – понимающе кивнул Авриль. Элисабет со вздохом опустилась на скамью, сухая рука, украшенная тяжелым золотым перстнем, указала Аврилью на плетеный стул.

– Это, конечно, не трон Дарангвара, но на нем надежно, – сказала Элисабет. Во дворик вошел слуга с подносом, принес ананасный сок со льдом, аккуратные кусочки пахлавы и хрустальные пиалы с нарезанными ломтиками дыни, бесшумно поставил на стол. – Я рада, что вы согласились.

Авриль позволил себе тонкую улыбку. Элисабет хотела казаться старой и немощной, но он понимал: с ней не стоит шутить. И доверять ей до конца тоже не стоит.

– У меня не было выбора. Мою сестру отдали Ньюту Гранвиллу.

Сьоррен понимающе кивнула. Ковырнула пахлаву серебряной ложечкой, но не стала есть.

– Его послали растоптать Север. Ваша Равена не умрет, пока Гранвилл не повесит последнего

бунтаря. Она должна увидеть смерть своей второй родины. Мой дом один из богатейших в Дарангваре, вы знаете?

– Знаю, – сказал Авриль. – Все люди берут кредиты в Морском банке, а Морской банк берет деньги у Мориса Харша.

Старуха презрительно усмехнулась. Авриль сделал глоток из бокала и в очередной раз задался вопросом, почему она считает своего ловкого и хваткого сына простачком и дурачком. Должно быть, не любила и презирала его отца.

– Верно. Я дам вам денег, Авриль. Много денег. Я дам вам людей – достаточно для того, чтобы напугать Малоуна вашей армией. Взамен вы выполните мою просьбу.

Авриль согласно кивнул. Он знал, что Второй дом поддерживает его не по доброте душевной.

– Слушаю вас, сьоррен Элисабет.

– Взамен вы сохраните жизнь моей внучке и моим правнукам. – Голос Элисабет дрогнул – гордая женщина сознательно открыла свое слабое место. – Моей Клер, моим Антони и Эвиле. Поклянитесь Отцом и Матерью, что ни один волос не упадет с их головы.

Вот, значит, как. Авриль не знал, что сьоррен Клер Ретерфорд принадлежит ко Второму дому.

– Не думала, что она ваша родственница, – признался он.

Элисабет поморщилась, словно в том, что Авриль говорил о себе в женском роде, была какая-то обида лично для нее.

– Единственное, что Морис сделал хорошего, – это Клер, – сурово сказала Элисабет. – Не вина моей девочки, что она родилась не в законном браке. Будь иначе, у Дарангвара уже давно была бы королева.

«Ну разумеется, – мысленно усмехнулся Авриль, – твоя Клер бастард и всех твоих денег не хватит, чтобы уравнивать ее с семьей Бренуи. Интересно, почему Морис не хочет ее узаконить? Был бы сейчас тестем наследника престола... Или все дело в том, что Эдвард не собирается жениться и его вполне устраивает милая и послушная любовница?»

– Я не воюю с женщинами и детьми, – с достоинством ответил Авриль. – Обещаю вам, сьоррен Элисабет, с вашей внучкой и правнуками все будет в порядке.

В ту же минуту Авриль что-то ударило по голове и, отскочив, заплясало перед лицом. Письмовник, мгновенная почта на артефакте перемещения – давно же Аврилью вот так не писали! Элисабет величественно махнула рукой.

– Читайте, читайте. Я не смотрю и не слушаю.

Письмовник развернулся, и Авриль увидел мелкие буквы незнакомого почерка с резким подчеркиванием гласных, как писали только на Севере.

«Ваше величество!

Я обращаюсь к вам, Аврилью Тисону, как к законному королю Дарангвара. Меня зовут Свен Свенссон, я декан собора Двоих в Каттерике и последние десять лет наставник и воспитатель сьоррен Равены, вашей сестры. Король Малоун насильно выдал ее замуж за Ньюта Гранвилла, главу Третьего дома, и вчера приказ привели в исполнение. Малоун отдал Гранвиллу Север, и если вы читаете газеты, то понимаете, чем все это кончится – сгоревшими городами и тысячами замученных северян. Прошу вас, умоляю вас как пастырь может молить за паству, а отец за свое дитя, которое сейчас терзает негодяй и выродок, – вернитесь в Дарангвар и заберите то, что принадлежит вам по

праву! Только вы сейчас сможете спасти и северян и свою сестру. Я обещаю, что каждый северянин поддержит вас всегда во всех ваших начинаниях».

Ровный и четкий вначале, почерк начал плясать ближе к концу письма. Авриль провел пальцами по строчкам и подумал, что Малоун ошибается, считая декана Свена своим человеком. Или это провокация? Впрочем, зачем бы... Декан Свен страшно рисковал, отправляя это письмо. Авриль аккуратно сложил послание и негромко произнес:

– Да, весенние цветы сильнее всех. Я бы еще добавила «северные».

Элисабет прикрыла глаза. Кивнула.

– Второй дом даст достаточно денег, чтобы вы стали их хозяином как можно скорее, – сказала она. – Страшно смотреть, как их топчут и рвут.

Люди Гранвилла вломились в дом Джемса за полночь. Свенссон услышал внизу грохот, шум и испуганные голоса служанок.

«Началось», – подумал он, поднимаясь с кровати и нашаривая обувь. Вечером Джемс принес ему трость; Свенссон никогда не думал, что будет ходить с палкой, однако надо же, пришлось.

Пастырская мантия, отстиранная от крови, выглаженная и заштопанная, висела на стене. Свенссон набросил ее на плечи и вышел в коридор.

Людей в форме с ведром на рукаве было всего трое, они весело и со знанием дела занимались тем, что выбрасывали вещи из шкафа. Чувствуя, как голову наполняет боль, а к горлу подступает тошнота, Свен спустился по лестнице, а Эрика с Иви бросились к нему, как птички, над которыми кружит коршун.

– Что здесь происходит? – сурово спросил Свенссон. Офицер обернулся, наткнулся взглядом на Свенссона и, увидев его мантию, снизошел до угрюмого ответа:

– Съора Гранвилла с женой и бургомистра хотели взорвать час назад. Ищем заговорщиков.

«Равена, – оторопело подумал Свенссон, и в виске застучала боль. – Равена».

Кто в Каттерике хотел бы ее смерти? Да не было таких. Горожане любили ее как родную дочь.

Свенссон представил Равену, лежащую на окровавленной мостовой, и пальцы сжали трость так, что сделалось больно.

– Они живы? – спросил Свенссон.

– Живы, слава Двоим, – откликнулся офицер. Его люди вытащили из шкафа коробку с каким-то тряпьем и принялись расшвыривать его по полу. Женщины за спиной Свенссона всхлипывали.

– Я Свен Свенссон, декан собора Двоих, – с достоинством произнес Свенссон. – В доме нет никого, кроме меня и этих женщин.

Офицер нахмурился.

– Я понимаю, но у меня приказ.

– Какой именно? – спросил Свенссон и указал на одного из солдат, который, не тратя времени даром, отрывал от чужого плаща красивые пуговицы. – Забрать то, что плохо лежит?

Второй солдат тем временем протянул офицеру листок – памфлет Робина Хонни, который выцарапал из нижнего ящика шкафа. Офицер посмотрел, ухмыльнулся и ответил:

– Забрать запрещенные писульки. И всех вас, изменников, заодно.

– На растопку же, съор, на растопку! – заголосила Эрика. – Чем топить-то?

Свенссон подумал, что бургомистр долго смотрел на все сквозь пальцы. Да и сами они хороши,

хранили памфлеты дома, перечитывали, обсуждали до слез и крика. Никто не знал, что в Каттерик приедет Гранвилл и начнет потрошить город.

Никто из горожан не бросил бы бомбу, особенно после того, как Свенссон велел Джемсу сидеть тихо. Гранвиллу нужна была провокация, и он ее устроил. Если бы Равена умерла, у него бы еще хватило наглости представляться несчастным вдовцом.

– Далековато до растопки, на мой взгляд, – произнес офицер. – И больно хитро припрятано, к задней стенке ящика прилепили. Давайте-ка вперед и с песней.

– У этой вроде сиськи ничего так, – заметил солдат, который набил карманы чужими пуговицами. – Дозвольте, господин Шон, проверить, может, там что между ними спрятано? Да у них и другие места есть, куда солнце не заглядывает, а нам бы надо.

«Мерзавцы, – подумал Свенссон, чувствуя, как в нем поднимается ярость. – Бандиты, а не солдаты! Да Малоун и послал сюда бандитов, чтобы смять и растоптать Север».

– Ни шагу к ним, – процедил он сквозь зубы и, завернув правый рукав, показал татуировку – волка, стоящего на задних лапах. Такой знак был только у тех, кого государь отметил искренней дружбой.

Тем, кто носил татуировку, не имея на то оснований, отрубали руку. – Я человек короля Малоуна.

Троньте этих женщин, и завтра же он прикажет вас повесить как мародеров и насильников.

Солдат отступил, не сводя глаз с татуировки. Офицер нахмурился. Иви всхлипывала, обхватив плечи руками.

– Ну мало ли что там набито, – недоверчиво произнес офицер. Свенссон усмехнулся.

– А ты проверь. Думаете, до короля далеко? Вам – может быть. А для меня он рядом.

Офицер кивнул и сделал шаг назад. Свенссон стиснул зубы так, что челюсти заболели. В голове плескалась настолько сильная боль, что он удивлялся, как до сих пор держится на ногах.

– Мы еще вернемся, – бросил офицер, и солдаты ослабились. Когда они с грохотом захлопнули за собой дверь, Эрика без сил опустилась на ступеньки и прошептала:

– Я уж думала, нам конец. Видят Двое, с жизнью простились. Мать милосердная, да что же это такое, да за что нам это!

– Где Джемс? – спросил Свенссон. Прохромав к стулу, он сел и подумал: а что, если Джемс все-таки послушался его? Но Равена... Нет, Джемс никогда не причинил бы ей вреда.

– Повез Стирлинга из Каттерика в Брин, – ответила Иви. Кажется, она до сих пор не могла поверить в то, что спаслась.

– Хоть бы ему хватило ума остаться там, – пробормотал Свенссон. Джемс был слишком горяч, он всегда бросался в атаку, очертя голову, и Свенссон понимал, что однажды это доведет парня до беды. – Впрочем, он не останется. Завтра его смена на шахте.

– Что же делать-то? – растерянно проговорила Эрика. – Что нам делать-то, господин декан? Они ведь снова придут!

– Придут, – согласился Свенссон. – Собирайтесь. Мы пойдем в собор.

Они уже вышли из дома, когда над головой Свенссона прошелестел письмовник. Он протянул руку, шарик опустился на его ладонь и развернулся, открывая послание.

«Декан Свен!

Я знаю о том, что случилось с моей сестрой. Я знаю, что ждет Север и северян. Поверьте, я сделаю все, что в моих силах, чтобы на Север наконец-то пришел мир. Сегодня я покинул Хвост и скоро

буду в Ливендоне.

Я понимаю и разделяю ваше отцовское и пастырское горе. Обнимите за меня Равену, если сможете». Свенссон прикрыл глаза. Ночной воздух был прохладным, откуда-то издалека доносились крики и грохот, но Свенссон давно не чувствовал себя таким счастливым и молодым.

– Король не оставит нас, – твердо произнес он. – Идем в собор.

Перед собором уже толпилась добрая треть бедняков Каттерика. В час беды люди всегда шли к святым стенам, и Свенссон обрадовался, что сейчас сможет быть с ними и сумеет подбодрить и утешить. У него была надежда, и он хотел разделить ее с горожанами.

– Жив! – услышал Свенссон чей-то радостный возглас. – Он жив!

Люди закричали, захлопали в ладоши, приветствуя декана. Магда Арчетт, которая приползла к собору, опираясь на верную клюку, сжала руку Свенссона, и в ее глазах появился влажный блеск. Двери собора были открыты нараспашку, внутри царил тьма, и Свенссон вдруг почувствовал, что с каждым его шагом по ступенькам собор оживает и словно бы стряхивает с себя оцепенение и боль. Неужели люди Гранвилла всех разогнали отсюда? Где сторож Однорукий Пит, где помощник декана Клив, где органист Джонас, который так любил соборный орган, что не покинул бы его и мертвым? Но вот впереди вспыхнул огонек, и Свенссон увидел Клива: тот выбрался из-за хоров с фонарем и замахал рукой.

Тьме не победить. Свенссон знал это точно.

Он вошел в двери и оказался в притворе – еще вчера здесь раздавали еду для бедняков и разливали святую воду в чаши. Кто-то из молодых людей, кажется, парнишка Аркрайт, внес большой фонарь и принялся зажигать свечи. Пятна света легли на воду в чашах, и Свенссон приказал:

– Вылейте ее. Мы принесем новую воду и освятим.

С людей Гранвилла стало бы и помочиться в чаши. Джемми Бринн и Эндрю занялись водой, а Свенссон пошел по нефу, и ему казалось, что сейчас он идет по палубе корабля и готов отправиться в путешествие.

Свенссон с облегчением подумал, что собор почти в порядке. Так, сдвинулось несколько скамей, но это легко поправить. Вот мужчины уже взялись за них, вот женщины зажигают свечи, и Свенссону осталось лишь пройти к алтарю и начать службу.

Для молитвы в дни беды не нужно было особого облачения. Свенссон остановился возле алтаря и, глядя на фрески апсиды, подумал: «Мать, нежная и сострадательная, не оставь нас. Отец, добрый и сильный, защити нас».

И это была вся его молитва, и он не знал, сможет ли сказать больше.

Свенссон обернулся – горожане рассаживались, занимали привычные места. Их лица были бледны, Свенссон смотрел на них и видел: вот этого парня били, вот эта девушка едва убежала от солдат и сейчас комкает шаль на груди, словно до сих пор пытается прикрыться, вот эту старуху толкнули так, что она упала и едва смогла подняться. Его пронзила боль – настолько острая, что потемнело в глазах.

– Дети мои, – произнес Свенссон и вдруг подумал, что это самая странная его служба и, возможно, самая важная. Прихожане умолкли; в тишине собора был слышен далекий топот множества ног, хлопанье дверей и крики.

Все они были его детьми. Это было невыразимым счастьем и такой же невыразимой болью.

– Мы встречаем тяжелые времена, – сказал Свенссон. – Но если такова воля Двоих, то мы можем лишь с достоинством принять ее, а они дадут нам сил вынести все испытания. Какой бы черной ни была идущая беда, какими бы жестокими ни были наши враги, у нас все равно остается очень многое. Мы можем любить наших близких и заботиться о них. Мы можем помогать слабым. Мы можем встать плечом к плечу, чтобы защитить Север и друг друга. Мы можем смело и твердо смотреть в лицо нашего горя и не склоняться перед ним. Вместе мы выдержим любое испытание. Помолимся. Пусть Отец и Мать пошлют нам надежду.

Он вдруг услышал быстрые шаги – в храм вбежала девушка в темном плаще и замерла в проходе. Поднялась тонкая белая рука, откинула капюшон, и Свенссон узнал Равену.

И улыбнулся – во второй раз в жизни.

После службы, когда народ разошелся, Равена неожиданно для себя обнаружила, что снова сидит на ступенях собора. Джемс сидел рядом, между ними по-прежнему было расстояние в две ладони, но Равена знала: все, что было в прошлом, умерло.

Юноша и девушка, которыми они были несколько дней назад, исчезли и никогда больше не вернутся. Призраки растаяли, и ничего не осталось – нежное, чистое, искреннее чувство, которое соединяло их раньше, не могло пробиться сквозь тьму.

«Двое, помогите нам», – подумала Равена.

– Ты жива, – негромко сказал Джемс. Равене показалось, что его рыжие волосы потемнели и он стал старше.

– Да, – кивнула Равена. Из ее души поднимался крик, и она сделала бы все, чтобы он смолк. – Да, и ты тоже жив.

Джемс придвинулся к ней, обнял за плечи, прижал к себе. Равена уткнулась лицом в его плечо, понимая, что они все потеряли. Босоногие игры, мечты о юге и драконах, рыбалка и яблоки – Ньют Гранвилл пришел и уничтожил все дорогое, что было в их маленьком мире.

Кевви, который увязался за хозяйкой, сидел рядом и весело улыбался. На ошейнике красовалась бляшка с выбитым на ней вепрем. Джемс посмотрел на него так, словно с трудом сдерживал желание дать собаке пинка.

– Мы так и не успели убежать, – едва слышно сказала Равена. Джемс горько рассмеялся над ее головой.

– Еще сможем. Я все равно тебя у него заберу.

«Забери меня», – с отчаянной тоской подумала Равена, понимая, что это ничего не изменит и не исправит. Между ними всегда будет стоять вечер и ночь, плавающий огонек лампы и запах крови.

– Ничего не бойся, – произнес Джемс, и Равена чувствовала, насколько он тверд. – Скоро все изменится, очень скоро. Просто поверь мне.

– Верю... – откликнулась Равена, заталкивая боль куда-то в глубину сердца. Все еще вернется – рассветы и закаты, вкус лесной земляники на губах, книги с загнутыми страницами. Если она сможет поверить, все начнется заново.

Они поднялись со ступеней и какое-то время стояли обнявшись. Равене казалось, что нет на свете ничего, что может заставить ее отстраниться от Джемса. Это была не любовь, о которой пишут в книгах, – это была вся ее жизнь.

«Я хочу вернуться, – подумала Равена. – Двое все милостивые, как же я хочу вернуться!»

Кто-то дотронулся до ее плеча, и Равена поняла: отец. Он завершил службу и вышел к ним, как всегда бывало раньше.

Ей вдруг сделалось легко, очень легко и очень спокойно.

– Мы живы, – прошептала Равена, обернувшись к Свену.

Тот смотрел на нее с таким теплом и такой любовью, что ей почудился свет и далекие голоса.

– Да, дети. – Свен обнял их за плечи, и так они стояли втроем. Каттерик засыпал, и Равена знала, что запомнит это мгновение счастья и любви до конца своих дней. У нее появилась надежда, и теперь Равена боялась спугнуть ее.

– И все равно мы сбежим, – вдруг сказал Джемс. – Я кое-что придумал.

Глава 4

Приворот

– Должно быть, это скучно, постоянно жить среди нарциссов, – предположил Итан.

Авриль пожал плечами. Они стояли на одном из бесчисленных балконов, и металлические завитки ограды сплетались в цветочные колокольца. Авриль уже успел изменить прическу – светлые волосы были подняты, открывая шею, и в перевитой жемчугом пряди уже красовался нарцисс.

– Людей развлекают самые неожиданные вещи, вы не замечали, полковник?

Итан усмехнулся. Гостям предложили передохнуть с дороги перед обедом, принцесса Лия ушла в отведенные ей покои, а они с Аврилем как-то вдруг оказались вдвоем на балконе. Что-то царапалось и жгло в груди; Итан машинально дотронулся до яремной ямки, словно хотел нащупать и вытащить занозу.

– Вам идет это платье, – заметил Итан.

Авриль усмехнулся.

– Сьоррен Элисабет пожалела бедную путешественницу, которая рванула из дома без вещей, – ответил он. – Не люблю бервенийский шелк, он мне кажется холодным.

– Сьоррен Элисабет подготовилась, – произнес Итан и дотронулся до рукава Авриля, там вышитый ворон нес в когтях нарцисс. – Второй дом склонился перед вами.

Авриль задумчиво посмотрел на рукав, и Итан вдруг уловил легкий цветочный запах, который поднимался от его волос. Заноза еще глубже погрузилась в грудь.

– Вы ведь так и не рассказали мне, что будет потом, – сказал Авриль, и в его голосе прозвенел металл.

Итан готов был поклясться, что платье – темно-зеленое, многослойное, перехваченное на талии широким металлическим поясом, вдруг сделалось похожим на доспехи.

По внутреннему дворику бесшумно пробежали две служанки, неся большие тюки, завернутые в бумагу. Итан отвлекся на них и вздохнул с облегчением. Двое всемогущие, как он вообще умудрился дойти до такого непереносимого стыда!

Должно быть, всему виной была магия Черной матери Глевы, которая окутывала Авриля как саван.

– Свадьба наследника дарангварского престола это не только пир и церковная служба, – ответил Итан. – Это еще и крупнейший рыцарский турнир за десять лет и большой смотр дарангварских войск. Так что сейчас армия, которую вам обещала предоставить сьоррен Элисабет, совершенно спокойно и легально движется к Ливендону и ждет, когда потребуется выполнить ваши приказы.

– А ведь совсем скоро мы будем в столице, – произнес Авриль и вдруг совершенно бесечно

спросил: – Почему вам настолько не по себе, Итан?

Сильный брат должен сохранять спокойствие при любых обстоятельствах, Итан никогда не забывал об этом, но теперь по его привычной защитной броне бежали трещины и он не знал, как остановить все это. Он утратил холодное равновесие ума.

– Я и сам себя не узнаю, – признался Итан. – Прежде со мной не было ничего подобного, я никогда не участвовал в заговорах против короны.

Авриль рассмеялся. Встал спиной к внутреннему дворику, прислонился к балконной решетке, сложил руки на груди – упали, зашелестев, рукава, зазвенели браслеты.

– Разве заговоры это не обязанность Сильных братьев?

– Нет. Сильные братья как раз и должны следить за тем, чтобы их не было.

Во рту стало горько и сухо, словно Итан ел золу и пепел.

– Как же вас так угораздило? – чуть ли не с сочувствием спросил Авриль, и Итан вдруг подумал, что у бисалли получилось прочесть в его мыслях то, что он так старательно прятал от самого себя.

– Меня продали родители, когда съор Кейн объявил отбор молодого пополнения для Сильных братьев, – ответил Итан. – Для ребенка из Нижнего города это был единственный способ выбиться в люди.

Авриль вопросительно приподнял левую бровь.

– Продали? Даже так?

Итан кивнул.

– Кейн не хотел меня брать. Матери пришлось приплатить.

Вспомнилось осунувшееся лицо матери и застарелая печаль в ее глазах, когда она протягивала съору Кейну два золотых орла на ладони – все, что осталось от ее приданого. Это была их последняя встреча; в следующий раз Итан увидел мать уже на кладбище, завернутую в белый саван и уложенную на дрова. От факелов тянулись черные ленты дыма, собирался дождь.

– Когда ее сожгли, я развеял пепел над морем, – глухо сказал Итан, – а потом пошел к отцу. Спать он забил ее до смерти, а я за это перерезал ему глотку. Тогда я был уже Младшим братом и меня бы не наказали за это.

– Вы наказали себя сами, полковник, – с искренним сочувствием произнес Авриль. – Верно?

Итан кивнул.

– Верно. Я любил ее, но не смог защитить. Вроде бы это уже не ранит, но...

Губы Авриля слегка дрогнули в улыбке. Бисалли поднял руку и беглым движением дотронулся до лба Итана. В воздухе разлился запах ландыша, и Итану стало легче.

Он просто делает свою привычную работу – сохраняет мир в Дарангваре и останавливает бессмысленную войну. Скоро Авриль снимет эти пестрые тряпки, смоев макияж и займет трон своего отца. Тогда Итан вернется на Хвост и, может быть, подаст в отставку.

– Спасибо, – сказал он. Авриль усмехнулся.

– Я не умею излечивать. Но могу сделать так, чтобы боль отступила.

– Я помню. Вы проклинаете и приносите удачу, – сказал Итан, понимая, что они стоят на этом дурацком балконе уже слишком долго.

На его счастье, появился слуга и с поклоном сообщил, что его высочество и господина полковника ждут в Большом зале. Итан вздохнул с облегчением.



Принцесса Лия, такая же бледная, как и в дороге, уже сидела за столом рядом со сьоррен Элисабет. «Все-таки иногда отцы бывают изрядными трусами», – подумал Итан, усаживаясь рядом с ней, как и полагается сопровождающему джентльмену. Авриль устроился рядом с Морисом, который смотрел на него так, словно прикидывал, как бы приманить еще больше удачи с помощью бисалли, и проклятая заноза в груди снова налилась огнем.

– Что ж, мои дорогие! – Сьоррен Элисабет кивнула слуге, и на столе перед ней очутился поднос с двумя футлярами зеленого бархата. Щелкнули крышки, и Итан увидел броши – изящные нарциссы, серебро и эмаль. – Примите эти милые безделицы в знак вечного уважения моего дома. Когда-то они принадлежали моим родителям. Пусть они принесут вам счастье!

Лия поблагодарила и приколотла брошь на грудь, Авриль последовал ее примеру.

– Весенние цветы сильнее остальных, – улыбнулся он. – Пусть весь Дарангвар увидит их силу.

Сьоррен Элисабет посмотрела на него с искренним теплом.

– Скоро, ваше высочество, – сказала она. – Очень скоро.

– Снимите-ка эти броши, – потребовал Итан, когда на следующее утро свадебный поезд покинул Вышеград и, миновав поля и лесные гребни, выехал на пустошь. Вчера он, разумеется, проверил подарок и не нашел ничего особенного, обычные броши. Но странное знобящее чувство по-прежнему не покидало его.

Лия послушно отстегнула серебряный нарцисс, протянула Итану и с ледяной вежливостью поинтересовалась:

– Что-то не так, полковник?

Кажется, брошь пришлась ей по душе и принцесса не хотела с ней расставаться. Итан извлек из своего дорожного саквояжа детектор ядов и вредоносных заклинаний, посмотрел сквозь него на брошь. Чисто. Просто серебро и эмаль.

Почему тогда у него холодок гуляет по спине, словно случилось что-то плохое?

– Там нет магии, – сказал Авриль. Его дракон кружил над свадебным поездом, отдыхая от седока, лошади вроде бы привыкли к нему, но все равно вздрагивали, когда он начинал снижаться. – Я бы почувствовал.

– Сильных братьев учат многим вещам, – угрюмо сообщил Итан. – И одна из них – это доверять своей интуиции. Если она говорит, что с брошами что-то не так, значит, я должен все проверить. Авриль и Лия скептически посмотрели на него.

– Не думаю, что сьоррен Элисабет настолько выжила из ума, чтобы дарить нам отравленные броши, – заметил Авриль и вдруг указал куда-то вправо и спросил: – Это кто там, оркувенды?

Итан посмотрел на вересковые заросли и увидел темные силуэты оркувендов, проще говоря, орков. Они двигались на своих низкорослых лохматых лошадках примерно в четверти мили от свадебного поезда. Лия удивленно ахнула.

– Оркувенды? Никогда их не видела, только читала в газетах. Они правда пьют лошадиное молоко? Итан улыбнулся. Принцесса была непосредственна и мила, и на мгновение ему сделалось очень жаль ее.

– Они пьют все, что горит, – ответил Авриль. – И едят все, что шевелится, а что не шевелится – шевелят, а потом едят. Не пойму, чего они хотят сейчас.

– Ну не нападать же, – улыбнулся Итан. Раньше оркувенды держали в страхе весь Дарангвар, но

потом великий Хавенин привел их к вере в Двоих, и оркувенды успокоились, обленились и теперь в основном проводили время за пиалой зеленого чая, сочиняя пятиястишия. – Пусть себе едут. Они не дикари, не бойтесь.

Вскоре оркувенды приблизились к свадебному поезду. Лия с детским восторгом смотрела на их черные шелковые халаты, расшитые пионами и аистами, но ее пальцы так сжимали руку Итана, что становилось больно.

– Mendee ah-chilgee! – прокричал один из всадников, круглолицый и беловолосый. – Taenee ha-ard asan thaom sorilt baigaa gedogaig beed meterch bainat!

«Мы чувствуем, что за вами идет большая беда», – механически перевел Итан, и холод, который царапал спину, еще глубже запустил в него когти. Лицо Авриля нервно дрогнуло, словно он услышал что-то очень важное.

– Остановитесь! – отрывисто приказал он и, когда экипаж послушно замер, поднялся и произнес на чистом орочьем языке без следа акцента: – Bae beel Bisalli, Khotoreen nerhar nerlagdsen arhun teneeg gatum. Asuudal vee meterch?

– О чем они говорят? – испуганно прошептала Лия. – Что им нужно?

– Говорят, за нами идет беда, – ответил Итан как можно спокойнее. – Авриль сказал им, кто он, и спросил, что за беда.

– Двое всемилостивые! – ахнула Лия. Итан подумал, что сейчас она расплатится от страха, но девушка лишь выпрямила спину. Пусть беда идет, мы посмотрим ей в лицо и не отвернемся. Итану невольно понравился такой подход. Если сначала принцесса казалась ему изнеженной куколкой, то теперь он видел, что это далеко не так.

Оркувенды поклонились, прижав ладони к груди. Один из них принялся рыться в седельной сумке и, вытащив клубок разноцветных лент, бросил их в экипаж. Итан толкнул клубок носком сапога – просто ленты, ничего особенного.

– Khar aevchin. Vid t###ъ###inee anereeg alin khemediin, – ответил орк. «Черная болезнь, – перевел Итан. – Мы чувствуем ее запах».

Черной болезнью оркувенды называли островную чуму, которая действительно раньше проникала на материк с Хвоста, но последний случай был семьдесят два года назад. Врачи давным-давно изобрели способ одолеть ее, и у каждого на плече красовался крестообразный шрам от лекарства. Откуда она, евгры ее заберут, взялась здесь и сейчас?

– Tin taven khar aevchin, – ответил Авриль и похлопал себя по левому плечу. – Khaman biin toolun ahmar tha.

Оркувенды закивали, повторяя его жест, один из них заговорил так быстро, что Итан не смог разобрать слов. Авриль выслушал его, затем кивнул и ответил:

– Than meen havalee, kharamaa tanchin. Viiven! – и, сев на скамью, приказал: – Едем дальше.

Орки махнули ему в ответ, и свадебный поезд снова пришел в движение. Некоторое время Авриль хмурился, словно не знал, как рассказать о том, что ему сообщили всадники, а затем произнес:

– Они сказали, что на нас лежит тень черной болезни. Я сказала, что все мы привиты. Вон тот, с красной лентой в косице, – помощник местного шамана, а эти тряпки отпугивают духов болезни.

Он сказал, что если мы почувствуем что-то плохое, то в пяти милях отсюда их юрты, там мы можем найти помощь. Может быть, вы ощутили именно болезнь, полковник?

Итан пожал плечами. Если это действительно островная чума, то оркувенды правы: надо не растаскивать болезнь по Дарангвару, а изолироваться и ждать исцеления.

Впервые за довольно долгое время Итан почувствовал прикосновение настоящего страха.

Лия вздохнула. Было видно, что ей не по себе и она понятия не имеет, что делать. Но держалась она очень стойко, Итану это понравилось. Не хватало им тут еще слез и истерик.

– Со мной все в порядке, – сказала Лия. – Но, возможно, болезнь еще не проявила себя. Что мы будем делать? Могут ли они врать или ошибаться?

– Врать – нет, – ответил Авриль. – Ошибаться – может быть. Как вы себя чувствуете, ваше высочество?

Лия нахмурилась.

– Как всегда. Ничего особенного.

– Мы примем их приглашение, – подумав, решил Итан. – Если это действительно болезнь, то нам лучше изолироваться и хотя бы переждать. Я отправлю письмовник его величеству Стиосу.

Некоторое время они ехали молча. Положив на колени папку для бумаг, Итан быстро писал письмо королю, вспоминая симптомы островной чумы. Болезнь развивается через несколько часов после заражения, тело покрывается красной сыпью, и у больного начинается жар. Раз так, то они не притащили болезнь с Хвоста и не подхватили ее в гостях у Гейба Рори – островная чума уже успела бы проявиться.

– Вышеград, – произнес Итан. – Если мы и заразились, то только там. Но тогда получается, что они знали о болезни и ничего не сказали нам.

Он свернул письмовник; бумажный шарик с сердитым жужжанием поднялся с его ладони и рванул на юг, чтобы через несколько минут развернуться перед его величеством. Авриль откинулся на спинку сиденья и полюбопытствовал:

– Почему вы все-таки так вцепились в эти броши, Итан?

– Мне не понравилось, как она сказала «очень скоро», – признался Итан. Он довольно отметил, что сохраняет полное спокойствие. Что ж, значит, у него еще получается владеть собой и магия Черной матери Глевы не имеет над ним власти.

– Если это и правда островная чума, – сказала Лия, – то она оставляет шрамы по всему телу, насколько я помню. – Она усмехнулась и добавила: – Кому понадобится изуродованная жена, интересно?

Итан подумал, что она готова расплакаться. Впереди показался Хаархан, большой оркувендский поселок с ярко-красными юртами, и Итан увидел, что навстречу свадебному поезду движутся всадники с золотыми лентами на копьях.

– Я не хочу вас пугать, Лия, – вдруг произнес Авриль, – но у вас на шее что-то красное.

Надо отдать должное Лие, она повела себя совершенно спокойно. Принцесса открыла сумочку, извлекла зеркало и дотронулась до крошечного розового пятнышка ниже левого уха. Авриль забрал у нее зеркало, спрятал его в сумку и сжал руку Лии. Она вдруг всхлипнула и прошептала:

– Нет-нет, это ничего... Это же не страшно...

Авриль обнял ее за плечи и сказал, глядя на Итана:

– Я могу отвезти ее в Ахани. На драконе.

– Не глумитесь! – рассердился Итан. – Стиос ее не пустит при всей своей любви, нам там только

эпидемии не хватает. Я напишу Малоуну, что мы задерживаемся в пути.

По щеке Лии пробежала слеза. К пятну на шее присоединились еще два возле ключицы.

Когда их экипаж остановился возле огромной алой юрты, Лия уже чувствовала, как жар охватывает тело. Она попробовала спуститься сама и почти упала в руки Авриля. Бисалли подхватил ее и быстрым шагом двинулся за оркувендом, который показывал дорогу. Мелькнул полог, расшитый золотыми цветами и драконами, и Лию осторожно опустили на мягкое ложе. В губы ткнулась фарфоровая пиала с чаем, Лия послушно сделала глоток и увидела, как пятна расползаются по правой руке.

Скоро там появятся прозрачные пузырьки. Потом, когда болезнь отступит, они лопнут, оставив после себя мелкие шрамы.

«За что? – подумала Лия, не зная, к кому обращается. – Что плохого я вам сделала?»

– Вам нельзя выходить. – Оркувенд говорил с едва уловимым жестким акцентом. Авриль кивнул.

– Да, разумеется. Вы сможете изолировать всех наших людей?

Оркувенд улыбнулся.

– Конечно. На пустошах каждый год гуляет новая зараза, мы всегда готовы к чему-нибудь гадкому.

«Что-то гадкое это я», – подумала Лия и попыталась улечься поудобнее. Тело казалось набитым ватой; Авриль помог ей приподняться, подложил под голову шелковую подушку и сказал:

– Благословляю всех вас именем Черной матери Глевы и силой Двоих. Благодарю за помощь.

Позовите шамана, пожалуйста.

Он держался настолько спокойно, что Лия на какое-то время перестала себя жалеть. Мысли о том, что болезнь изуродует ее навсегда, отступили. Оркувенд закрепил над ее головой изящное украшение из бумаги – красно-золотой шар с бесчисленными складками, в которые были вложены пучки трав. По ноздрям скользнул сухой травяной запах и исчез.

– Спасибо, бисалли, – с искренним теплом ответил оркувенд. – Может быть, все обойдется.

Авриль понимающе кивнул. Он сидел на ковре рядом с ложем Лии, сложив ноги по-оркувендски, и был похож на призрака. Когда орк вышел, Авриль протянул Лие пиалу с чаем и произнес:

– Вам надо больше пить, Лия. Ну-ка, сделайте глоток, будьте умницей.

Лия подчинилась. Голову наполнял звон, казалось, что в юрте вот-вот пойдет снег. Бумажный шар кружился над Лией, а далекие голоса шептали: уродина, уродина, уродина...

Все ее тело будет покрыто шрамами. Отец увидит ее и сделает вид, что все в порядке, но Лия поймет, как ему тяжело. Все будут смотреть на нее так, словно ничего не случилось, но стоит ей отвернуться, как начнутся притворные сожаления и ядовитые шпильки.

Лия поняла, что заплакала, потому что лицо стало влажным. Авриль заботливо погладил ее по щеке.

– Не надо, – сказал он, и Лию снова охватило сонное спокойствие. – Не тратьте время и силы на слезы и сожаления. Вам нужно поправляться.

По телу пробежал огонь. Лия чувствовала, как тончайший шелк платья прилипает к багровеющей коже. Содрать бы его, воздуха бы...

– Слезы и сожаления, – прошептала Лия, – это то, что теперь со мной навсегда.

Прекрасная принцесса, которая стала уродиной, – все будут жалеть ее, а потом смеяться. Над калеками всегда смеются. Лия будет поднимать голову и расправлять плечи, Лия все равно будет королевой, потому что для королевы важна не внешность, а сила тех, кто за ней стоит, но все будут

видеть ее шрамы.

– Перестаньте. – Голос Авриля дрогнул. – Я вас не оставлю, слышите? Я никогда вас не оставлю.

Верьте мне, Лия.

Зашелестел полог и в юрту вошел оркувенд в бледно-голубом халате, расшитом золотыми карпами – должно быть, здешний шаман. Два помощника втащили за ним ящик, в котором что-то позвякивало. Авриль и оркувенд обменялись поклонами, затем шаман сел рядом с ложем и, цепко схватив Лию за руку, произнес скрипучим голосом:

– Меня зовут Ундес, принцесса. Я буду лечить вас. – Он перевел взгляд на Авриля и спросил: – Вы дотрагивались до нее, бисалли?

Авриль кивнул.

– Да. Давала ей пить.

– Надо срезать с нее эти тряпки, – сказал Ундес. – Я разотру ее смесью трав и дам лекарства, а остальное уже в воле Двоих.

Помощники натянули перчатки и проворно избавили Лию от одежды. К жару и боли добавился еще и стыд, никогда столько людей не видели Лию обнаженной. Красные пятна ползли по всему телу.

Ундес сокрушенно покачал головой и приказал:

– Держите ее. Вы тоже раздевайтесь, бисалли, я должен вас осмотреть.

Помощники заняли места возле ложа, шаман вынул из ящика глиняный горшок и быстрыми энергичными движениями принялся втирать в кожу Лии зеленоватую жижу. Это было по-настоящему больно, Лии казалось, что она горит. Красные стены юрты заскользили куда-то в сторону, но Лия закусил губу и поклялась, что не издаст ни звука. Ундес вдруг замер и удивленно произнес:

– Стойте! Ну-ка, повернитесь...

Авриль, который уже успел снять платье, повернулся к шаману. Тот нахмурился и, указав на него скрюченным пальцем, проговорил:

– Это не черная болезнь, бисалли. Будь это она, у вас бы уже были ее следы.

Лия едва не рассмеялась от облегчения. Возможно, не все так страшно, как она себе представляла. Возможно, шрамов не будет.

– А что это? – спросил Авриль, нахмурившись.

– Серебро, – произнес Ундес. – Кто-то недавно дал вам серебро, где оно?

Помощники принесли нарциссовые броши. Накинув на Лию одеяло, Ундес вынул из своего ящика очки и щипцы и принялся вертеть в пальцах брошь, подаренную съоррен Элисабет Аврилю. Лия смотрела, и ей чудилось, что серебряный цветок оживает и над ним плывут мелкие водяные брызги. Ундес подхватил щипцы, впился ими во что-то невидимое над брошью и потянул на себя.

Авриль поморщился и усмехнулся.

– Сильная маскировка, – заметил он. – Я ничего не почувствовала, и прибор полковника Блэкмура тоже.

– Вы не настолько сильные маги, при всем уважении, съор, – сказал Ундес. – Видите? Магические поля настроены на вас, а отдача пошла на принцессу.

– И что же нам делать? – спросила Лия. Она заметила, что Авриль снова сидит с ней рядом и держит ее за руку. Ему все равно, насколько она уродлива, он сделает ее королевой, потому что так

договорился с его величеством Стиосом. Что вообще интересует бисалли, кроме спасения сестры? Это ведь Лие потом жить с лицом, разукрашенным шрамами.

И зачем съоррен Элисабет заколдовала броши? Она ведь союзница Авриля и короля Стиоса! Зачем ей уродовать Лию?

– Вам – лежать и пить лекарства, – ответил Ундес. – Будем надеяться, что заклинания можно будет остановить. Я, конечно, уничтожу эти броши, но механизм уже запущен.

Он говорил так, словно эти заклинания были намного хуже островной чумы и Лия могла умереть. Лицо и тело горели от боли, но голову охватил холод.

– Что это за заклинания? – спросила Лия.

– Приворотная порча, – произнес Ундес. – Самая сильная, которую я видел.

Клер сидела в саду; заросли бирючины были просто созданы для того, чтобы подслушивать чужие разговоры, оставаясь незамеченной. С другой стороны живой изгороди его величество Малоун неторопливо шагал рядом со Стафани, и Клер ловила каждое слово их беседы, надеясь, что король не уловит прохладного запаха ее духов.

– А я все-таки надеялся, что он останется в Ахани. – Малоун говорил спокойно, но Клер казалось, будто над кустами искрятся золотые молнии.

– Разумеется, ваше величество. Я тоже на это надеялся. – Стафани вздохнул, сделал паузу и продолжал: – Мы с вами прекрасно понимаем, что весь этот маскарад просто способ защитить себя и сестру. Способ, конечно, безумный, но недаром говорят, что безумцы всех умней.

Со стороны фонтанов донесся визг – кажется, Антони снова швырнул кукол Эвилы в воду и обрызгал сестру, когда она бросилась на выручку. В такие дни, как этот, Клер думала, что дети это единственное, что удерживает ее в жизни.

Заклятие Тени должно было поразить южного бисалли – и не причинило ему ни малейшего вреда.

Клер понимала, что Стафани ждал от нее совсем другого и теперь был, мягко говоря, недоволен, хотя ничем не показывал своего недовольства. Но он вряд ли будет на ее стороне и расскажет о ее способностях сразу же, как только сочтет нужным.

Тогда ее ждет костер. Малоун всегда хорошо относился к Клер, но она все-таки была для него проблемой. А проблемы нужно решать, и лучше сделать это рано, чем поздно.

Он найдет тех, кто будет шпионить за принцессой. На гадкие дела всегда есть охотники.

– Он и сейчас ее защищает, – кажется, Малоун сорвал листок и растер в пальцах. Клер затаила дыхание. – Чего, интересно, он потребует? Развода для сестры?

Стафани кашлянул в кулак.

– Напомню, ваше величество, что он ничего не может требовать. Он может лишь смиренно просить вас о милости – а вы решите, стоит ли ее оказывать. В конце концов, это душевнобольной. Его в любой момент можно поместить в комнату с мягкими стенами и решетками на окнах. Пусть сидит и поет песни молодой луне, как все безумцы.

Малоун усмехнулся.

– И он тогда проклянет всех, кого увидит. Моих внуков, например. Нет, тут нужно все решать миром.

День выдался жарким, но Клер охватил мороз, когда она представила, как бисалли смотрит на ее детей и они падают, покрываясь кровавыми язвами. От страха ее начало тошнить. Неужели Двое

могут быть настолько жестоки? Антони, смешной мальчишка, так похожий на отца, Эвила, готовая разреветься в любую минуту, – разве с ними может случиться беда?

«Может, – подумала Клер. – То, что они дети, вряд ли их спасет».

– Не сомневаюсь, ваше величество, что вы найдете правильный выход. – Клер казалось, что Стафани улыбается, словно дедушка, который знает, как нужно поступать, и направляет внуков на верный путь. – Да, вы своими руками перерезали горло его отцу, но когда это было! Теперь вы вполне можете стать если не друзьями, то союзниками.

– И как вы это видите?

Стафани не договорил. Сад накрыла волна горького звериного запаха, на траву и кусты легла тень, и кто-то из дворцовых стражников истошно заорал:

– Дракон! Драко-о-он!

Это действительно был дракон, он пролетел над садом и рухнул зеленой молнией где-то у фонтана. В следующую минуту Клер уже мчалась туда – страх, охвативший ее, был настолько глубоким и безжалостным, что больно было дышать.

Антони. Эвила.

«Мать милосердная...» – шептала Клер, не в силах вспомнить ни одного слова молитвы.

– Мамочка!

Клер остановилась. Все кругом качалось и плыло, весь мир стал мешаниной цветных пятен и обрывков. Вот огромная драконья лапа, вот хвост постукивает по траве, вот нянька лежит кулем тряпья – упала в обморок от страха, вот подол чьего-то платья: вышитый ворон сжимает в когтях нарцисс.

– Мамочка, у этой съоррен дракон! Ее собственный!

Нет, это, конечно, была не съоррен, хотя и сидела на драконьей спине по-женски, боком. Клер смотрела на Авриля Тисона, сердце стучало где-то в горле, и земля уходила из-под ног. Эвила сидела на коленях бисалли и с любопытством рассматривала браслеты на его запястьях. Антони гладил драконью морду с таким восторженным видом, словно получил подарок на день рождения.

– Умоляю, – прошептала пересохшими губами Клер, – умоляю вас...

К фонтану выбежал Малоун, в отличие от стражи, его величество не праздновал труса. Выхватив саблю у офицера дворцовой охраны, направил оружие на Авриля.

– Отпусти мою внучку, – холодно произнес он.

Офицеры стояли за его спиной, и Клер заметила, как дрожит оружие в их руках. «Нет, не будете вы ни друзьями, ни соратниками», – опустошенно подумала она. Антони, который полировал рукавом драконий клык, деловито осведомился:

– Давно ли он ходит под седлом, съоррен?

Авриль рассмеялся, и Клер подумала, что в нем нет ни капли безумия. Только холодный расчет и гнев, который она сейчас чувствовала под маской светского спокойствия.

– Недавно, съор Антони, но показывает значительные успехи, – ответил Авриль и, отстегнув один из браслетов, надел его на пухлую ручку Эвилы. – Благословляю вас, съоррен Эвила. Бегите к дедушке! Эвила рассмеялась, глядя на подарок.

– С камешками! – воскликнула она. – Дедушка, смотри! Красненькие, как я люблю!

Когда малышка подбежала к королю, Клер невольно вздохнула с облегчением. Малоун обнял

девочку, и его лицо дрогнуло. Дракон фыркнул, выпустив дымную струйку, Антони деловито похлопал его по морде.

– Э, друг, тебя еще надо воспитывать! – заметил он. – Покатаете нас, сьоррен?

Авриль улыбнулся, но глаза оставались ледяными, в них была только тьма. «Забери меня, – подумала Клер. – Забери меня, убей, прокляни, сделай все, что хочешь, только не трогай моих детей».

– Думаю, вам лучше пойти с дедушкой, – сказал Авриль и добавил тем тоном, которым мог бы говорить только настоящий хозяин этих мест: – Оставьте нас, ваше величество.

Клер не думала, что Малоун настолько любит внуков. Король поднял Эвилу на руки, сжал в руке ладошку Антони и быстрым шагом скрылся за живой изгородью. Когда они остались наедине, Клер негромко сказала:

– Спасибо, что сохранили им жизнь.

Авриль снова улыбнулся, так будет улыбаться мясник, разделявая хороший кусок мяса. Спрыгнув с драконьей спины, он подошел к Клер. Она вдруг почувствовала едва заметное дуновение знакомой магии и окончательно растерялась.

– Я обещала вашей бабушке сохранить вам жизнь, – произнес Авриль. – Но теперь думаю, что погорячилась. Да, это и правда приворотная порча, я чувствую.

Он дотронулся до груди, и Клер наконец-то поняла, что произошло и откуда взялся этот звон в ушах. Бабушка, ох бабушка, ну зачем!

– Броши в виде нарциссов, – прошептала Клер. – Они у вас?

– Когда я улетала к вам, их как раз несли на переплавку, – сказал Авриль. – Ваша бабушка разумная и дальновидная женщина, и она вас очень любит. Настолько, что решила привязать меня к вам. Она не предусмотрела только одного: приворотная порча ударяет по сопернику, а у меня теперь есть человек, которого можно считать таковым.

Клер много слышала о южном бисалли и видела его портреты в газетах – там он действительно выглядел как девушка, но сейчас в нем не было ничего девического. Даже платье не выглядело на нем комично. Клер опустила глаза, руки дрожали так, что она сжала их в замок.

– Бабушка не хотела вам зла, – промолвила Клер. – Она добрая, она просто не знала, что... Этими брошами мой прадед приворожил к себе жену, с тех пор в них магия крови дома Харш.

Она осеклась, не зная, что еще сказать. От Авриля едва заметно веяло тем запахом, который оставляет приворот – ландышем и кровью. Чем дольше они стоят вот так рядом, тем приворот сильнее. Сейчас Авриль заинтересован, хотя и скрывает это, а через несколько часов почувствует влечение. Клер почти видела золотой туман, который наполнял тело бисалли и приказывал подчиняться тяжелому, властному зову. Магия была руками, которые повернули его голову к Клер и заставляли смотреть на нее, не отводя глаз.

Бабушка, что же ты наделала...

– Она хочет видеть вас королевой, – негромко сказал Авриль. В этот миг из-за зарослей послышался голос Эдварда:

– Да пустите же вы меня! Я его уничтожу!

Клер услышала возню, шум и схватила Авриля за руки, словно пыталась помешать ему проклясть Эдварда. Авриль усмехнулся.

– Как все исправить? – спросил он. Клер подняла руку и, выдернув несколько волосков из прически,



протянула их Аврилю.

– Сжечь на чистом огне, – глухо ответила она. – Пепел на кончике ножа добавить в тесто, испечь хлеб и съесть. Здесь нужна часть того, в ком течет кровь дома Харш. Волос достаточно.

Осторожно, словно обращаясь с величайшей ценностью или святыней, Авриль убрал волоски в карман и сказал:

– Благодарю вас, сьоррен Клер. Я не держу зла и благословляю вас и ваших детей.

– Прощайте, – проговорила Клер. – Надеюсь, мы больше не встретимся... для нашего же блага.

Авриль улыбнулся. Усевшись на драконью спину, он дотронулся до кармана с волосками Клер и ответил:

– Увы, Клер. Встретимся, и скоро. Берегите детей.

Под вечер Лие стало хуже.

Какое-то время она держалась, но, когда Итан получил ответ от Стиоса с высочайшим повелением не продолжать поездку до полного исцеления принцессы, Лия впала в беспамятство и начала бредить. Лия смотрела на бумажный шар, в который поместили новые лекарственные травы, и едва слышно разговаривала с белой птицей, кружившей под потолком юрты. Ундес сокрушенно качал головой и повторял:

– Хоть бы он успел, хоть бы успел...

К письму Стиоса прилагалось несколько пузырьков с лекарствами от островной чумы, но теперь они были совершенно бесполезны.

Любовная порча, чтоб ее... Итан не стал писать о ней, а просто отправил письмовник с благодарностью за лекарства и добавил, что для принцессы делают все возможное. Ответа не было.

Когда Ундес вернулся с коробкой трав и пряностей и, сосредоточенно бормоча защитные заклинания, принялся смешивать зелья для принцессы, Итан вышел из юрты и сел у костра. Кто-то из оркувендов протянул ему пиалу с зеленым чаем; Итан сделал глоток и не почувствовал вкуса.

Сьоррен Элисабет думала о дочери и внуках. Авриль может дать любую клятву – и он с легкостью способен забрать ее, если потребуется. Королевская власть и долг не нуждаются в таких глупых вещах, как честность и порядочность. Когда Авриль станет королем, зачем ему рядом бастарды принца Эдварда? Придушат их подушкой, да и все. А вот если Авриль влюбится в их мать, то и Клер и дети будут в безопасности.

Он и королевой ее сделает. Бастард? Ну и что! Если ритуальная девка Черной матери Глевы займет трон Дарангвара, то происхождение Клер будет совершенным пустяком. О нем никто не вспомнит, особенно если новую династию поддержат деньги и армия.

Элисабет ошиблась только в одном: она не знала, что удар по сопернице накроет принцессу Лию.

Никто этого не знал. Итан видел в Авриле только сочувствие и жалость, но этого оказалось достаточно, чтобы приворотная магия разглядела в юной принцессе ту, кого надо было уничтожить.

А если Лия умрет, это приведет к войне в Дарангваре гораздо быстрее, чем все они опасались.

В кармане Итана лежал письмовник от Стиоса: «...если Лия подхватила чуму в Вышеграде, то пусть старая дрянь молится о ее полном выздоровлении. Драконы уже приведены в боевую готовность».

Стиос не обольщался по поводу партнеров на материке.

– Поешь! – Оркувенд, сидевший справа, передал Итану тарелку с пухлыми пельменями. – Ночь долгая.

От пельменей поднимался сытный мясной пар, но ему кусок в горло не лез. Из юрты доносились слабые стоны, казалось, что там мучают ребенка.

А Авриль? Каково сейчас ему, когда приворотная порча бродит по его венам и разворачивает всю его суть к женщине, которую он видит в первый раз? Да и полет на драконе в Ливендон... Не собьют ли их на подлете, просто так, на всякий случай?

Ему сделалось жутко: Итан испытывал похожее чувство, когда стоял у погребального костра матери и понимал, что уже ничего не исправить.

– Haii! – вдруг прокричали вдали. – Hai-draancu nameet!

«Летит, – перевел Итан и едва не рассмеялся. – Дракон летит!»

Тот ли это дракон? Нашел ли Авриль способ спасти Лию? Итан поднялся и увидел, как дракон, устало взмахивая крыльями, заходит на посадку в стороне. Туда уже бежали помощники Ундеса, Итан увидел девичью фигурку в зеленом платье на драконьей спине.

«Это не девушка, – напомнил он себе и вдруг подумал: – А если бы эта порча ударила по мне?»

Нет, Итан никогда не был трусом, но думать об этом дальше было невыносимо.

Подбежав к Аврилю, он с облегчением понял, что все хорошо. Бисалли улыбался так, что было ясно: он нашел способ все исправить. Скоро с Лией все будет в порядке, скоро они продолжат путь.

Увидев Итана, Авриль улыбнулся и, выхватив из кармана что-то неприметное, помахал ему:

– Боялся, что потеряю их. Нужен чистый огонь, как можно скорее! И тесто для хлеба!

– Что это? – спросил Итан.

Из юрты принцессы выглянул Ундес, и его хмурое лицо просветлело. Оркувенды торопливо разводили еще один костер – из освященных поленьев. Такой огонь отгонял любое зло и очищал от грехов, а еда, приготовленная на нем, исцеляла больных.

– Волосы Клер, – ответил Авриль, и было видно, что он счастлив. И не только потому, что нашел способ исцелить Лию и разорвать приворот. Он пусть ненадолго, но вернулся в свой настоящий дом и увидел то, что принадлежало ему по праву. Он прикоснулся к тому, что берег в самой глубине своей души – и Итан видел, что теперь Авриль пройдет свою дорогу до конца.

На душе стало светло и грустно.

– Как там в столице? – спросил Итан и признался: – Я боялся, что вас собьют на подлете. Дракон с такой всадницей...

Авриль улыбнулся, и теперь в этой улыбке не было ни следа привычного кокетства ритуальной девки – на Итана смотрел авантюрист, лихой и веселый, готовый рискнуть своей головой и победить. Те, кто видел в Авриле послушную куклу на троне, еще не понимали, насколько ошибаются. Он был похож на экзотическую бабочку, которая выбиралась из кокона и готовилась раскрыть яркие крылья.

«Нет, это не бабочка, – подумал Итан, – скорее это ворон. Или дракон».

– Я сделала крюк и облетела Ливендон с севера, – ответил Авриль. – Там никогда не было гарнизона с достаточным вооружением. Я свалилась почти на голову Малоуну. – Дракон фыркнул, милостиво принимая от оркувендов поднос с парным мясом, и Авриль добавил: – Он просто умница, мой Полуденный Ужас. Прилетел по приворотной нити, которая соединила меня и Клер, сел в саду и перепугал охрану. Я видела дворец, полковник, там пристроено еще одно крыло. Красиво. И красный зверь до сих пор там.

– Красный зверь? – спросил Итан. Лицо Авриля на мгновение обрело какое-то детское беззащитное выражение.

– Статуя льва из восточного мрамора. Равена всегда боялась его, а я смеялась над ней.

Его голос дрогнул, и в глазах появился влажный блеск. Итан ободряюще похлопал Авриля по плечу и тотчас мысленно одернул себя: с девушками так не обращаются.

«Но это не девушка», – подумал он.

– Вы скоро вернетесь домой по-настоящему, – уверенно сказал Итан.

Ундес ссыпал пылинки пепла в тесто и, слепив лепешку, бросил ее на жаровню. Итан оглянулся и понял, что наступила ночь – теплая, звездная, полная стрекотом сверчков, сонным всхрапыванием лошадей и далекими голосами. Авриль усмехнулся, и Итан вновь почувствовал всю тяжесть, которую бисалли нес на себе.

– Скоро, да, – кивнул он. – Только бы Лие полегчало... А то с некоторых станется сказать, что это я ее прокляла.

Ундес удивленно посмотрел на Авриля, словно оценивал его способности к проклятию, но ничего не сказал.

– Не говорите глупостей, – ответил Итан резче, чем собирался. Ночная пустошь была полна запредельного, космического спокойствия, несмотря на то что в ней кипела жизнь. А в его душе снова поднимался болезненный звон, хотелось сунуть голову в ведро с ледяной водой, чтобы смыть дурные мысли. Ундес снял лепешку с жаровни и хотел было разломить, но Авриль лишь махнул рукой.

– Не надо, я справлюсь сама. Отнесите все ее высочеству.

Шаман кивнул и подался в сторону юрты. Вздохнув, Авриль поднялся с травы и сказал:

– Там теперь такой пышный сад, все так разрослось за десять лет...

Когда они вошли в юрту, Итан подумал, посмотрев на Лию: еще утром она была прекрасна. Все тело девушки покрывали бесчисленные желтоватые пузырьки, веки опухли, не давая глазам открыться, нижняя губа треснула. Ундес сел рядом с ложем и принялся разламывать лепешку на кусочки и осторожно вкладывать их в рот принцессы. Лия хрипло застонала, и Итан невольно содрогнулся от жалости.

– Будет война, – негромко произнес он. – Стиос не простит, что съоррен Элисабет изувечила его дочь, пусть и случайно.

– Не говорите глупостей, – бросил Авриль через плечо. – С ней все будет в порядке.

Итан сокрушенно покачал головой. Лия едва слышно всхлипывала, с трудом глотая куски лепешки.

– Ему все равно. – Авриль сел рядом с Лией и угрюмо посмотрел на Итана. – Он любит свою дочь, как бы она ни изменилась, это все, что вам нужно говорить, полковник. Ее высочество будет королевой, я не отказываюсь от своего слова.

Лия вздохнула, словно расслышала его слова, и опухшие темные губы дрогнули в улыбке.

Порча разжала пальцы.

Глава 5

Свиненыш

Гранвилл отобрал двадцать человек, утром их повесят на площади Святого Михаила. Равена узнала об этом ранним утром, когда выглянула в окно и увидела, как сколачивают виселицы. Люди

Гранвилла трудились, устанавливая столбы – Равена насчитала ровно двадцать. Вдалеке стояли горожане, и она заметила, как женщины вытирают слезы.

Издали донесся тяжелый и тоскливый голос колокола, похожий на вздох.

Равена выбежала из комнаты, спустилась в гостиную. Гранвилл, бодрый и энергичный, несмотря на бессонную ночь, сидел в кресле с газетой и чашкой кофе. Увидев Равену, он ухмыльнулся и спросил: – Тебя разбудила музыка?

Равена не сразу поняла, что он называет музыкой стук молотков и топоров.

– Негодяй, – прошептала она. – Ты... Да ни один человек в Каттерике не заслуживает смерти! Никто не бросал бомбу, ты...

– Да. – Гранвилл кивнул, сложил газету и сделал глоток из чашки. – Да, мне просто нужен повод, чтобы навести здесь порядок. Двадцать северных ублюдков попляшут в петле, а остальные сделаются милыми и сговорчивыми. Никаких забастовок на шахтах, никаких попыток бунта. По моему, прекрасно. Если мне еще принесут голову этого Робина Хонни, я буду считать свою работу выполненной.

– Я напишу королю, – сказала Равена, прекрасно понимая, что Гранвилла этим не запугать.

Он вопросительно поднял бровь.

– А, так ты умеешь писать? Что ж, пиши. Его величество ответит, что я действую по предложенному им плану усмирения Севера. – Гранвилл поднялся, сделал несколько шагов к Равене, и она почувствовала, что от него пахнет железом и кровью. – Так что не трать время даром.

«Аврель скоро придет к нам на помощь», – прозвучали в ушах Равены слова Свена. Вчера декан обнял ее и сказал, что теперь у них есть надежда. При мысли о том, что брат покинул Хвост и едет в Ливендон, Равену охватывала одновременно радость и жуть.

– И будь умницей, – добавил Гранвилл и мягко, почти любовно погладил Равену по щеке; прикосновение отразилось в ее душе какой-то замогильной жутью. – Если мне что-то не понравится, я прикажу повесить еще пятерых. Его величество разрешил мне импровизировать.

– Я вижу, – ответила Равена. Сейчас в ней все горело от гнева, а пальцы холодели, оттого что она понимала свое бессилие. Равене казалось, что в ней поднимается огонь, она даже почувствовала жжение в горле. – Однажды тебя казнят за твои импровизации.

Это было сказано настолько спокойно, что невозмутимое лицо Гранвилла дрогнуло, словно Равена как-то сумела пробить его броню. Впрочем, он тут же усмехнулся и добавил:

– Это, конечно, будешь ты, я помню. Ты так отблагодарила меня за то, что я закрыл тебя своим телом.

Равена улыбнулась в ответ. Желание вгрызться в горло Гранвилла было так велико, что она ощутила вкус крови во рту.

– Закрыл от игрушечной бомбы. Это был великий подвиг.

Гранвилл подошел вплотную. Сжал ее щеки так сильно, что слезы брызнули. От него веяло такой силой и ненавистью, что у Равены ноги подкосились.

«Аврель едет сюда, – только эта мысль помогла ей устоять и не упасть на ковер. – Тебе недолго осталось, сволочь».

– Когда все кончится и Север снова станет послушнее, – мягко произнес Гранвилл, – его величество разрешил мне убить тебя. И я буду делать это медленно, долго и с удовольствием.

– Ты уже сделал это, – выдохнула Равена ему в лицо. – В соборе...

Гранвилл хищно улыбнулся. В следующий миг он отбросил Равену в сторону – она упала, ударившись спиной о кресло, прокатилась по полу и закусила губу, чтобы не кричать от боли. Она не доставит Гранвиллу такого удовольствия.

– Ты будешь стоять рядом со мной, – негромко произнес он. – И если закроешь глаза, я срежу тебе веки.

Равена в этом не сомневалась.

Казнь началась ровно в полдень. Стоя рядом с Гранвиллом и бургомистром, Равена видела, как на крышах рассаживаются люди с ружьями – будут стрелять, если кто-то в толпе вдруг попытается освободить пленников. На площади царило траурное молчание. Горожане были одеты в черное, стояли молча, но во взглядах, направленных на Гранвилла, была такая ненависть, что Равена не могла не радоваться.

«Ты сдохнешь, мразь, – думала она, глядя на Гранвилла, который держался невозмутимо и спокойно. – Ты сдохнешь, и это будет мой самый счастливый день».

В ней все дрожало и звенело. Порой земля начинала уходить из-под ног, и Равене казалось, что сейчас она упадет в обморок от страха. Люди, рядом с которыми она росла, которые еще несколько дней назад любили, говорили и надеялись, должны были умереть, и Равена никак не могла этому помешать.

– Что мне сделать, чтобы ты отменил казнь? – спросила она. Гранвилл осторожно взял ее руку, поднес к губам.

– Ничего, любовь моя. Это не в твоих силах.

Декан Свен сопровождал повозки с пленниками; увидев его черную мантию, Равена вдруг ощутила почти детскую надежду на чудо. Он сможет найти слова, которые все исправят, он убедит Гранвилла в том, что нужно отменить казнь! Но это продолжалось лишь миг. Равена знала, что даже Двое, сошедшие с небес, не остановили бы его.

«Это богохульство, – подумала Равена. – Впрочем, нет. Богохульство это то, что он делает с нами». Повозки въехали на площадь, и Равена смотрела, не в силах отвести взгляд. Монти Аллен работал на почте, Ким Сомерсет мел улицу, Анна Бреди была поварихой, отец и сын Редклифы каждый день спускались в шахту... Свен читал молитву, и лица людей в повозках были тихими и умиротворенными, словно они делали очень важное дело и должны были сделать его хорошо. Он не мог спасти их от казни, но он сумел облегчить их последние шаги.

Мэри Крин плакала; слезы катились по ее щекам, но она не всхлипывала и не кричала. Кто-то в толпе коротко вскрикнул, и Равена увидела, как шевельнулся один из стрелков на крыше.

– ...пусть палач не увидит ваших слез, пусть Мать, нежная и сострадательная, даст вам силы, пусть Отец, сильный и добрый, даст вам отмщение, – услышала Равена.

– Отмщение! – хмыкнул Гранвилл. – Разве пастырь не должен проповедовать смирение?

– Должен, – тоном светской дамы ответила Равена. – Я как дочь священника прекрасно это знаю. Но в дни войны пастырь проповедует о ненависти к врагам и победе над злом.

Бургомистр икнул от неожиданности. Гранвилл посмотрел так, словно хотел повесить Равену двадцать первой. Она одарила его самой очаровательной улыбкой и отвернулась.

Самым молодым из осужденных был Джейк, восьмилетний сирота поднялся к виселице со всеми, не

всхлипывая и не плача. Но когда Ягер набросил на его шею петлю, мальчик все-таки не выдержал и по его щекам потекли слезы.

– Казни меня вместо него, – прошептала Равена, но Гранвилл сделал вид, что не слышал. В этот момент заговорил бургомистр:

– Жители Каттерика! Сегодня именем и властью короля Малоуна наместник Ньют Гранвилл из дома Вепря вынес приговор тем, кто вчера покушался на его жизнь. Они будут висеть, повешенными за шею, пока не умрут...

– ...и по мнению наместника Гранвилла, они не достойны ни следствия, ни справедливого суда, – отчетливо промолвила Равена.

Кто-то из собравшихся на площади ахнул, Свен посмотрел на Равену так, словно умолял молчать.

Гранвилл лишь улыбнулся – ему сейчас нужна была казнь, а не разговоры.

Декан Свен опустился на колени перед помостом с виселицами и стал молиться. Джейк плакал.

В толпе зашумели, заговорили, кто-то заливисто засвистел, и в бургомистра полетел комок грязи. Но на крыше шевельнулся стрелок, и площадь снова затопила тишина. Вдруг Лайонель Суон, самый старый житель Каттерика, сделал несколько шагов в сторону виселицы, опираясь на трость, и спросил:

– Вам ведь все равно, кого вешать, съор Гранвилл?

Гранвилл прикрыл глаза, улыбнулся, словно речь шла о чем-то невыразимо приятном, и кивнул.

– Тогда отпустите мальчишку, – произнес Лайонель. Солнечный луч скользнул по орденам на его груди; в юности старик сражался на Войне Трех съоров и принес оттуда сухую руку, песни о девушках-южанках и пенсию, которую почти целиком отдавал на нужды бедняков родного города. – Пусть живет. Возьмите меня вместо него.

Бургомистр беспомощно обернулся к Гранвиллу. Равена зажала рот руками, сиюсь сдержать рвущийся крик. «Нет, нет, нет», – звенело у нее в голове.

Гранвилл кивнул.

– Хорошо. Поднимайтесь.

Ягер снял петлю с шеи Джейка; мальчик бросился к старику, Лайонель обнял его и погладил по голове здоровой рукой.

– Не плачь, сынок, не реви, – произнес Лайонель. – Все, хватит слезы лить, утонем. Живи давай, как следует, правильно живи.

Ягер оттолкнул мальчика и потянулся было к Лайонелю, чтобы надеть петлю, но тот оттолкнул его руку и забрал веревку.

– Грабки прибере, солдат. Обойдусь без сопливых.

Джейк спрыгнул с помоста; Свен поднялся с колен и взял мальчика за руку. Гранвилл усмехнулся, вынул из рукава белоснежный платок, махнул им, подавая знак, и его люди, спустившись с помоста, дружно дернули за веревки, выбивая опору из-под ног осужденных. Равена не выдержала и зажмурилась, но тела в петлях дергались во тьме перед ее глазами, и ей хотелось кричать и плакать вместе со всеми на площади.

Гранвилл рассмеялся. Захлопал в ладоши. Равена посмотрела на него – он был похож на ребенка, который увидел целую гору подарков. Тела казненных покачивались на веревках, чулок на ноге Анны Эверетт был мокрым, и капли мочи падали вниз. Солнце играло на ордене Лайонеля, лицо

старика было расслабленным и умиротворенным.

– Идите работать. Уголь сам себя не добудет. Падаль бросьте псам, когда проявится как следует, – доброжелательно произнес Гранвилл и, указав на Свена, добавил холодно и жестко: – Посмеешь их отпеть – ляжешь с ними рядом.

Равена не ожидала, что Свен бросится к помосту и почти взлетит по ступенькам – как взлетал, должно быть, по мачтам и снастям, когда был пиратом. Его лицо на мгновение исказилось так, что Равена не узнала человека, который воспитывал ее десять лет.

Так мог бы выглядеть ангел ярости и мести.

– Я их отпою, – сказал Свен, глядя в глаза Гранвиллу, и Равена чувствовала, как по виску ползет капля пота. – Владыка земной лишил их жизни, но я служу не ему, а Двоим. И я сделаю то, что угодно им, а не вам.

– Попробуйте, – губы Гранвилла искривились в усмешке, – попробуйте, и я выпотрошу воронью шлюху у вас на глазах.

Декан замер, словно наткнулся на препятствие. Двадцать повешенных тяжело качались на веревках.

Равене хотелось закричать так, чтобы Двое наконец услышали.

Где-то далеко-далеко завывала собака.

Когда Петула постучала в дверь, Равена стояла у окна и смотрела на виселицу. Люди Гранвилла неторопливо расхаживали туда-сюда, площадь была пуста, и Равена думала, что никогда не видела столько мертвецов сразу. Прилетел ворон, опустился на плечо Мики Сокса, клюнул белое лицо. Равена отвернулась. Прошла к кровати, села на край. Смотри не смотри – эта картина все равно будет перед ее глазами. Кевви лизнул ее руку, словно пытался утешить.

Покрасневшее заплаканное лицо Петулы казалось глиняной маской. Мазнув ладонью по щеке, служанка сказала:

– Обед, съоррен Равена. Съор Гранвилл приказывает вам спуститься.

Равена кивнула. В душу словно плеснули ледяной водой из проруби, сейчас она почти ничего не чувствовала, все словно застыло и не причиняло боли. Иногда Двое бывают милосердны.

Обед был накрыт на двоих. Блюдо с красным и оранжевым перцем, сиреневым чесноком и щекастыми помидорами, зеленые перья лука, пара бутылок вина, тарелки со смуглыми ломтями мяса – казалось, Гранвилл хочет рисовать натюрморт. Он поднялся из-за стола, слегка поклонился и произнес:

– Присаживайтесь, съоррен Равена. Пообедаем.

Равена опустилась на стул и подумала, что уже никогда и ничего не сможет съесть. Ее тошнило.

– Ты бледная, – заметил Гранвилл. Нарезая мясо, он держал нож как хирург.

– Какой мне быть после казни, – спросила Равена, – веселой? Румяной?

Гранвилл усмехнулся. Придвинул к ней тарелку с мясом.

– Поешь, – дружелюбно предложил он и принялся открывать вино. Равена подумала, что ей, возможно, и впрямь стоит выпить немного. – Скоро наладится работа на шахтах, я получу голову этого Робина Хонни, и мы уедем отсюда. Через пару недель, я думаю.

«Быстро же ты решил задавить Север», – подумала Равена.

– Ничего у тебя не выйдет, – негромко сказала она. Гранвилл кивнул в ответ.

– Я понимаю твои чувства, хотя ты этому не веришь, – произнес он. – И начинаю думать, что

переборщил. Все-таки подобное зрелище не для нежных девушек.

Мясо источало просто неправдоподобный аромат. Желудок заныл; только сейчас Равена поняла, как сильно проголодалась.

– Поешь, – повторил Гранвилл. – Я сам его приготовил. Отец когда-то научил меня стряпать. У нас было много слуг, но он считал, что мне следует уметь все – готовить, шить. Это потом пригодилось, когда пришлось самому зашивать свою рану. – Он рассмеялся и добавил: – Было больно, конечно. Я орал во всю глотку, но зашивал.

Равена отрезала кусок. Мясо просто таяло во рту. Нежное, с насыщенным вкусом, оно словно твердило: съешь меня, съешь, ты ничего не ела со вчерашнего утра.

Гранвилл подлил вина.

– Знаешь, я понимаю, что был не прав. Мы с тобой просто ужасно начали, это было моей ошибкой. Беда моя в том, что я привык общаться со светскими потаскухами, а не с приличными барышнями, ну и как-то растерялся, что ли, когда его величество отдал мне тебя.

Равена вопросительно подняла бровь. Неужели Ньют Гранвилл решил извиниться? Нет, разумеется, наверняка он просто замыслил очередную мерзость.

– Угрызения совести? – осведомилась она. Гранвилл кивнул, и Равена удивленно заметила, что он действительно выглядит серьезным и озадаченным, словно по-настоящему чувствовал свою вину. Даже шрам на виске, уходивший под волосы, покраснел. Крепко же его ударили когда-то, жаль, что не добились.

– Ты будешь смеяться, Равена, но это во многом так, – согласился Гранвилл. – Ты моя жена перед лицом государя и Двоими. И мы должны идти вместе. Поддерживать друг друга, понимать... ну или хотя бы не быть врагами.

– Двадцать повешенных, – прошептала Равена, чувствуя, как к лицу приливает кровь. – Неужели ты и правда думаешь, что после этого я пойду с тобой рядом? Что буду послушной женой?

Гранвилл тяжело вздохнул.

– Равена, пожалуйста. Я делаю свою работу. Выполняю свой долг так, как велит мне государь. Малоун приказывает быть жестоким, и я следую его приказу. Это не значит, что такова моя натура и что во мне нет ничего хорошего. Это не так.

Равена почувствовала, как в висках зашумело, а лицо нервно дрогнуло, оттягиваясь вправо болезненной гримасой.

– А насиловать меня тебе тоже приказал Малоун? – выдохнула она. – А избивать моего отца?

Гранвилл накрыл ее руку своей; Равена дернулась в сторону, но не смогла освободиться. От чужой ладони веяло жаром и тьмой.

– Я не желал тебе зла, – сказал Гранвилл. – Я не желаю его сейчас. Я знаю, Равена, что у тебя доброе сердце, и верю, что у тебя хватит сил меня простить. Давай пойдем дальше вместе, как положено мужу и жене. Пойдем?

Он мягко сжал ее пальцы. Голову Равены наполняла такая боль, что она испугалась, что сейчас ее хватит удар. От нарезанного мяса пахло луком, специями и чем-то еще, что Равена не смогла назвать – но этот запах пугал ее до дрожи.

– Откуда мясо? – спросила она. Гранвилл невозмутимо улыбнулся и ответил:

– На площади двадцать отборных туш. Зачем пропадать такому хорошему мясу? Я приказал срезать



что помягче и отправил на сковородку с луком. Ну и еще добавил немного розмарина в конце. Равена поняла, о чем он говорит, и ее вырвало. Рот наполнило невыразимой горечью, перед глазами мелькнула серая завеса обморока и тотчас же развеялась. Она задыхалась от ужаса, открывая и закрывая рот, словно рыба, выброшенная на берег, и не сразу поняла, что Гранвилл смеется, что все это время он играл с ней.

– Это телятина, дурочка моя! – довольно воскликнул Гранвилл. Он шутил, и гадкая шутка удалась. Поняв это, Равена вздохнула с облегчением. – Просто свежайшая телятина, и ничего больше! Два часа назад забили бычка, и я сам его приготовил. Давно же ты не ела нормального мяса.

Он протянул Равене салфетку и добавил:

– Будь умницей. Или я все-таки накормлю тебя чем-то другим.

Мертвецы провисели до вечера. Потом люди Гранвилла сочли попойку занятием поинтереснее, чем охрана покойников, и отправились в паб. Тогда Джемс, который вернулся от Годрикова брода, подошел к виселице.

Когда Свенссон пришел на кладбище, там уже заканчивали копать свежие могилы. Давно наступила ночь; стареющая луна угрюмо ползла по небу, в ветвях старых вязов едва слышно бродил ветер, воздух был по-осеннему прохладным, и над одной могилой засветился голубоватый огонек – проснулась грешная душа. Глядя на темные фигуры, подходившие к кладбищу, Свенссон увидел, что здесь сейчас присутствует половина Каттерика.

Сколько из них Гранвилл прикажет повесить завтра, когда увидит, что его приказ нарушен? И как, должно быть, радуется Малоун тому, что мятежный Север все-таки склоняет голову!

«Радуйся, пока можешь, – подумал Свенссон. – Осталось недолго. Мы потерпим. Север умеет и терпеть и сражаться».

Джемс подошел; Свенссон глянул на его осунувшееся лицо и подумал, что за эти дни Джемс не повзрослел, а постарел. Он сейчас был похож на человека, который усилием воли запечатал в себе свою ярость и гнев, но они тлели в нем, как торфяной пожар, и огонь мог прорваться в любую минуту.

– Как там Стирлинг? – спросил Свенссон. Он знал, что раненого парня искали, Гранвилл хотел его повесить и пришел в ярость, когда узнал, что раненный им человек бесследно исчез. Эта бессильная злоба тоже радовала Свенссона. Не все будет так, как вы хотите, наместник. Север не кланялся никому до вас и не собирается делать этого теперь. Малоун загнал северян в ярмо и ограбил их, но не заставил их смириться и не превратил в рабов.

– Я оставил его у знахарки возле Годрикова брода. Говорит, что рана дрянная, но она справится. Свенссон кивнул и увидел, как к могилам переносят мертвецов, завернутых в белые холсты. На мгновение ему показалось, что все они находятся на сцене – спектакль вот-вот закончится, и тогда все оживут, снова зазвучат голоса и смех, и все наконец-то будет хорошо.

– Мы похороним их, – твердо сказал Джемс, он вдруг сделался военачальником, отдающим приказы. – И будем за них молиться. Как на войне. Мы не можем рисковать вами и Равеной.

– Даже на войне отпевают мертвых, – ответил Свенссон.

Ему было холодно. Он прожил жизнь, встречая новых людей в мире, провожая их в чертоги Двоих, утешая и давая надежду – и теперь не мог сделать то, что должен был. Да, Авриль покинул Хвост и выехал в Дарангвар на помощь сестре; да, Гранвилл не убьет Равену, пока не сокрушит Север, но

сейчас это было слабое утешение.

Да и сам Свенссон оказался слабаком. Не сказал ни слова и ничего не сделал, чтобы остановить нового хозяина города. Просто развернулся и ушел, почти убежал.

Справа деликатно кашлянули. Свенссон обернулся и увидел серую тень; человек откинул капюшон плаща и негромко сказал:

– Тогда поступим как на войне. Любой посвященный Двоим может провести достойные похороны. Джемс рассмеялся.

– Двое послали нам странствующего монаха? – спросил он.

Незнакомец смущенно улыбнулся. Был он худ как щепка, выглядел ровесником Равены, и Свенссон, подняв фонарь и получше рассмотрев его лицо, удивленно вскинул левую бровь. Юноша оказался точной копией Гранвилла, если бы владыка Третьего дома вдруг сбросил двадцать лет и отказался от зла. Такие же темные волосы, такой же решительный взгляд, даже уголок губ дрогнул так же, когда незнакомец заговорил.

– Я не монах. Я всего лишь послушник, к тому же бывший. Но раз здесь у нас война, то по всем законам и обычаям я могу отпеть этих людей.

– Как тебя зовут, мальчик? – поинтересовался Свенссон.

– Рилан Сейл. А вы декан Свен. Я много слышал о вас. И видел, что случилось на площади.

Свенссон кивнул, прикрывая глаза.

– Отец знает, что ты здесь?

Несмотря на то что Рилан Сейл производил впечатление искреннего, возможно, даже простодушного человека, Свенссон понимал, что его появление на кладбище могло быть спланировано Гранвиллом.

– Нет. Он знает, что я приеду, но не знает, когда. В любом случае мне он ничего не сделает.

Джемс удивленно посмотрел на Рилана, потом перевел взгляд на Свенссона. Горожане, заинтересованные разговором, стали подходить поближе, и Свенссон подумал, что может начаться драка. Никто из горожан не причинил бы вреда Гранвиллу – пока не причинил бы, – но здесь и сейчас никто не стал бы церемониться с его сыном.

– Почему же ты решил помочь нам? – поинтересовался Свенссон. Рилан едва заметно нахмурился, словно не понимал, почему ему вообще задают такой вопрос.

– Потому что это правильно, – твердо сказал он. И добавил уже тише, почти неразличимо: – И потому, что мой отец мерзавец, а я не иду по его дороге.

Свенссон подумал, что в этом есть какая-то насмешка судьбы. Отец вешает ни в чем не повинных людей, а сын идет их отпевать, нарушая его прямой запрет. Или это и есть тот самый промысел Двоих, и Свенссон наконец-то увидел его своими глазами?

Он не знал. Он просто протянул Рилану свой саквояж, в котором носил все необходимое для поминальной службы, и произнес:

– Что ж, молодой человек... действуйте и да помогут вам Двое.

Рилан кивнул и с достоинством ответил:

– Во имя их и славу.

И Свенссон подумал, что сейчас это были не просто слова.

– Сьоррен Равена! – вдруг воскликнул кто-то. – Сьоррен Равена здесь!

– Сьоррен Равена!

Легкая тень скользнула среди памятников, и Свенссон с болью и радостью увидел Равену; она приблизилась к ним и взяла их с Джемсом за руки. Пальцы ее были холодны, словно она поднялась из могилы, но под этим холодом Свенссон почувствовал огонь.

– Где Гранвилл? – негромко спросил Джемс, и Свенссон заметил, что лицо Рилана едва заметно дрогнуло. В глазах Джемса появился тот блеск, который Свенссон видел, когда он возвращался с охоты.

– Пьет с Ягером, – ответила Равена. – Я не могла не прийти.

Горожане столпились вокруг, и Свенссон видел, как они смотрят на Равену. Сейчас она была не просто ссыльной принцессой, которая совсем недавно бегала по улицам босиком и подкладывала бургомистру бомбы-вонючки, не просто девушкой, которая раздавала еду в соборе. Она вдруг сделалась чем-то намного большим и важным, и Свенссон замер от радости и нарастающего ужаса.

– Север и Ворон! – кажется, это был голос Пита Макоули. Да, Пит – Свенссон увидел, как тот поднял к луне руку, сжатую в кулак.

– Север и Ворон! – Новые руки взметнулись к ночному небу, и Равена вздрогнула, словно птичка.

– Север и Ворон!

Свенссон не знал, что двигало им, когда он тоже поднял руку – вернее, он слишком хорошо это знал.

По щеке Равены покатились слезы, но в ее глазах он увидел надежду.

– Север и Ворон! – произнес Свенссон, глядя в лицо своей дочери. – Север и Ворон!

– Да, орки, конечно, обленились...

Слуга поднес Аврилю пиалу с зеленым чаем. Бисалли сделал глоток и добавил:

– Мой наставник давно бы размазал меня. А они...

Он махнул рукой. Итан, который наблюдал за боем, неопределенно пожал плечами.

– Возможно, он просто побоялся вас ранить, – заметил он, отстраненно подумав, что сейчас Авриль похож на самого настоящего орка. Вернее, на орчанку: светлые волосы заплетены в короткую косу и уложены на затылке, ярко-красный халат с летящими аистами подвязан тонким поясом из кожаных шнурков, украшенным белыми и золотыми бусинами. Авриль ничем не отличался от девушек, которые с искренним любопытством наблюдали за его тренировкой.

Бисалли пожал плечами и спросил у недавнего спарринг-партнера, который энергично растирал руки влажным полотенцем, чтобы отогнать невезение:

– Вы поддавались, Тургэн?

Итан плохо понимал оркувендскую борьбу, в которой нападавшего просто мягко брали под руку и легким движением провожали в полет физиономией по земле. Но ему показалось, что Тургэну хватило ума проиграть в двух раундах и выиграть в третьем.

Орк посмотрел так, словно Авриль нанес ему смертельную обиду.

– Если бы этот вопрос задал кто-то другой, а не ты, бисалли, он унес бы ответ у себя на боках, – ответил он и протянул Аврилю руку. Обменявшись рукопожатием, они разошлись.

Сегодня все орки пустоши отдыхали, празднуя именины своего князя Ганбаатара, и Авриль не вытерпел – отправился участвовать в борьбе. Тургэн искренне удивился такому желанию со стороны женщины, но все-таки согласился, и сейчас ему заклеивали разбитый нос. Вдалеке соревновались лучники – Итан видел, как летят золотые стрелы; с юга доносились радостные крики и ржание коней – там состязались всадники. Музыка, бодрая и звонкая, плыла над юртами, запах жареного

мяса поднимался к небу, и вино лилось рекой.

– Неужели вы хотели, чтобы вас размазали? – удивился Итан.

Авриль заинтересованно посмотрел в сторону идущих с состязания лучников, но, к облегчению Итана, решил воздержаться от этого соревнования.

– Вы не понимаете, полковник, – вздохнул Авриль, – это в определенном смысле возвращение к себе. Они прошли к юрте принцессы Лии, здесь царила торжественная тишина. Стражи, сидевшие на траве, передавали по кругу большую пиалу с черным чаем, в который орки традиционно добавляли масло и соль. На углях костра запекалась свежая рыба. Увидев бисалли, оркувенды поднялись и приложили руки к груди, приветствуя идущих; в их белые волосы были вплетены зеленые ленты – знак надежды на избавление от беды.

– Как вы думаете, почему сьоррен Элисабет все-таки подарила броши нам обоим? – поинтересовался Авриль.

Из-за юрты донеслось всхрапывание – там сладко спал Полуденный Ужас, который успел объесться баранины и покатать на себе визжащих от восторга малышей. Дракон, конечно, впечатлял, когда падал с неба, но имя ему совершенно не подходило – это был очень добрый и немного бестолковый зверь.

– Потому что этого требовал этикет, – едва слышно прозвучал голос принцессы Лии. – Нельзя одарить одного и обойти другого. Заходите, прошу.

Итан поднял полог, пропуская Авриля, и вошел за ним в юрту. Лихорадка отступила под утро, и принцесса смогла дышать. Сейчас она уже не лежала, а сидела, служанки подложили ей подушки под спину и сейчас развлекали госпожу чтением. Итан с невольной дрожью подумал, что девушка уже никогда не станет такой, как прежде. Сейчас ее лицо и тело выглядели так, словно принцесса ела мед, забравшись в улей.

– Доброе утро, Лия. – Авриль смотрел так, словно не видел ни опухоли, ни побагровевшей кожи. – Как вы себя чувствуете?

– Лучше. Уже могу дышать. – Лицо Лии дрогнуло, словно она пыталась улыбнуться.

Авриль махнул служанкам, и те торопливо выскользнули из юрты. Итан подумал, что они искренне жалеют свою госпожу, но им страшно смотреть на нее.

– Потом, если по плану моего отца мы с Аврилем станем королем и королевой, – продолжала Лия, – тем более нужно дарить парные броши. У вас слишком доброе сердце, Авриль, это всех нас подвело.

Авриль сочувственно кивнул:

– Мне очень жаль, Лия. Впрочем...

– Впрочем, возможно, Морис Харш окажется нам полезен, – перебил его Итан и, вынув из кармашка часы, бросил взгляд на циферблат. – С минуты на минуту он должен быть здесь. Я уже предупредил орков, его проведут прямо сюда.

Губы Авриля дрогнули в едва заметной улыбке.

– Отправили письмовник? – спросил он.

Итан кивнул.

– Да. Сказал, что либо мы признаем это покушением на ее высочество, и тогда его величество Стиос немедленно вводит войска в Дарангвар, либо мы решаем, что его мать безумна, и тогда ее нужно изолировать в Вышеграде.

Авриль расхохотался так, что даже вытер слезы с глаз.

– Я даже знаю, что именно он выберет! Посадит старуху под замок и наконец-то будет свободен. Вы знаете все сплетни, полковник, почему сьоррен Элисабет так презирает сына?

– Потому что он копия ее мужа. Возьмите портрет старого сьора Висмара и не поймете, с кого его писали. Морис, конечно, полностью подавлен матерью, но сейчас, я думаю, не упустит свой случай.

– Я так и думала, – заметил Авриль.

В это время Итан услышал шум, к юрте торопливо шли люди. Один из орков поднял полог, заглянул в юрту, и Итан увидел темно-серый камзол Мориса – тот самый, в котором хозяин Вышеграда встречал гостей. Он вспомнил фигурные заплатки на локтях и подумал, что бережливость это хорошо, но не до такой же степени.

– Принцесса, вас хочет видеть Морис Харш, – сообщил орк с колючим акцентом. – Говорит, что привез вам лекарства.

Лия кивнула.

– Пусть проходит, – сказала она. Авриль осторожно поправил платок на ее плечах. Морис скользнул в юрту, тотчас же рухнул на ковер и заголосил:

– Ваше высочество! Не знал! Клянусь жизнью, не знал!

«А он перепуган до смерти», – подумал Итан. Стиос не забудет увечья дочери, а злопамятность королей всегда грозит большой войной. У дома Харш почти сорок тысяч солдат, деньги позволят им прикупить наемников, но от всех них останется лишь жирный пепел и зола, когда Стиос поднимет в воздух драконов, которых Малоун накормит разрыв-камнем.

Лия едва заметно улыбнулась, и Итан подумал, что она очень устала. Болезнь отступила, но еще не ушла. За юртой негромко зарычал Полуденный Ужас, и длинное лицо Мориса побелело.

– Да все вы знали, не валяйте дурака, – махнул рукой Авриль. Откуда-то издалека донеслись восторженные возгласы оркувендов – должно быть, закончились скачки. – Хотите сказать, что в вашей семье уже много лет хранится магический предмет, а вы о нем не в курсе?

Морис замотал головой:

– Не знал, ваше величество. Ничего не знал. У матери много побрякушек, я никогда не заглядывал в ее шкатулку.

Авриль негромко рассмеялся.

– Что ж, давайте подсчитаем. Магическое нападение на юродивого во имя богов... ну, или на будущего короля, я даже не знаю, что тут хуже. Тяжелая болезнь дочери крупнейшего союзника Дарангвара. Что будет, если Хвост станет плацдармом для проморцев? А владыка Стиос не станет делать вид, что с его дочерью все хорошо, лишь бы ублажить своих неверных союзников. У нас в любом случае большая война, господа.

Итан кивнул. Он и сам думал, что Стиос слишком медлит. От короля до сих пор не было писемовников, и это был дурной знак. Стиос любил дочь, и при своей любви уже должен был лететь сюда на драконе, чтобы держать принцессу за руку и лично гонять нерадивых лекаришек. Но Лия лежит в оркувендской юрте, считай, у дикарей, а король молчит.

Значит, пока его все устраивает. Значит, Лия пусть ценная и дорогая, но все же разменная монета.

– И что делать? – спросил Морис, и Итан понял, что он проиграл и готов к переговорам и торгу.

– Ваша мать, – Авриль отогнул мизинец, – безумна, вы официально заключили ее под охрану и

опеку.

Морис кивнул, и в его взгляде мелькнуло облегчение. Полуденный Ужас снова рыкнул, и Итану показалось, что дракон понимает, что происходит в шатре, и это ему не нравится.

«Мне тоже, – подумал он. – Мне тоже не нравится, но я надеюсь, что мы все-таки дойдем до конца и останемся живы».

– Дальше... – Авриль отогнул второй палец. – Сколько людей вы уже отправили в Ливендон?

– Три тысячи, – ответил Морис. Авриль кивнул.

– Отправьте столько же на Север. Какие у вас отношения с Третьим домом?

Морис ухмыльнулся.

– Гранвилл должен мне пятнадцать тысяч золотых орлов. Он давно разорен, король поэтому и отправил его на Север. Пообещал выплатить его долги, и я слышал, Гранвилл старается, чтобы государь не передумал.

Авриль многозначительно улыбнулся.

– Официально вы отправляете доверенных людей, чтобы требовать долг. Неофициально – они должны удержать Гранвилла, когда все начнется в Ливендоне. Он не должен отправиться на выручку Малоуну, согласны?

Итан подумал, что в этом есть смысл.

– Согласен, – произнес Морис. – Я все сделаю, ваше величество.

Улыбка Авриля была мягкой и чуть кокетливой, но взгляд оставался холодным и твердым. Морис раскланялся и уехал, радуясь, что его не скормили дракону. Авриль потребовал зеленого чая и, сделав несколько глотков, сказал:

– Как вы думаете, полковник, какие отношения связывают съоррен Элисабет и Бруно Стафани?

Итан мысленно назвал себя дураком. Ему следовало подумать об этом раньше.

– Думаете, они есть? – спросил он.

– Разумеется. – Ему показалось, что Авриль начинает сердиться. – Это уже второй удар по нам, первый отразил мой несчастный питомец, и я не думаю, что это была случайность.

Лия негромко кашлянула, и Итан увидел, что краснота на ее лице начинает спадать. Через несколько дней она станет такой же, как прежде, если постараться не замечать шрамов.

– Зачем Бруно Стафани убивать нас? – спросила она. – Он Тень короля и защитник государства, он... Девушка осеклась. Авриль посмотрел на нее с искренней печалью.

– Как раз потому, что он защищает государство, – сказал Итан. – И вы не нужны ему живым, Авриль.

– Клер повезло, что дракон оказался в нужном месте, – с усмешкой заметил Авриль, и что-то царапнуло в груди Итана. – У нее прелестные дети, жаль будет, если они умрут в муках.

Лия дотронулась до лица и быстро убрала руку. Снаружи послышалось возмущенное чириканье письмовника; орк поднял полог, письмовник с сердитым жужжанием влетел в юрту и осторожно раскрылся в руках Лии. Вчитавшись, она негромко сказала:

– Это отец. Спрашивает о моем здоровье и надеется, что скоро я смогу продолжать путь. Говорит, что я должна быть сильной, он рассчитывает на меня и...

Она не выдержала и разрыдалась – громко, хрипло, словно раненое животное. Дракон заскулил за юртой; Авриль сел рядом с Лией, обнял ее, и она, уткнувшись лбом в его плечо, показалась совсем маленькой и беспомощной.

Рилан вошел в дом на площади Святого Михаила в тот момент, когда драка была в разгаре. Конечно, отец назвал бы это по-другому, например, воспитанием строптивой жены, но в таких случаях не положено давать сдачи, а Равена Тисон не собиралась держать руки при себе. Отцовский нос был разбит и, кажется, даже смотрел на сторону, кровь стекала по губам, но Ньют Гранвилл даже не замечал этого. Рядом с ним и Равеной прыгал бычий пес, заливаясь громким лаем и пытаясь защитить девушку. Отец отбрасывал его ногой, но тот подбегал снова и снова.

Равена скорчилась на полу, закрывая голову руками; отец хотел было ударить ее еще раз, но увидел Рилана и опустил руки.

– А, Свиненыш! – произнес он, и Рилан понял, что отец пьян в лоскуты. Пьян и зол. – Давно ты здесь?

– Только вошел. – Рилан прошел мимо перепуганного слуги, открывшего ему дверь, опустил свой походный рюкзак на диван и, приблизившись к Равене, помог ей подняться. Отец отступил, хмель в его глазах стал рассеиваться. Кажется, только сейчас он понял, что в Каттерик приехал его бастард и теперь возится с его женой.

Равена посмотрела на Рилана и не узнала его. Почему-то он подумал об этом с облегчением. На кладбище было темно, вряд ли она рассмотрела его лицо во всех подробностях.

– Тогда знакомься. – Отца качнуло, но он удержался на ногах, и Рилан подумал, что тот пьян не от вина, а от гнева. – Вот твоя новая матушка, ха! Воронья шлюха Равена Тисон, которой меня наказал государь. Бревно в моей постели и заноза в моей заднице. Только я отвлекся, а она сразу за дверь.

– Не надо так говорить, – хмуро произнес Рилан, помогая Равене сесть. То, как она шла и держалась за бок, заставляло думать, что у нее сломано ребро. Отец рассмеялся.

– Не тебе меня учить, Свиненыш! Она будет шляться ночами, приходите домой как королева, а я должен открыть ей дверь и поклониться? Может, еще прикажешь мне разуть ее?

Равена посмотрела на него с такой ненавистью, что у Рилана прошел холодок по спине. Он примерно знал, что увидит в новом доме отца, и в общем-то не очень удивился.

Никто не любил Ньюта Гранвилла. Его боялись и ненавидели, перед ним заискивали и лебезили, но ни любви, ни настоящей дружбы он не знал. Иногда Рилану становилось жаль отца.

– Подонок, – прошептала Равена, на ее губах выступила кровь. Отец взял бутылку вина с каминной полки, сделал несколько глотков и сказал:

– И знаешь, где она была? На похоронах этих северных вырожденков, которых я приказал повесить! – Он замахнулся было на Равену, но махнул рукой. – И ведь не скрывалась, сказала так, словно гордится этим!

Мать всегда говорила, что Двое ведут людей правильными дорогами и туда, куда нужно. Рилан подумал, что его путь только начинается.

– Я тоже там был, – ответил он и подумал, что сейчас Равена посмотрит на него, но она не повернула головы. Отец вопросительно поднял бровь.

– И что же ты там делал, Свиненыш? – полюбопытствовал он.

– Служба по невинно убиенным. Провел ее по правилам военного времени, – ответил Рилан.

Лицо отца дрогнуло, словно он вдруг обнаружил, что оказался один в пустыне.

«Север и Ворон!» Рилан вспомнил, как люди с гордостью выкрикивали эти слова, как Равена смотрела на них сначала испуганно, а потом с тем спокойным достоинством, которое Рилан видел

разве что у статуй святых в храмах.

Она понравилась ему. Когда-то давно Рилан видел портрет святой Жанны, крестьянской девушки, которая три века назад подняла народ на борьбу с захватчиками из Проморья, и Равена сейчас была такой же, как Жанна, решительной и отважной. Никто не мог ее сломить.

Отец провел ладонью по лицу. Сделал еще один глоток из бутылки, и Рилан подумал, что в драке Ньют Гранвилл не помнит себя. Помнится, когда он сообщил отцу о своем желании поступить в семинарию, тот избивал Рилана так, что офицеры едва смогли его оттащить.

– Вот, значит, как, – глухо произнес отец. – Кругом измена! Двое всемилостивые, как я мог выродить такую... такое жалкое богомольное ничтожество!

Равена подняла голову, и Рилан увидел, что ей очень больно – но гнев стирает эту боль.

– Он – единственное хорошее, что ты сделал в жизни, – отчетливо проговорила она.

«Один в пустыне, – подумал Рилан. – Иногда это очень хорошо. Иногда это помогает спастись».

– В пекло вас обоих, да на самое дно! – выругался отец. – Когда это вы успели спеться?

– Тебе лучше пойти спать, – посоветовал Рилан, и отец тотчас рыкнул:

– А тебе лучше закрыть свой сраный рот, сопляк!

Рилан подумал, что за этим рычанием последует оплеуха или пинок, но, к его удивлению, отец лишь осушил бутылку и скривился.

– Что за дрянь... – пробормотал он и почти ровным шагом двинулся из гостиной. Возле лестницы на второй этаж отец зацепился за край ковра и едва не упал, но тут подоспели слуги, подхватили господина под руки и осторожно повели спать.

Вскоре стало тихо. Какое-то время Рилан молча сидел рядом с Равеной, а потом спросил:

– Тебе больно?

Она улыбнулась и дотронулась до левого бока.

– Пройдет. Ты знаешь, я не думала, что ты его сын. Мне бы это и в голову не пришло.

Рилан улыбнулся в ответ. Никто об этом не думал. Они с отцом были слишком разными. Мать рассказывала, что иногда съор Гранвилл в открытую сомневался, что Рилан его ребенок. Отчего бы это единственному отпрыску Вепря иметь склонность к книгам и молитвам, а не к охоте, выпивке и издевательствам над животными?

– Спасибо, – сказала Равена. Рилан вдруг подумал, что они сидят, словно заговорщики, и тогда Равена в его глазах еще больше стала похожей на святую Жанну. – То, что ты сделал, очень важно.

– Я не сделал ничего особенного, – произнес Рилан. – Так на моем месте поступил бы любой порядочный человек.

Равена усмехнулась, но тотчас поморщилась и снова тронула больное место.

– Ты видел, как тут теперь поступают с порядочными людьми.

– Ты уверена, что ребро не сломано? – спросил Рилан. – Давай я приведу врача.

Равена улыбнулась и вдруг сделалась веселой девчонкой, совсем молоденькой, нежной и чистой и ничто больше не пятнало эту чистоту.

– Однажды я залезла на яблоню на могиле Сварливого Джереми, – сказала она, – и упала с самой верхушки дерева. Сейчас даже вполтину не так больно, как тогда. Но ты не представляешь, какие же там вкусные яблоки...

Рилану вдруг стало тепло и спокойно, словно он очень долго шел по темной дороге и наконец



оказался в доме у камина и уже никуда не надо было спешить.

– А я однажды ловил рыбу в земле, – признался Рилан. – Знаешь, есть такие рыбины, которые закапываются в землю, когда начинается засуха. И вот я находил их норы и запускал туда ужа. Ты бы видела, как они выпрыгивали!

Равена рассмеялась и снова поморщилась от боли. Сверху донеслась невнятная брань отца и увещевания слуги, который не позволял сыру отправиться на поиски новых приключений. Равена посмотрела в сторону лестницы и спросила:

– Зачем ты приехал?

– Государь меня узаконил, – сказал Рилан. – Я теперь уже не Сейл, а Гранвилл, отец велел мне приехать в Каттерик. Я хотел уйти в монастырь Святого Иоанна Древоруба, но не вышло.

Равена понимающе кивнула. Минута нежности и чистоты рассеялась.

– Как все страшно... – прошептала она, и Рилан подумал, что сейчас она не видит и не слышит его. – Как же все это страшно!

На ее левой щеке наливался синяк, и Рилан заметил сбежавшую слезу. Потом появилась вторая, и он с неожиданной растерянностью спросил себя: можно ли будет сейчас обнять эту несчастную девушку, так похожую на святую Жанну? Что, если она рассердится и оттолкнет его?

Она не оттолкнула. Рилан знал, что бывают такие мгновения, когда ни в коем случае нельзя оставаться одному – боль и черные мысли могут задушить. Он чувствовал тяжелый жар, идущий от ее тела, слезы, которые пропитывали его рубашку, и говорил то, о чем потом не мог вспомнить – какие-то невероятные пустяки, но в тот момент они были самым главным.

И лишь потом, когда Равена успокоилась и Рилан проводил ее в комнату, он понял, что впервые в сознательном возрасте прикоснулся к девушке.

## Глава 6

### Слово короля

«Я все исправлю. Ты сглупила, потому что Стафани нельзя доверять, о чем бы он ни просил. Но я все исправлю. С тобой и детьми все будет хорошо».

Клер аккуратно сложила письмовник от бабушки, который перечитывала, кажется, в сотый раз. Дети играли на ковре; Эвила то и дело показывала брату свой браслет, который постоянно соскальзывал с ее ручки, и Клер чувствовала, как в голове поднимается звон.

Бабушка действительно все исправила, дав Аврилю броши. Бисалли благословил ту, которая использовала заклятие Тени, – значит, можно не бояться, что она и ее дети упадут на землю, покрываясь кровавыми язвами. Она ведь не хотела его убивать, и дракон отразил заклятие... Но что-то все равно не давало Клер вздохнуть с облегчением.

«Я жива, – подумала она. – Мои дети живы. И Эдвард... Эдвард пока со мной».

Она прислушалась: двери в соседний зал были открыты, король ходил от окна к стене и обратно, стараясь успокоиться. Едва слышно поскрипывал диван – Эдвард не находил себе места, волновался.

– Не понимаю, почему нельзя отправить наемных убийц. Кого-нибудь, кому грозит виселица, – услышала Клер голос принца.

Малоун усмехнулся.

– Ты не до конца понимаешь, что такое проклятие Черной матери Глевы, – сказал он. – Те, кто ходит под виселицей, готовы к смерти. Пекло и все его муки их не пугают, потому что после пекла и мук

можно попасть на небо. Но проклятие – это не смерть и не пекло. Это отсутствие упокоения и надежды на милость. Ты бы хотел скитаться по пустошам вечно голодным призраком и понимать, что это теперь навсегда? А такая участь грозит не только убийце, но и заказчику и всем их потомкам. Черная мать бережет своих детей.

Клер поежилась.

– Задавака! – воскликнул Антони, и Эвила сразу же ударилась в рев. – Задавака глупая! Мам, а та сьоррен еще прилетит? Я хочу такого же дракона, как у нее!

– Прилетит, и очень скоро, – пообещала Клер, вспомнив, как Малоун выхватил саблю у офицера охраны. Он выглядел так, словно плевать хотел на все проклятия, ему надо было защитить своих внуков, свою кровь.

– Нет, разумеется, – ответил Эдвард. – Что ты предлагаешь, отец? Просто сидеть и ждать, когда приедет свадебный поезд и этот безумец войдет во дворец?

– Пусть войдет, – спокойно произнес Малоун, но Клер чувствовала, насколько он встревожен и как в нем звенит каждый нерв. – Он сумасшедший. Он южная шлюха, он давно потерял честь своего дома. Кто отдаст трон безумцу, даже если он попросит? Кто признает такого короля?

Клер почти увидела, как Эдвард кивнул, как сжаты руки Малоуна за спиной.

– Мы все знаем, что это просто маскарад, – сказал Эдвард. – Этот безумец приедет в столицу, снимет бабские тряпки и возьмет корону своего отца. – Он сделал паузу и добавил: – Прости, я слишком взволнован.

Малоун усмехнулся.

– Я тоже. До сих пор вижу, как Эвила сидит у него на руках, а Антони чуть ли не в пасть дракона лезет. Если бы эта гадинадохнула, от парня бы и пепла не осталось.

Клер невольно зажала рот ладонью.

– Чего он хочет на самом деле? Вернуть себе корону? Нет! – В голосе Эдварда появились спокойные нотки, теперь он не волновался, а рассуждал. – Ему нужна сестра, живая и здоровая, насколько это возможно после Ньюта Гранвилла.

Клер поежилась. Она знала Гранвилла, понимала, на что он способен, и искренне сочувствовала Равене Тисон, которая теперь вынуждена ложиться с ним в одну постель. Можно было бы отправить Равене пару корешков, которые полностью лишили бы Гранвилла мужской силы, но Клер прекрасно знала такой сорт людей: если Гранвилл не сможет насиловать свою несчастную жену, он будет просто бить ее. Или, например, поджигать волосы на теле, она слышала о таком случае. Да и мало ли гадостей можно придумать!

– Если ты разрешишь ему забрать девицу Тисон, он вернется на свой юг?

– Попробуй отнять что-нибудь у Гранвилла, – предложил Малоун. – Убедишься, что это невозможно. К тому же он нужен мне на Севере.

– А если ты отправишь на Север этого бесноватого? Пусть восстанавливает порядок словом Двоих.

– Методы Гранвилла срабатывают лучше, можешь мне поверить. Забастовки на шахтах прекратились. – Малоун снова прошелся по залу туда-сюда. – Да и как ты себе это представляешь? Мы пошлем к ним мужчину в платье, южную ритуальную шлюху и форменного сумасшедшего, а шахтеры с грязными руками станут его слушать? Это на юге у него почет, уважение и всеобщая любовь, а северяне для такого слишком консервативны.

Эдвард печально рассмеялся.

– Одним словом, у нас нет выхода! Ты сам себя загнал в ловушку, когда тогда дал зарок.

Клер никогда не считала милосердие ошибкой, но Эдвард так не думал, и она понимала, что в определенном смысле он прав. Эдвард станет королем, а короли должны быть справедливы и жестоки, потому что люди склонны считать милосердие и доброту слабостью.

Слабый владыка недолго просидит на троне.

– У нас есть выход, – отчетливо проговорила она. – Нужно задействовать людей вслепую, как это сделал съор Стафани со мной.

Малоун и Эдвард вошли к ней с потрясенными лицами, и Клер подумала, что наконец-то расскажет им все.

– Женщины дома Харш всегда обладали исключительной магической силой, – сказала она. –

Бабушка презирает моего отца только потому, что он родился мальчиком, а больше детей у нее не было. Она волшебница, я унаследовала ее таланты... не во всем, разумеется, и не с такой силой, но я многое могу. Например, создать и использовать заклятие Тени.

Пальцы Малоуна дернулись, словно он хотел сложить кукиш, отпугивающий нечисть. Эдвард слегка приоткрыл рот и тотчас же сжал губы – Клер понимала, что теряет его навсегда. Теперь Эдвард будет думать, что Клер приворожила его.

– Бабушка рассказывала, что всегда скрывала свои способности. Нарциссы в этом помогают, звон их колокольчиков отпугивает тех, кто может нам повредить, и прячет нашу силу от ненужных глаз, – продолжала Клер. – Я понятия не имею, как он узнал о том, что я могу, но он Тень короля, это его обязанность – все знать. Он показал мне точку на карте, откуда должен был идти удар, и объяснил, как его направить. Удар не должен был кого-то убить, только напугать – дурное знамение заставило бы свадебный поезд развернуться и уехать обратно в Ахани. Пугнуть их, так он сказал. Пугнуть, чтобы они вернулись домой, это даст нам время.

Эдвард растерянно провел ладонями по лицу. Дети притихли, словно поняли, что происходит что-то очень важное.

– Но я не знала, что в тех местах находятся источники природной магии, которые в сотни раз усиливают любое заклинание, – сказала Клер. – Заклятие Тени, попав в такой источник, не оставило бы и пыли на месте свадебного поезда. Им повезло, что там оказался дракон, у драконов своя магия, они ведь порождения огня. – Клер подумала, что надо говорить спокойнее, но не смогла. Голос задрожал, в ушах поднялся шум. – Я не собиралась убивать Авриля. Но этого хотел съор Стафани. Некоторое время все молчали, а затем лицо Малоуна просветлело.

– Но Стафани до сих пор жив! – воскликнул он. – С ним ничего не произошло, я видел его час назад. Значит, он открыл способ, как уничтожить эту дрянь и уцелеть самому! – Король улыбнулся так, словно получил подарок на именины и похлопал в ладоши, вызывая слугу.

Стафани явился через четверть часа; за это время взволнованная Клер обнаружила, что в ее прежде мягком кресле откуда-то взялись ямы и шишки. Эдвард старался не показывать своих чувств, но за эти годы Клер научилась читать на его лице, словно в открытой книге. Принц был в ярости и с трудом сдерживал ее.

– Вы хотели уничтожить свадебный поезд из Ахани с помощью заклятия Тени, – произнес Малоун, глядя в лицо Стафани. – Это так?

Стафани невозмутимо кивнул.

– Совершенно верно, ваше величество. Вы как всегда правы, – ответил он. – Я не учел появления дракона, который принял на себя удар.

– Как вы смели! – Губы Эдварда дрогнули, словно он пытался взять себя в руки и не наговорить лишнего. – Как вы посмели даже подумать о том, чтобы подставить под удар мою жену!

«Я не жена тебе, мой милый». – Печаль, наполнявшая душу Клер, была легка и светла, и она вдруг обрадовалась тому, что няня увела детей.

А если он говорит не о ней, а о принцессе Лие? Клер грустно улыбнулась.

– Насколько я помню, ваше высочество, вы не женаты, – с легким поклоном сообщил Стафани. – Ваша будущая жена еще в пути. И верно, я попросил съоррен Клер бросить заклятие Тени так, чтобы оно упало рядом со свадебным поездом. Она была уверена, что это лишь напугает путешественников, не причинив им вреда.

– Но вы собирались их убить, – отчеканил Малоун. – И свалить все на какой-нибудь несчастный случай, вроде прорыва магического поля.

Клер невольно поежилась. Прорывов давно уже не было, но однажды в детстве она была свидетельницей, как совсем рядом с Вышеградом вдруг поднялся огненный столб до самого неба. Золотая пыль повисла в воздухе полупрозрачной завесой, и Клер с ужасом увидела, что ревущее пламя наполнено бесчисленными хвостами, лапами, распахнутыми пастями. Зубы клацали, от пыли пахло тошнотворной сладостью, и один из слуг упал на землю, закрыв голову руками.

Бабушка прижимала ее к себе и повторяла: тихо, милая моя, тихо. Клер тогда так испугалась, что даже дышать не могла. Потом бабушка приказала тщательно собрать золотую пыль, запечатала ее в ларце и сказала: будем хранить это, милая, однажды эта пыль может спасти нам жизнь.

– Не совсем, ваше величество. – Стафани поклонился королю и едва заметно улыбнулся. –

Свидетели, которые увидели бы все с моря, сказали бы, что это были зеленые проморские драконы. И на их спинах были всадники. Не в форме, разумеется, проморцы не дураки, но такие драконы есть только в их краях.

«Отличный повод к войне», – подумала Клер и увидела, что Малоун заулыбался.

– Да, Стиос сразу же бросится мстить за дочь, – произнес он. – Ну а вы, Стафани? Как вы не побоялись все это организовать? Давно ли ваша жизнь вам не дорога?

Стафани прикрыл глаза, и его улыбка сделалась чуть шире. Сухая рука с едва заметным шрамом на запястье нырнула под рубашку и вынула прозрачный кристалл на цепочке.

– Полюбуйтесь, ваше величество. Вороний лед, сейчас его считают легендой, но когда-то он был широко распространен по всему Дарангвару. Он способен делать человека изолированным от любого магического воздействия. Полностью. Попал ко мне чисто случайно, и я решил его проверить в деле. И вот, как видите, я замышлял убийство Авриля Тисона, я использовал силы своррен Клер, но я жив.

Клер никогда не видела Эдварда настолько потрясенным. Стиос расстегнул цепочку и протянул камень королю.

– Теперь он ваш, государь. Приказывайте.

Вечером Итан пошел в баню.

Огромная юрта стояла возле бойкой речушки, которая прыгала по камням чуть в стороне от поселка.

Банщик поднял полог, Итан прошел внутрь и увидел большой каменный бассейн, украшенный яркой мозаикой. Бежали тонконогие лошади, запрокидывая головы, плыли красно-белые карпы, летели журавли. От воды поднимался пар настолько густой, что Итан вздрогнул, когда услышал голос:

– Проходите, полковник, давайте плавать.

– Я найду позже, – отрывисто произнес Итан. Мысль о том, что он окажется в одном бассейне с Аврилем, причиняла настоящую боль. В животе ворочался ком, как при отравлении, – да он и был отравлен, Итан понимал это совершенно точно. Облако пара проплыло мимо, и он увидел светлый силуэт в воде – Авриль откинулся на бортик и смотрел на Итана с ленивым интересом.

– Да бросьте вы, вода отличная. Спускайтесь.

Он протянул руку к металлическому ящику, вынул шарик размером с кулак и бросил в воду – послышалось шипение, в воздухе запахло персиком и по воде поплыли пенные облака. Итан прошел к скамейке для вещей, где лежал халат Авриля, и принялся раздеваться.

Вода и впрямь была хороша. Итан опустил на каменный выступ, устало прикрыл глаза и подумал, что никогда не чувствовал себя настолько по-дурацки. К щекам прилил румянец, и Итан приказал себе: сохраняй спокойствие, не будь идиотом, не делай глупостей, о которых потом пожалеешь, и все будет хорошо.

Между ними пенные облака. Вода. Пар.

– Боитесь, – уверенно сказал Авриль, и Итан на мгновение сжал челюсти. – Я чувствую ваш страх, полковник.

– Боюсь, – признался Итан и объяснил: – Что-то мне подсказывает, что все это в каком-то смысле инсценировка. Спектакль, и его режиссер скоро должен выйти на сцену.

Авриль усмехнулся. Его лицо казалось далеким и размытым лицом привидения. Вот и хорошо. Так было намного легче.

– Режиссеры остаются за кулисами, – произнес Авриль. – Сьор Стафани тоже будет стоять за ними и смотреть, что получится в итоге. Чего он хочет, полковник, войны с Проморьем?

– Да, насколько мне известно, – ответил Итан и устало принялся разминать плечо. Оно начало ныть и дергать – значит, скоро пойдет дождь. Когда-то костоправ собрал кость, но его работа была далеко не идеальной. Улыбка Авриля сделалась мягче, он поднялся с выступа и неторопливо поплыл в сторону Итана.

«Не приближайся ко мне», – подумал Итан почти с испугом, в это время тонкая сильная рука легла на его плечо.

– Повернись, – негромко приказал Авриль, и Итан подчинился так, словно это был приказ тренера или короля. Да ведь он и будет королем, но... Мысли метались, словно испуганные птицы. Пальцы Авриля с силой ввинтились в кожу, массируя плечо, и Итан почувствовал одновременно ужас и желание, чтобы этот ужас не прекращался. Он вдруг сделался маленьким и слабым, он полностью отдался чужой воле и почти забыл себя.

– У Глемоны есть отличная массажистка, я кое-что выучил у нее, – произнес Авриль, и прикосновение к плечу сделалось легким, едва уловимым. Но в следующий миг пальцы наполнились силой, и Итан снова стиснул зубы. – Давно болит?

– Давно, – ответил он. Нет, это невозможно, надо взять себя в руки, надо опомниться. – Меня ударили на тренировке, я тогда еще не был Младшим братом. Нас учили драться на шестах, меня

ударили сильнее, чем рассчитывали.

Ему казалось, что он горит. Что лепестки пламени поднимаются по коже, что кругом не пар, а дым, что душа вот-вот вырвется из тела. Это было жутью и восторгом.

Итану хотелось закричать.

– И ты, конечно, отомстил, – сказал Авриль. – Ничего, что мы на «ты»?

– Ничего. Странно плавать с человеком в одном бассейне и говорить ему «вы», – ответил Итан.

Туман в голове рассеивался, и он невольно улыбнулся.

– Вот и я так думаю. Так что нам готовит Стафани, как считаешь?

Итан мысленно поблагодарил Двоих за то, что разговор перешел в деловую сферу. Авриль легко похлопал его по плечу, и Итан почувствовал, что...

Он обернулся. Побелевшая рука скользнула по его груди, словно пыталась найти опору и не находила ее. Глаза Авриля закатились под веки, зубы застучали, и он вдруг обмяк в руках Итана, как марионетка, у которой отстригли нити одним движением ножниц.

Режиссер решил, что одного из актеров пора убирать.

– Дыши! Дыши же! – прокричал Итан в безжизненное лицо, выволакивая Авриля из бассейна. Он вдруг сделался тяжелым, на сереющих губах бисалли проступила кровавая пена, и Итан понял, что это был яд. Адресное заклинание, точно брошенное в пенную бомбу.

Итан рванулся туда, где лежал его камзол, умоляя и Двоих, и Черную мать Глеву, и всех богов и божков востока и запада помочь ему успеть достать пузырек с противоядием. Мокрые пальцы путались в ткани, но он все же успел выхватить пузырек, выдернуть пробку зубами и прижать стеклянный край к губам Авриля.

– Дыши, – прошептал он. – Дыши, пожалуйста...

Банщик, привлеченный шумом, заглянул в юрту и, испуганно ахнув, бросился звать на помощь.

Серебристые капли противоядия блестели на губах Авриля, это была новейшая разработка ученых и магов, и Стиос лично дал ее Итану – вдруг понадобится, вы едете не к друзьям. Вот и понадобилось.

Итан прижимал пузырек к губам Авриля, в душе было пусто и холодно, в голове вертелась одна мысль: неужели это все, неужели все сейчас кончится вот так?

Авриль вдруг зажмурился, закашлялся, сел, прижимая руку к шее. В юрту вбежал Ундес с помощниками. На бисалли первым делом набросили халат, и Ундес принялся смешивать свое зелье.

Итана мягко отстранили; он поднялся, проковылял к скамье и, одеваясь, почувствовал, что устал настолько, что даже обрадоваться не может. Но Авриль дышал и что-то пытался сказать Ундесу.

Обернувшись, Итан подумал, что бисалли выйдет из юрты своими ногами.

Он успел. Все было хорошо. Он в очередной раз сделал свою работу.

– Адресное заклинание? – спросил Итан. – Бросается для конкретного человека и само решает, как и где сработать?

Ундес кивнул, а Авриль едва слышно рассмеялся. Он пытался просунуть руку в рукав и не мог.

– Свалились мы на вашу голову, Ундес, – сипло проговорил Авриль. – Ну что, пожалеем того бедолагу, который это придумал?

Помощники Ундеса помогли ему подняться. Итан подошел, стараясь держаться как можно спокойнее, хотя в голове шумело, словно он славно приложился к бутылке. Авриль смотрел на него с таким искренним теплом, что Итан почувствовал, как что-то снова задрожало в груди.

– Боюсь, мы скоро будем оплакивать его, – произнес он. – Интересно, услышат ли на пустоши, когда Ливендон начнет звонить в колокола?

Королю стало плохо ранним утром. Поднимаясь с кровати, Малоун рухнул на руки подбежавшего слуги, и тот увидел, что спина государя в крови. Когда в королевскую спальню прибежал лейб-медик с помощниками, все уже говорили о том, что Черная мать Глева сберегла свое дитя и пометила язвами того, кто покусился на жизнь бисалли.

Клер вошла в спальню короля вместе с остальными придворными после того, как их пригласили. Эдвард сидел на краю отцовской кровати, лейб-медик подавал государю питье, чуть в стороне расположился священник со святыми дарами. Все казались чрезвычайно занятыми: слуги поправляли подушки и открывали окна пошире; священник перекладывал с места на место золотые ларцы с исцеляющими мощами; помощники лейб-медика вынимали из своих пузатых саквяжей то одну склянку, то другую... Но Клер понимала, что все это бесполезно – да и они тоже все понимали и просто пытались заглушить свой страх какими-то простыми действиями.

В животе заворочался ужас. Клер выглянула из-за спины одного из офицеров охраны и увидела, что на шее Малоуна багровеет язва. Красная роза с черными краями и гнилой сердцевиной расплзлась по коже и стекала на ухо. Все правильно, все было так, как и говорили старинные книги: убей бисалли и умрешь в муках. Черная мать Глева всегда хранит тех, кто пришел к ней, пытаясь избавиться от горя.

Смерть не пугала короля, Малоун всегда был храбрым человеком. Гораздо хуже было проклятие, он вчера говорил о нем и не думал, что уже через день окажется с ним лицом к лицу. Клер еще никогда не была такой растерянной. Если Стафани обманул короля и подставил его под удар, то теперь такая же участь ждет Эдварда.

«А как же Антони? – подумала Клер. – А Эвила? Он благословил их, но что, если этого недостаточно?»

Она представила детей на окровавленных простынях, и ее руки начали мелко трястись. Нет, Двое всемиловитые, только не это!

– Пошли все вон, – сипло приказал Малоун. Лейб-медик поднес к его губам ложку вина с пряностями, король сделал глоток и скривился. – Мерзость какая... Эдвард, останься. Клер, ты здесь? Подойди.

Какое-то время в спальне была толкотня. Люди вышли, слуги закрыли двери, и Клер услышала возню в коридоре – всем хотелось подслушать, о чем же будут говорить в королевской спальне. Через несколько минут сплетни понесутся по дворцу, а потом по всему Дарангвару.

– Он предложил мне запустить заклинание самому, – произнес Малоун. Клер подошла к Эдварду, опустила руку ему на плечо, словно пыталась обрести опору. – Вороний лед и королевская кровь, этот проклятый Стафани сказал, что от Тисона и пепла не останется. Ну что, я дурак, да?

«Ты дурак, – с горечью подумала Клер. – Ты дурак, который слишком обрадовался предложенному лакомству и не знал, что в нем крючок, который распорет внутренности».

– Все это было спектаклем, – прошептала она. – Просто спектакль, который он начал с меня, и дал вам надежду.

Плечо Эдварда дрогнуло под ее ладонью. Клер чувствовала, как он вслушивается в себя, пытаясь уловить тот миг, когда кожа начнет расцветать язвами. Утро было теплым и ясным, но Клер

казалось, что вот-вот пойдет снег. Черный снег, который укроет Дарангвар до самых высоких крыш.

– Что делать? – спросил Эдвард. Он понимал, что станет королем на час, и Клер почти видела тот невыносимый груз, который ложился на его плечи. – Отец, что нам теперь делать?

Темные глаза Малоуна прояснились, и он слабо улыбнулся. От язв пахло омерзительной сладостью, и Клер вдруг вспомнила, как спустилась в один из подвалов Вышеграда и наткнулась там на дохлую крысу.

– Звонить в колокола, – ответил Малоун. – Думаю, к полудню я уже... – Он умолк, не в силах подобрать слова для своей смерти. Эдвард накрыл руку Клер своей.

– Стафани покинул Ливендон поздно вечером, – сказал Эдвард. Ему было страшно, и этот страх кусал Клер за пальцы – пока не больно, пока только пробуя.

– В пекло его... – пробормотал король. Он прикрыл глаза, и Клер вдруг подумала: если он заснет, то поправится, сон это лучшее лекарство.

– Я найду Стафани, – произнес Эдвард. – Найду и повешу на въезде в Ливендон. Клянусь тебе, отец, он не уйдет от меня.

Послышалось тонкое, едва уловимое сипение, и Клер с ужасом поняла, что король так смеется.

Гнилостный запах от ран сделался еще сильнее, на белой рубашке расплылось красное пятно.

– Не трать время даром, – проговорил Малоун. – Звони в колокола, открывай ворота и проси вороненка спасти твою жизнь. Обещай взамен все, что он попросит. И носи ему корону на блюдечке, если он захочет.

Лицо Эдварда дрогнуло. Клер вспомнила, как он рассказывал о ночи Птичьей звезды, когда пал Аик Тисон. Тогда Эдвард во главе маленького отряда искал Авриля по всему дворцу, но так и не смог его найти.

«Ты убил бы его?» – спросила Клер. Они лежали в постели после любви, и она, помнится, поразилась, как сильно изменилось лицо Эдварда – из расслабленного и спокойного оно сделалось холодным и жестким.

«Разумеется. Я не давал никакого залога. Да, убил бы и выставил его голову рядом с папашинной возле входа во дворец».

– Ты действительно хочешь, чтобы я отдал ему корону? – Голос Эдварда прозвучал словно из могилы.

– Плевать на все короны, если он тебя исцелит! Лучше быть живым бродягой, чем мертвым королем. – Малоун рассердился, и это, кажется, придало ему силы. – Пусть он тебя вылечит, пусть наденет этот проклятый венец. А ты надейся на Оленя и Тигра, им можно доверять...

Олень и Тигр, Джереми Уиллоу и Мерт Берегар, главы Первого и Четвертого домов. Лучшие друзья Малоуна, которые поддержали его в ночь Птичьей звезды. Клер невольно обрадовалась тому, что у них есть надежда, – и сразу же подумала, что теперь им нельзя рассчитывать ни на кого, даже на лучших друзей.

У Айка Тисона они тоже были. И чем это ему помогло?

– Уиллоу уже в Ливендоне, – сказал Эдвард. – Приехал вчера на мою свадьбу.

Губы короля дрогнули в улыбке, Клер заметила каплю крови, что выступила в уголке рта. Малоун гнил изнутри, и Клер вдруг подумала, что это гниение началось намного раньше, чем его поразило проклятие Черной матери Глевы.



Возможно, в ночь Птичьей звезды, когда он убил отца на глазах у дочери. И потом, когда он убивал воронов в дворцовом парке, оно разрасталось и становилось все сильнее.

– Пусть зайдет ко мне, пока я еще здесь. Держись с ним рядом, он тебя не подведет. А теперь идите, дайте мне поспать.

Клер не помнила, как вышла из спальни, держа Эдварда за руку, как их обступили придворные, как Эдвард что-то говорил и отвечал, отдавал распоряжения... Она опомнилась лишь тогда, когда они вошли в покои Эдварда и он обнял Клер так крепко, что ей стало тяжело дышать.

– Как ты? – спросила она, боясь услышать ответ. – Как ты себя чувствуешь?

– Не знаю, – выдохнул Эдвард куда-то в ее волосы. – Мне страшно, Клер.

– Помнишь, как мы впервые встретились? – спросила Клер, задыхаясь от нежности, любви и отчаяния. – В твоём кабинете...

– Бабушка привела тебя, – подхватил Эдвард, словно пытался найти опору и не рухнуть туда, куда падал отец. – Ты была совсем юная, и ты меня боялась. Я тогда даже подумал: неужели я настолько страшен? И дал тебе яблоко, и ты еще сказала, что мы теперь как первые люди. А я... – Он вздохнул и добавил: – А я подумал, что ни за что тебя не потеряю.

– Ты не потеряешь, – прошептала Клер. – Я никогда не оставлю тебя, что бы ни случилось.

– Побудь с детьми, – произнес Эдвард и, отстранив Клер, посмотрел ей в глаза так, что она поверила: все будет хорошо. Он обязательно все исправит.

Пока она еще могла в это верить.

Уродина. И ее уродство тем более непостижимо, что несколько дней назад она была красавицей.

Лия смотрелась в изящное бронзовое зеркало, Ундес не хотел давать его, но она настояла. Опухоль спала, краснота ушла, и утром Лия чувствовала себя так же, как до болезни. Вот эти шрамы на шее можно закрыть высоким воротником с кружевами. Эти белые полосы закроют длинные рукава, а эти – перчатки. Была ведь четверть века назад мода, которая оставляла открытым только лицо, и дамы на портретах выглядели так загадочно... Вот и Лия к ней вернется, и плащи, накидки, длинные рукава и густые вуали снова будут популярными.

Лицо... А вот на него лучше не смотреть. Увечная, уродина, калека – пусть у нее по-прежнему правильные черты, аккуратный нос и маленький подбородок, но вся кожа покрыта мелкой россыпью шрамов, один даже перечеркнул левое веко.

Уродка. Лучше бы ей никогда не выходить из этой юрты. Оркувенды считают больных и калек особо угодными Двоим. Она жила бы на пустоши, читала книги и учила юных оркувендов грамоте, игре на арфе и пению. А что, из нее получилась бы замечательная учительница! Всклипнув, Лия отложила зеркало и подумала: вот удивится принц Эдвард, когда увидит лягушку вместо принцессы.

Впрочем, что ей до принца. Она все равно не будет его женой.

Лия коснулась пальцем лица. Где та девушка, которая несколько дней назад села в свадебный поезд, упиваясь собственным счастьем? Ее нет, она никогда уже не вернется. Не зови, не трать силы на сожаления, она не откликнется, прошлого не вернуть.

Лие хотелось закричать. Хотелось упасть на землю и кататься, расцарапывая ногтями изуродованные щеки, хотелось снять с себя кожу – но она лишь вынула коробочку с пудрой и взяла пуховку. Надо привести лицо в порядок, улыбнуться, надеть маску благовоспитанной девушки и жить дальше.

Свадебный поезд отправлялся через час.

Послышался шорох – приставленный к юрте орк поднял полог, и Лия увидела Авриля. Вот о ком она теперь волновалась почти так же, как о себе! Узнав о вчерашнем покушении, Лия горячо поблагодарила Двоих за то, что полковник Блэкмур оказался рядом.

– Как вы? – спросила она, подумав: «Вот мой будущий муж. И он смотрит на меня не с брезгливым презрением, а так, словно все в порядке».

Ее будущий муж был одет в тот самый алый костюм, в котором Лия встретила его в саду Гейба Рори. К плечу была приколата брошь в виде летящего аиста – Лия вспомнила, что это один из оркувендских символов, – а прическу удерживали деревянные палочки, украшенные сердоликами. Лия невольно отметила, что макияж Авриля стал очень сдержанным: едва заметно подведены брови и припудрены щеки, вот и все.

Он выглядел ярким, но Лия подумала, что весь облик Авриля похож на выцветающий кокон, из которого вот-вот вырвется бабочка – или дракон.

– Если бы не наш дорогой полковник, я сейчас бы с вами не разговаривал, – улыбнулся Авриль, словно собственная смерть невероятно забавляла его. – Интересно, чем теперь занят его величество Малоун?

Лия пожала плечами. Неужели король настолько ослеплен и испуган, что сам приложил руку к покушению на бисалли?

– Это ведь магия, – сказала она. – Разве его величество умеет колдовать?

Авриль беспечно махнул рукой. Он был таким легким, спокойным и светлым, что Лия невольно почувствовала себя лучше.

– Ему не обязательно уметь. Он просто вложил свою кровь в заклинание, и это усилило его при броске. Должно быть, кто-то напел ему, что есть способ, при котором можно остаться в безопасности.

– А ваша сестра? – спросила Лия. – Что теперь будет с ней?

Авриль пожал плечами.

– Я заберу ее у Гранвилла, это самое главное. Остальное уже детали. Но дело не в этом! – вдруг воскликнул он, словно вспомнил о чем-то важном. – Я кое-что для вас придумала. Это поможет вам взбодриться и кое-что понять.

– И что же это? – спросила Лия.

Улыбка Авриля стала мягче.

– Идемте, – произнес он и протянул ей руку.

Они вышли из юрты, и Лия увидела толпу орков. При виде принцессы они захлопали в ладоши, заулыбались ей, и она вдруг поняла, что они смотрят на нее так, словно с ее лицом все в порядке. Никто не тарасил глаза, как на пугающую диковинку, никто не разевал рот от изумления, и Лия почувствовала, как страх и презрение к себе вдруг сделали крошечный шагок назад.

Она улыбнулась и негромко сказала:

– Спасибо вам. Спасибо вам всем за приют и помощь.

Улыбки оркувендов сделались еще шире; Авриль взял Лию за руку и повел туда, где фыркал Полуденный Ужас, выпуская дым из ноздрей. Имя совершенно не шло дракону – он был добрым и очень ласковым, и все это время Лия радовалась тому, что дракон лежал за ее юртой. Это было его молчаливой поддержкой; когда они подошли, Лия осторожно погладила его по морде и сказала:

– Привет, маленький.

Дракон выпустил тонкую струйку пара и с важным видом расправил одно крыло, словно хотел сказать: «Какой же я тебе маленький? Посмотри, какой я большой!» Ожоги, оставленные заклятием Тени, уже успели зажить. Авриль погладил дракона, протянул ему полоску вяленого мяса, и Полуденный Ужас довольно зафыркал, поедая лакомство.

– Ему не подходит это имя, – заметила Лия. – Он не Ужас. Скорее Полуденная Доброта. Авриль понимающе улыбнулся.

– Главное, что об этом знаем только мы. Вчера утром я скормила ему немного разрыв-камня, у полковника была пара крошек. Он замечательно мечет огонь.

– Вот как... – Лия представила, как Полуденный Ужас обрушивается на вражеское войско, выдыхая ревущие струи огня и обращая людей в пепел, и ей стало не по себе.

Дракон есть дракон. Он всегда остается хищником, каким бы милым ни казался.

Тем временем Полуденный Ужас прилег на бок, Авриль подхватил Лию и усадил ему на спину среди костяных гребней. Лия успела лишь ахнуть и удивиться тому, насколько сильные у Авриля руки, как бисалли запрыгнул на драконью спину прямо за ней и обхватил Лию за талию.

– Держитесь! – решительно приказал он, и Лия вцепилась в гребень так, что испугалась, что потом не сможет разжать руки. Дракон потоптался на месте, присел и вдруг прынул в небо так, что на мгновение Лия ослепла и оглохла от воздуха, ударившего в лицо, и ветра, наполнившего уши.

Кажется, она вскрикнула. Кажется, Авриль повторял: не бойся, не бойся, я с тобой, я здесь... Лия опомнилась и увидела, что мир сделался маленьким и одновременно огромным, раскинутым от края до края жизни. Мир был зеленым, синим и золотым, мир пел и говорил с ней, мир повторял, что все будет хорошо, все обязательно будет хорошо!

Восторг переполнял ее – бесконечный, яркий, как небо. Лия раскинула руки и закричала.

Выплеснула в этом вопле всю свою боль, все отчаяние, все прошлое и будущее. Дракон летел над пустошью, и Лия видела алую россыпь оркувендских поселков и городков, леса и замки, озера и вены рек. Вот на горизонте воздвиглось что-то высокое, нестерпимо белое, и Лия поняла – Ливендон. Скоро ее свадебный поезд войдет в столицу.

Авриль смеялся, и Лия поняла, что сейчас он исцелил ее. Тот, кто летал на драконе, уже не будет переживать из-за мелочей. Тот, кто поднимался в небо, вычеркнет из жизни все плохое. Полуденный Ужас скользнул под облаком, сочившимся дождем, и Лия тотчас же промокла насквозь, но ей было так весело, что она смогла лишь снова закричать. Сбоку скользнула радуга – тонкая, нежная, и Лия рассмеялась.

Она могла бы так лететь вечно – чтобы дракон мягко взмахивал крыльями, порой оглядываясь на своих всадников, чтобы Авриль держал ее, не позволяя упасть. Сейчас Лия будто бы смотрела себе в лицо и понимала, что уже не видит своих шрамов.

И это было самым главным. Теперь она точно знала: что бы ни случилось, она выстоит. У нее навсегда останется этот полет.

Лия не запомнила, как Полуденный Ужас приземлился за поселком – просто неожиданно поняла, что ее руки и ноги заоченели, и она почти свалилась с драконьей спины в объятия Авриля. От него веяло легким запахом травяных оркувендских духов и чем-то еще, странным и влекущим, чему Лия не могла дать названия.

Возможно, так пахнет сочувствие. Или дружба.

– Как вы, Лия? – негромко спросил Авриль. Лия поежилась в его руках, чувствуя, как сквозь холод пробивается настоящее живое тепло, и прошептала:

– Это было... удивительно. Спасибо вам.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Авриль. – Как только вам захочется прокатиться, скажите мне. Я всегда верила, что полет на драконе исцеляет душу.

– Верно, – откликнулась Лия. – Мне и правда стало легче.

Авриль осторожно отстранил ее и легонько стукнул по носу.

– Вот и хорошо, – повторил он. – Тогда я счастлива.

От юрт к ним быстрым шагом шел полковник Блэкмур – надо было собираться и ехать дальше. Лия знала, что через два дня им предстоит ночлег в Ард Феарте – замке Леланда Каллума, владыки Шестого дома и близкого друга ее отца. А через четыре дня она уже въедет в Ливендон.

Ей вдруг захотелось, чтобы это путешествие не кончалось. Белый город на горизонте, такой прекрасный и желанный несколько дней назад, теперь пугал Лию, и ей казалось, будто из-за его стен выкатывается буря.

– Пора, ваше высочество, – произнес полковник Блэкмур и бросил на Авриля очень странный быстрый взгляд, словно пытался убедиться, что бисалли все еще здесь. – Ваш экипаж готов.

## Глава 7

### Волк умирает

Малоун не умер в полдень. Он пережил этот день, потом второй и переполз в третий. Он проснулся, попросил поесть и, выпив несколько ложек куриного бульона под наблюдением лейб-медика, потребовал, чтобы его усадили в постели. Клер даже подумала, что проклятие отступает. Но потом слуги принесли подушки, помогли королю сесть, и она увидела, что на рубашке расцвели новые кровавые пятна.

– Вам лучше выйти, сьоррен Клер, – негромко произнес лейб-медик, когда слуги принесли чистые рубашки и белье. – Короля нужно переодеть, а это...

«Зрелище не для женских глаз», – закончила Клер его фразу.

– Может быть, он поправится? – предположила она. – У нас ведь есть надежда?

Лейб-медик устало прикрыл глаза.

– Вам лучше выйти, сьоррен Клер, – повторил он. – Не стоит на это смотреть.

Выйдя из спальни короля, Клер шла и шла, пока не оказалась в маленьком зале с букетами роз в высоких белых вазах и пейзажами на стенах. Эти картины собирала ее величество Кетт, мать Эдварда... Клер опомнилась, провела ладонями по лицу и, убедившись, что здесь нет лишних глаз и ушей, извлекла письмовник, полученный от бабушки полчаса назад.

«Возможно, пыльца могла бы его исцелить, – писала сьоррен Элисабет. – Говорят, что она даже воскрешает мертвых, если они хорошие люди. Но пойми меня правильно, дорогая. Меньше всего я хочу тратить свое сокровище на этого человека. Если бы он захотел, ты давно была бы женой Эдварда, а твои дети не носили бы позорного звания бастардов. Если бы он захотел, твоя жизнь была бы совсем другой... Но он не захотел. Не хочу и я. Если вдруг ты, Антони и Эвила будете в опасности, я раскрою все сундуки и ларцы и употреблю все свое искусство ради вашего спасения. Но не ради него. Нет. И больше не проси меня об этом».

Клер сложила письмовник и подумала: а что, если все правильно? Пусть король Малоун умрет, пусть Эдвард отдаст корону и Авриль станет владыкой Дарангвара. Тогда не будет войны, тогда она заживет спокойно рядом с любимым человеком и его детьми, тогда...

– Сьоррен Клер!

Клер обернулась. Подошедший слуга поклонился и произнес:

– Его высочество ищет вас, сьоррен Клер. Он у государя.

Клер кивнула и, спрятав письмовник, пошла обратно. Мысли постоянно возвращались к словам бабушки о воскрешении мертвых, и она думала: сможет ли золотая пыль вернуть ей Эдварда?

Он хороший человек, но что, если она так думает только потому, что все это время он был ласков с ней и любил ее? Делает ли любовь кого-то хорошим?

Клер не знала.

Она вошла в спальню короля, когда Малоун говорил:

– ...если вороненок наденет корону Дарангвара, то принцесса Лия станет его женой. Стиос своего не упустит... – Король закашлялся, и Эдвард, сидевший на краю отцовской постели, протянул ему бокал с зеленоватым отваром. «Настойка сердцеголова, – подумала Клер. – Он останавливает распад внутренних органов».

Король цеплялся за жизнь, но она утекала у него из рук.

– Хорошо, – кивнул Эдвард. – Я понимаю. Мы с Клер и детьми уедем.

В груди Клер разлился холод, и она вдруг подумала: «Вот бы и правда уехать и жить простой и спокойной жизнью: я, Эдвард и наши дети». Впрочем, она тут же сказала себе, что Эдвард не захочет так жить. Ему нужна власть, а не дом с красной крышей на берегу моря, в котором они однажды провели три незабываемых дня вдали от всего света.

– Джереми сказал, что примет вас в Артхольме, – произнес Малоун, и его лихорадочно блестящие глаза остановились на Клер. – Я был плохим свекром, Клер. Мне давно следовало признать тебя наследницей твоего отца... и ничего этого не случилось бы. – Он хрипло кашлянул и продолжал: – Авриль Тисон так и сидел бы в Ахани, а мы все жили бы дальше... Придумали бы, как уломать Стиоса предоставить нам базы...

– Не думайте об этом, ваше величество, – с искренним теплом промолвила Клер. – Вы хороший дед. Вы хороший друг. Я благодарна вам за все, что вы сделали для меня.

Это ведь именно Малоун выбрал ее для Эдварда – будь иначе, кем была бы Клер и где бы она была?

Она вспомнила, как несколько дней назад сидела у фонтана, а Малоун по привычке отстреливал воронов. Теперь их никто не потревожит – в Эдварде нет такой ненависти к дому Ворона.

– Постарайтесь выжить... оба... – Голос Малоуна прошелестел едва слышно. – Клер, ты должна беречь детей, что бы ни случилось. Они признанные дети нашего Дома.

«Они мои дети, этого достаточно», – подумала Клер, но лишь кивнула и ответила:

– Да, ваше величество.

– А теперь иди, девочка, – приказал Малоун и махнул рукой. Клер поклонилась и вышла из спальни.

Придворные столпились в ожидании. Какое-то время они смотрели на Клер, ничего не спрашивая, а она молчала, не в силах ничего сказать. Потом из-за закрытых дверей донесся еле слышный стон, и Клер услышала слабую возню и короткий всхлип.

Что-то оборвалось в ней, от боли на мгновение потемнело в глазах. Потом послышались шаги,

и Эдвард, бледный и потерянный, вышел из отцовской спальни и каким-то чужим, мертвым голосом произнес:

– Король умер.

Ард Феарт, замок Леланда Каллума, владыки Шестого дома, был очень старым, толстостенным, и каждый его камень говорил о том, что это здание строили основательно и на века, думая не о красоте и гармонии, а о долговечности, надежности и тепле. Городок Ард Феартин, который лежал чуть в стороне, понравился Итану. Дома, выстроенные в линию, улицы, аккуратно выложенные булыжником, садики с пестрыми цветами – все это словно сошло с книжной страницы.

– Здесь мило, – заметила Лия, когда свадебный поезд проехал через городок и свернул к замку. Ард Феарт стоял на холме, словно дозорный, следивший за покоем города. Полуденный Ужас пролетел над улицами, и Итан увидел, как дракон сделал круг над замком и приземлился во внутреннем дворе.

– Мило, – согласился он. – И Леланд Каллум друг вашего отца, это еще важнее.

Лия неопределенно пожала плечами. Итан невольно отметил, что за несколько дней пути она повзрослела. Если из Ахани выезжало наивное дитя, то в Ард Феарт приехала молодая женщина, ее взгляд словно бы задавал загадку.

– Я думала, что съоррен Элисабет тоже его подруга, – ответила Лия. – И чем все закончилось?

Итан пожал плечами.

– Мы ценим наших родных больше, чем друзей, это естественно. Впрочем, съор Морис на нашей стороне, и это меня радует.

Лия ничего не ответила.

Леланд Каллум был похож на каменного голема, которые, как рассказывают путешественники, еще встречаются в пустыне Дахав за Проморьем. Большая круглая голова на короткой шее, крупное тело с толстой спиной, руки и ноги как колонны – Итану казалось, что пол должен трещать при каждом шаге владыки Шестого дома. Однако Каллум двигался совершенно бесшумно и очень легко, словно танцор. Приветствуя Лию, он осторожно взял ее за руку и произнес:

– Вы уж простите старика, ваше высочество, что не выехал вас встретить. Как вы себя чувствуете?

– Немного устала, – улыбнулась Лия, – но это ничего. Благодарю вас за гостеприимство. Авриль ведь уже здесь?

– Да, мы с ним уже успели побеседовать, – сказал Каллум, и его лоб прорубила горизонтальная морщина, словно камень треснул. – Господа, мне неловко вести серьезные переговоры на пустой желудок, но мой второй гость настаивает. Прошу в мой кабинет.

Значит, второй гость. Когда так говорили, Итан понимал, что придется отстреливаться.

В кабинете Каллума стоял книжный шкаф, несколько мягких диванов и бесчисленное количество лосиных, кабаньих и буйволиных черепов на стенах. Лия невольно поморщилась, увидев их, – принцесса не любила охоту. Итан всмотрелся в долговязого господина, который поднялся с дивана, и удивленно воскликнул:

– Съор Стафани? Кто бы мог подумать!

Стафани улыбнулся, словно дедушка, который дает внуку пряник, но Итан прекрасно знал, что доверять этому дедушке значит совершать самую большую ошибку в жизни.

– Ваше высочество, – произнес Стафани, глядя на Лию и словно ощупывая взглядом ее шрамы. – Счастлив видеть вас. И не менее счастлив буду назвать вас своей королевой.

Губы Лии дрогнули – она хотела улыбнуться, но чувствовала, что этого делать не нужно. Стафани был ей незнаком.

– Это Бруно Стафани, Тень короля, глава секретной службы Дарангвара, – прозвучал голос Авриля. Бисалли стоял в тени возле книжного шкафа и казался призраком, листаящим старую книгу. – Уверяет, что он на нашей стороне, и предлагает свои услуги.

– Плохи же дела дома Бренуи, – усмехнулся Итан, – если все бегут от короля, даже его Тень. То есть вы предаете вашего владыку, сьор Стафани?

Стафани посмотрел на него с легкой укоризной. Каллум негромко кашлянул; предложив принцессе свою руку, он провел ее к дивану, бесшумно опустился рядом и произнес:

– Я бы советовал обойтись без опрометчивых слов, полковник. Сейчас немного не тот случай, когда надо потрясать всех красноречием.

– Да, давайте послушаем, – сказала Лия. – Сьор Стафани, вы что-то хотели сказать мне?

Стафани поклонился принцессе, и Итан подумал, что он похож на змею, которая медленно сжимает кольца.

– Я покинул столицу сразу же после того, как его величество Малоун лично нанес удар по сьоррен... – Он плавно указал в сторону Авриля. – Я сделал все, чтобы он поверил, что находится в безопасности и бросок заклинания не причинит ему вреда. Частью моей работы было заклятие Тени, созданное сьоррен Клер – оно не должно было причинить вам вреда. Дракон был выгнан из гнезда специально, чтобы закрыть вас от него.

Итан подумал, что Сильные братья его величества Стиоса обленились так, что и представить нельзя, раз Стафани устраивает свои спектакли возле Ахани без малейших затруднений. Или король все знал заранее и просто позволил ему это сделать?

– Я дал его величеству вороний лед, якобы талисман, который полностью изолирует владельца от любого магического воздействия, – продолжал Стафани. – Малоун был настолько ослеплен своей ненавистью к вашей семье, сьоррен Авриль, что заглотил наживку с крючком и поплавком. Сейчас, как мне шепнули мои помощники, он при смерти. Покрыт кровавыми язвами и готовится отправиться к Двоим.

– А принц? А дети сьоррен Клер? – с искренней тревогой спросила Лия.

– Я благословил их, – сказал Авриль, и Лия наконец-то смогла улыбнуться. – Они в безопасности. А вот Эдвард станет королем на три дня, не больше.

– Вы организовали убийство короля, – произнес Итан. – Зачем?

Стафани посмотрел на него с интересом, словно пытался оценить Итана как профессионала.

– Я хочу, чтобы мы избежали войны с Проморьем, – сказал он. – Как и все остальные ваши друзья, сьоррен Авриль.

– И сколько проморцы заплатили вам? – осведомился Итан.

Стафани усмехнулся.

– Достаточно, если вас интересует сумма. – В его голосе прозвенели металлические нотки. – Впрочем, сейчас она не имеет значения. Иногда дело не только в деньгах.

В кабинете вдруг повеяло чем-то горелым. Авриль поставил книгу на полку, прошелся туда-сюда, сложив руки за спиной, словно желая собраться с мыслями.

– Чего вы хотите от меня, сьор Стафани? – спросил он.

Стафани доброжелательно улыбнулся.

– Хочу видеть вас на троне Дарангвара. Хочу мира. Ваши помощники хотят послушную марионетку в короне. – При этих словах Итан увидел, как Каллум сжал кулаки. – А мне нужен достойный государь.

Авриль вдруг остановился и посмотрел на Стафани так пристально, что Итан невольно замер.

– Ваши уши обрезаны, – сказал он. – Достаточно давно, чтобы вы могли сойти за своего в Дарангваре.

Итан подошел к Стафани, всмотрелся – уши были самыми обычными. Однако Стафани едва заметно улыбнулся и что-то произнес на певучем языке, больше похожем на птичью трель, чем на человеческую речь. Авриль прочирикал в ответ что-то похожее, и улыбка Стафани сделалась шире.

– Откуда вы знаете язык Дахава? – с ностальгическим теплом поинтересовался он, и Итан удивленно понял: Стафани дахавец! Когда-то их называли эльфами.

– У Глемоны гостил один из альвенди, – ответил Авриль. – Тогда я только начал жить в храме и мы с ним приятельствовали. Так почему Дахаву нужен я на дарангварском троне?

Лицо Стафани сделалось непроницаемым, словно он надвинул маску.

– Потому что страна, не способная себя прокормить, не может считаться серьезным военным противником, – произнес он. – К Дахаву катится война, и нам нужна помощь. Я сделаю все, что вам потребуется, если взамен вы поможете моей родине.

– Вас знатно приложили, сьор Гранвилл, – заметил доктор Мерфи.

Гранвилл хмуро тронул нашлапку на носу и ответил:

– Упал.

Стоя на лестнице так, чтобы ее нельзя было заметить из гостиной, Равена чувствовала мстительную радость. Когда доктор Мерфи раскланялся с дорогим во всех смыслах пациентом и ушел, Равена спустилась и быстрым шагом направилась к дверям, стараясь не смотреть в сторону Гранвилла. Ей хотелось увидеть Джемса, перемолвиться с ним хоть словом.

– Куда это мы так спешим? – поинтересовался Гранвилл, придерживав Равену. Руку до плеча прострелила боль, но она не подала виду. Палач не увидит ее слез.

– В собор. Сегодня День святой мученицы Катрины, – ответила Равена и не солгала. Гранвилл задумчиво постучал пальцем по нижней губе, словно не знал, что на это ответить. Равена дернула плечом, освобождая руку, и в это время в дверь постучали.

– Сьор Гранвилл... – это был офицер, Равена не знала его имени. Мундир с вепрем на рукаве был застегнут не на те пуговицы, но офицер этого не замечал. – Там Ягера убили. И Эвисона.

Равена сделала все, чтобы не показать своего удивления. Гранвилл растерянно провел рукой по волосам, потом посмотрел на Равену, словно хотел спросить «как же так?», и спросил:

– Кто? Как?

– Да вот полчаса назад, – ответил офицер. – Ночь-то мы в пивной сидели, я раньше ушел, а он остался. Ягер уже выходил, а тут кто-то подбежал и выстрелил. Кабатчик сказал, что он вроде бы крикнул: «Это за Стирлинга, мразь!»

Значит, Стирлинг мертв. Равена готова была поклясться, что стрелял Джемс.

– Он убил не ту мразь, – сказала она, и офицер вытаращил на ее глаза, будто не мог взять в толк, как она вообще смеет так говорить при Гранвилле, когда должна дышать при нем через раз, как и



полагается покорной жене.

– А Эвисон? – спросил Гранвилл.

– Эвисон у бабы заночевал. Она сперва покричала, потом вроде бы ничего. А утром соседка шла, видит – дверь нараспашку. Бабы той нет, а Эвисон на кровати лежит. Сонного подушкой задушили. Равена невольно удивлялась потрясенному виду мужа. Неужели он действительно считал северян овцами, которые позволяют себя резать? Неужели он думал, что они просто склонят головы и не посмеют дать ему отпор?

– Иди, – кивнул Гранвилл, и офицер быстрым шагом вышел из дома. Гранвилл обернулся к Равене, мягко погладил ее по шее, и Равена подумала, что сейчас он станет ее душить.

– Ты ведь собиралась идти в собор? – негромко произнес он. – Иди. Передай декану Свену, чтобы готовился отпевать моих людей.

«Он не станет, – решила Равена, но тут же подумала: – Станет. Это его долг».

– Хорошо, – ответила она. – Он отпоет их всех.

Лицо Гранвилла дрогнуло так, что Равена невольно понадеялась, что сейчас его хватит удар и на этом все закончится. Но Гранвилл совладал с собой и сказал:

– Иди.

Равена шла в собор быстрым шагом, почти бегом. В ушах шумело. Сегодня Джемсу предстоял ночной выход в шахту, так что она могла его встретить. Равене никогда еще так не хотелось увидеть его, как сейчас.

В таверне Молли толпился народ, гвалт стоял на всю улицу. Замедлив шаг, Равена прислушалась и поняла: вчера три человека Гранвилла отведали здесь рагу и их до сих пор рвет кровью. Высокий мужчина в форме с вепрем пытался вытащить Молли из заведения. Она голосила, упиралась и, освободившись и уткнув руки в бока, вдруг заорала на всю улицу:

– Рагу мое вам не нравится? Отличное рагу, всем бы такое! Не надо своими грязными лапами в рот лазить, тогда и блевать не будете!

Равена вспомнила, как месяц назад Молли хвалилась, что вытравила особо наглую крысу картофельными шариками с ядом. Она готова была поклясться, что эти шарики пошли в рагу для прислужников Вепря. Мужчина в форме замылся – люди Гранвилла были смелыми только в стае, а в одиночку теряли всю свою решимость. В толпе Равена заметила группу парней с шахт, которые заворачивали рукава.

– А ну отпусти ее, Сайнс! – услышала она. – Руки при себе держи, солдат!

– Ах так? – На бледных щеках Сайнса появились пятна румянца. – Рагу еще осталось? Пусть сама поест, если там нет отравы!

Равена ахнула, но Молли лишь сильнее подбоченилась. Вышитый петух на ее фартуке решительно раскрывал клюв, словно готовился броситься в атаку.

– И поем! Вот сейчас пойду и поем! Пошли, посмотришь!

Какая-то девушка в толпе ахнула, но тотчас зажала рот руками. Молли и Сайнс скрылись в таверне и вскоре Равена услышала:

– Вот! Видишь, ем! Ай рагу, что за рагу! Век бы ела! Давай бери тарелку, тоже попробуй!

Значит, Молли отведала свою стряпню. «Двое, помогите ей», – подумала Равена и, выйдя из толпы, направилась к собору.

Собор был пуст, если не считать старухи Айлины. Она сидела возле статуи Матери, и ее губы едва заметно шевелились, повторяя молитву. Равена прошла на жилую половину и, увидев, что дверь в ее бывшую комнату закрыта, вдруг почувствовала озноб.

Там, где Гранвилл терзал Равену, до сих пор бродил ее призрак. Бледный, окровавленный, переполненный своей болью.

– Равена? – Свен выглянул из своего кабинета.

Равена крепко обняла его, словно боялась, что он исчезнет, стоит ей разжать руки. Свен гладил ее по голове и говорил что-то негромкое и ласковое. Равена потом не могла вспомнить ни единого слова, но ей сделалось легче.

– Что? – переспросила она, поняв, что Свен задал ей какой-то вопрос.

– Он бил тебя, да?

– Да, – кивнула она, заметив, как потемнело лицо Свена. – А я сломала ему нос.

Свен удивленно посмотрел на нее, и Равена рассмеялась.

– Неужели он думал, что северяне смиренные агнцы, которые пойдут на бойню!

– Король скоро поможет нам, – уверенно произнес Свен. Равена не сразу поняла, что он имеет в виду ее брата. – Нам надо просто немного подождать. Он уже едет в Ливендон.

Собор наполнили голоса, топот множества ног – в него вносили что-то тяжелое, мертвое. Равена улыбнулась; она никогда не думала, что сможет улыбаться после гибели людей. Впрочем, кто сказал, что это были люди?

– Ягера убили, – объяснила она. – И еще Эвисона. Гранвилл сказал, что ты должен отпевать их.

Свен кивнул.

– Разумеется, я все сделаю. Это мой долг пастыря.

Равену вдруг охватил такой стылый ужас, что у нее подкосились ноги, и она лишь чудом смогла устоять. Кто-то словно подошел к ней и едва слышным голосом шепнул на ухо, что она видит своего отца в последний раз. Что Гранвилл приготовил для него смерть и эта смерть потрясет Север.

Дрожь прошла по ней от макушки до пяток, воздух скомкался в горле. Равена видела смерть Айка Тисона, и удар табакеркой в висок много лет преследовал ее в снах. Она уже однажды потеряла своих родных людей, и теперь чувство новой потери накрыло ее с головой. Остановить, удержать! Она сделала бы все, чтобы спасти Свена, она жизнь бы свою отдала – да вот только никто не взял бы ее.

– Уезжай, – прошептала она, глядя Свену в глаза. И вдруг заговорила быстро-быстро: – Уезжай из Каттерика, прямо сейчас! На юг, к моему брату, да хоть куда... Пожалуйста! Отец, я очень тебя прошу, у меня никогда еще не было такого предчувствия. Я не могу тебя потерять...

Свен ободряюще улыбнулся – Двое всемилостивые, в третий раз в жизни! – словно хотел сказать, что все будет хорошо. И Равена вдруг с невероятной ясностью поняла, что он уже все знает. Он почувствовал то же самое, что и она, и принял свою судьбу.

– Не я иду, Двое ведут меня, – произнес Свен и погладил Равену по голове – так, как всегда, когда она делала что-то хорошее.

И она опустила руки и не смогла с ним спорить.

В соборе хозяйничали люди Гранвилла. Мертвецов, обернутых в белые саваны, положили на пол перед алтарем, угрюмые мужчины в форме с вепрем развалились на скамьях.

– Сьюр Гранвилл сказал, что найдет эту бабу и снимет с нее кожу, – услышала Равена.

Свен прошел мимо мертвецов к кафедре и открыл Писание. Люди Гранвилла как-то подобрались – сели ровнее, сдвинули ноги, замолчали. Несколько дней назад они приехали в Каттерик совсем в другом настроении и уж конечно представить не могли, что они рискуют жизнью. Раздался топот, в собор вбежал еще один офицер – низкорослый, растрепанный, испуганный насмерть.

– Там это... еще трое прибралось! Доктор сказал, грязную воду пили, отравились.

«Те, кто ел у Молли», – с ужасом подумала Равена. Хоть бы она сама была жива! Хоть бы она уже успела избавиться от отравленного рагу!

– Несите их сюда, – спокойно сказал Свен. Офицер махнул рукой, и двое рядовых поднялись со скамьи. – Холст для савана можете взять у Джемми Питерсона, в соседнем доме.

– Кто б мог подумать, а? – негромко произнес один из офицеров. – Грязная вода...

Свенссон начал службу через два часа, когда в собор принесли еще трех мертвецов. Потихоньку подтягивался народ, но ни у одного горожанина Свенссон не заметил ни тени сочувствия. Пришел Гранвилл; он надел черную парадную форму, нацепил красно-зеленую орденскую планку и сел рядом с Равеной. Вел себя так, словно хотел показать: он настоящий хозяин этих мест и никому не позволит в этом усомниться – даже бургомистру, который переживал так, словно потерял своих родных.

Должно быть, Гранвилл хотел, чтобы Равена тоже надела траур. Но Свенссон узнал это светло-зеленое платье, Равена сшила его весной и сейчас казалась воплощением счастья и справедливости. Рилан устроился на последнем ряду. Горожане уже знали, чей он сын, но Свенссон с облегчением видел, что на юношу смотрят с уважением и теплом. Это яблоко укатилось очень далеко от яблони. Он негромко стал читать молитву, и постепенно собор наполнился благоговейной тишиной. Пять мертвецов в белом лежали перед ним, и, повторяя святыя слова, Свенссон мысленно спрашивал их: зачем вы пришли сюда? Зачем захотели осквернить нашу землю? Неужели в ваших сердцах не осталось ни единого доброго порыва и вы забыли руки матери и улыбку отца?

Он прекрасно знал, что иногда люди вырывают из своих душ даже крошечные ростки света, и понимал, что этому не стоит удивляться. И все-таки удивлялся.

Джемс ждал Свенссона за собором. После службы они должны были отправиться на юг через болота – там было тайное укрытие, о котором не знали даже близкие и друзья.

Свенссон никогда еще не хотел жить так сильно. И в то же время он понимал, что отдаст свою жизнь в любую минуту, если потребуется.

Он закончил молитву и закрыл Писание. Теперь говорить следовало от сердца.

– Мы все знаем, что такое смерть, – негромко произнес Свенссон. – Мы смотрели ей в лицо и чувствовали ее дыхание. Мы понимаем скорбь родных, потерявших сыновей. Мы знаем горе вдов и осиротевших детей. Вот, пятеро их, – Свенссон указал на мертвецов. – И сейчас их оплакивают. Сейчас множество людей жалеет об их смерти.

Его слушали так, словно боялись пропустить хоть слово. Лицо Равены было похоже на маску, она не сводила со Свенссона глаз, и он чувствовал всю ее боль. Гранвилл выглядел спокойным и строгим, но Свенссон знал, что он радуется тому, что заставил его отпевать своих людей.

– Но я не буду читать «Со святыми упокой». – Голос Свенссона поднялся над людьми, загремел под сводами. – Я не прочту над ними «Смилуйся, Матьь!» Потому что это враги моего народа. Они

пришли на Север, чтобы растоптать его. Они унижали, насильовали и убивали. И я всем сердцем приветствую их смерть. Я счастлив, что они мертвы.

Гранвилл вздрогнул. Он хотел встать, подойти к Свенссону и встряхнуть его, приводя в чувство – но Свенссон видел, что он окаменел от неожиданности. Его люди сидели молча, приоткрыв рты и не сводя глаз с кафедры. Горожане замерли, словно призраки.

– Проклинаю этих пятерых пастырским проклятием! – Свенссону казалось, что его наполняет огонь. Волосы шевелились на голове, выпрямляясь, как это с ним бывало иногда во время грозы. Руки сжали Писание так, что пальцам стало больно, и он почти видел, как от них поднимается дым.

Восторг и воодушевление охватили его, Свенссон знал, что сможет заразить этим и остальных. – Проклинаю их за смерть наших братьев, за горе наших жен, за плач наших детей! Пусть не примет их милосердная Мать, пусть добрый Отец отвергнет их. Проклинаю негодяев и захватчиков, проклинаю насильников и убийц, принесших горе на мою землю!

Белые свертки содрогнулись, словно к мертвецам на мгновение вернулась жизнь, и Свенссон увидел, как по ним расплескалось алое. В воздухе повис густой запах крови и тления. Ужас и восторг, который почти отрывал от земли, охватил Свенссона. Он никогда не видел пастырского проклятия, только читал о нем – и теперь видел своими глазами, что Двое услышали и приняли его слова.

Это было страшно и радостно. Это было смертью и спасением.

Все поднялись на ноги, заговорили одновременно, кто-то вскрикнул... Свенссон отчетливо услышал, как над собравшимися пролетел шепот:

– Святой... он святой!

– Святой проклял вас, негодяи! – прокричала Айлина. Гранвилл не то что побледнел – посерел, как мертвец. Глаза Равены заволакивало слезами, но Свенссон видел, что ее наполняет восторг – чистый, подлинный, возвышенный.

– Но у вас еще есть возможность искупить грехи. – Свенссон говорил негромко, но его голос слышали все. Он увидел, как одного из людей Гранвилла бьет крупная дрожь, словно он подхватил болотную лихорадку. – Идите со мной, сражайтесь на моей стороне и на стороне народа – и тогда Двое простят вас! Я Робин Хонни, пастырь слепых, и я обещаю, что приведу вас к свету.

Он не думал, что кто-то из людей Гранвилла в самом деле последует за ним – просто быстрым шагом спустился с кафедры и двинулся в сторону второго выхода, жалея лишь о том, что не смог по-настоящему попрощаться с дочерью. Но тут в храме обрушились голоса и крики, затопала добрая дюжина ног и Свенссон услышал:

– Подождите! Декан, мы с вами!

Он обернулся. Мужчин действительно было шестеро. Один из них, черноволосый, с изуродованным ухом, нервными движениями сдирал с себя мундир, словно нашивка с вепрем прожигала его руку до кости.

– Идемте, – кивнул Свенссон. – Идемте, дети.

Столица погрузилась в траур.

Повсюду висели черные знамена с серебряным волком. Горожане закрывали окна ставнями, опускали шторы, и мир окутывала густая тишина. Стоя рядом с Эдвардом в поминальном зале, Клер смотрела на короля, лежащего в гробу. Малоун был одет в белое, складки ткани на шее были скреплены тяжелой брошью с волчьей головой. Впервые король выглядел спокойным, словно

наконец-то завершил важное дело.

«Ворон победил», – подумала Клер. В бронзовых курильницах дымились пирамидки благовоний, язва на шее мертвеца была густо замазана гримом, но Клер не могла не думать о том, что сейчас такие же язвы уже начинают проступать на коже Эдварда.

– Как ты себя чувствуешь? – негромко спросила она. Эдвард словно очнулся от сна, он перевел взгляд с мертвеца на Клер и неопределенно пожал плечами.

– У меня ничего не болит, – ответил он. – Даже странно.

Потом, когда они пришли из поминального зала в покои Эдварда, принц принялся расстегивать камзол и рубашку.

– Осмотри меня, Клер. Внимательно осмотри, – попросил он.

Эдвард разделся, встал перед ней, опустив руки вдоль тела, и она вспомнила их первую ночь. Тогда они занимались любовью так, словно в мире не было никого, кроме них. Словно они открывали новый мир с каждым движением, и он был прекрасен и чист. Клер осторожно прикоснулась к плечу Эдварда, там была родинка, похожая на месяц. Когда-то Эдвард сказал, что это у него от матери. У ее величества Кетт была такая же.

Эдвард не помнил свою мать. Однажды он сказал Клер, что если бы Кетт Бренуи была жива, то Малоун никогда не посягнул бы на престол. Он был бы вполне счастлив другой, спокойной и семейной жизнью.

– У меня что-нибудь есть на спине? – глухо спросил Эдвард. Клер пробежалась кончиками пальцев по шраму под лопаткой – когда-то принц неудачно упал с лошади.

– Нет. Просто чистая кожа. – Клер прижалась к Эдварду, чувствуя, что теряет его прямо сейчас, в эту минуту, и это ощущение потери было таким ярким, что становилось трудно дышать.

– То есть проклятие... – начал было Эдвард и осекся. Откуда-то издалека донесся тоскливый удар колокола – столица горевала по своему государю. На закате Малоуна похоронят и Эдвард, его наследник, примет корону Дарангвара.

– Ни единой язвы, – ответила Клер. – Хотя прошло уже много времени.

Кажется, она знала ответ, но не могла найти в себе силы, чтобы произнести его вслух.

– Почему оно не действует? – Эдвард отошел и принялся одеваться; но потом опустился на край кровати, комкая в руках черный шейный платок. – Отец умер от него, я тоже должен умереть.

И бисалли не благословлял меня, это точно... Какое благословение – я хотел убить его, когда он приземлился в саду!

– Эдвард, – проговорила Клер, – я рада, что оно не действует. И тут может быть только один ответ.

Эдвард посмотрел на нее с такой обжигающей ненавистью, что Клер невольно сделала шаг назад. Он сразу же опомнился, поняв, что это Клер, его Клер, и произнес:

– Нет. Нет, этого не может быть. Мать любила моего отца!

Он говорил, словно ребенок, который шел по весенней роще среди цветов и пения птиц и внезапно оказался на болоте, ночью, в непроницаемом мраке, среди разинутых пастей чудовищ.

– Эдвард, – прошептала Клер, – ты был бы уже покрыт язвами, будь ты сыном Малоуна.

Эдвард уткнулся лицом в ладони, и его плечи мелко затряслись. Он утратил опору и теперь не знал, как устоять, как ухватиться за жизнь. Клер села рядом, обняла его, заговорила о том, что никогда его не оставит, что они будут вместе, что они придумают, как найти выход, и самое главное – это то, что

он жив! Эдвард вдруг оттолкнул ее, и она увидела в нем совсем другого человека, которого никогда не знала и не хотела бы узнать.

– Какой выход? – прошипел он каким-то чужим, не своим голосом. – Отдать все южной шлюхе? Поклониться ему и сказать, что я не имею права на корону, потому что Малоун мне не отец? Какой тут может быть выход, Клер?

– Я не знаю... – пролепетала Клер. Ей хотелось поднять руки и закрыться от этого человека, ей стало так больно, что она испугалась, что сейчас умрет.

– Я ничего ему не отдам! – Голос Эдварда окреп. – Я – наследник короля Малоуна и владыка Дарангвара. Я! И все будет так, как планировал мой отец. Я женюсь на принцессе Лие и продолжу... Он осекся и снова закрыл лицо руками. Клер не знала, может ли теперь подойти и обнять его.

– Ведь все всё поймут, Эдвард, – промолвила она. – Проклятие поражает весь род убийцы, а раз ты жив и здоров, значит, ты не из его рода.

Эдвард поднялся, прошелся по спальне туда-сюда, и Клер испугалась, что сейчас он ударит ее. Чего она хотела, глупая, на что надеялась? Думала, что Эдвард обрадуется тому, что они смогут все оставить, уехать и пожениться? Это было какое-то помрачение рассудка, не иначе.

Эдвард был сыном короля Малоуна не по плоти, но по духу. Он всегда хотел быть владыкой Дарангвара, Клер прекрасно знала об этом.

– Скажем, что меня спасли чудотворные мощи, – заявил он. – У меня есть надежный человек, которому можно поручить щекотливое дело... и он поверит, что тоже спасется.

– Ты хочешь убить Авриля Тисона? – спросила Клер. Да, теперь это было возможно – будущий король станет живым примером того, что от проклятия можно спастись и наемный убийца просто выполнит свою работу.

– Да, – кивнул Эдвард. – Именно этого я и хочу.

– И как же вы узнали о том, что король умер?

Стафани сообщил о смерти Малоуна за четверть часа до того, как Каллум получил официальный письменник из столицы. В Ард Феартине ударили в колокола; Лия думала, что в замке будут опускать шторы и закрывать окна в знак траура. Но этого не случилось – наоборот, Каллум приказал достать лучшее вино и нарезать к столу еще одного поросенка.

Кажется, поминки будут веселыми. Сломали гитару, как говорится.

– Знаете пословицу о том, что у стен есть уши? – Стафани позволил себе едва заметную тонкую усмешку. – Так вот, у них есть не только уши, но и маленькие рты. И эти рты нашептывают мне, например, что принц Эдвард хотел меня повесить на въезде в Ливендон. Правда, для этого меня еще надо поймать.

Лия ничуть этому не удивилась. Было бы странно, если бы у Стафани не было осведомителей.

– Но для нас гораздо важнее другое, – продолжал Стафани. – У принца Эдварда до сих пор нет ни единой язвы. Он абсолютно здоров. Проклятие свело в могилу его отца, но почему-то не затронуло сына. Как по-вашему, отчего оно настолько избирательно?

Аврийль рассмеялся.

– Потому что королева оказалась распутницей, – произнес он. – И отцом его высочества был кто угодно, только не Малоун.

В груди Лии заворчалось что-то холодное.

– Что же теперь? – спросила она. Авриль поднял руку к волосам, вынул оркувендские шпильки с сердоликарами и ответил:

– Теперь я наконец-то вернусь к самому себе. У вас здесь есть куафер, съор Леланд?

– Есть конечно же, – заверил Каллум. – И не только он. Я подготовился к вашему приезду.

Стрижка заняла около часа. Каллум предложил Лие отдохнуть с дороги, но она сказала, что хочет посмотреть. Авриль понимающе кивнул, сел в кресло, и куафер вынул ножницы.

– Магия Черной матери Глевы, – произнес Итан. – Ты не боишься ее потерять?

Авриль беспечно улыбнулся.

– Да, постепенно она уйдет, через неделю от нее и следа не останется. Но она мне больше не нужна. Я благодарен за нее, но пора идти дальше. Пора возвращаться домой.

Лия смотрела, как на мрамор пола падают светлые пряди, как из-под привычного облика выступает совершенно незнакомый человек, и думала: вот тот, кто возьмет фигурку и переставит ее на другую клетку доски.

В замке было тепло, но Лию знобило.

– ...и вот он решил побрить мне шею, чтобы стрижка смотрелась лучше, и отодвинул воротник.

Поработал бритвой, понял, что работы еще много, и оттянул воротник ниже. А я ему и говорю: не трудитесь, друг мой, я таков до самого седалища!

Стафани и Итан расхохотались, Лия тоже улыбнулась. Куафер вытряхнул ароматную пудру, похлопал в ладоши, распределяя серебристый порошок, и принялся укладывать волосы Авриля.

Заглянул слуга, принес стопку одежды – самой обычной, мужской.

Почему-то к щекам Лии прилил румянец. Словно почувствовав, что ей не по себе, Авриль обернулся, долгим оценивающим взглядом посмотрел на Лию и, когда куафер отошел, довольно цокая языком, поинтересовался:

– У вас не найдется лишнего письмовника, съор Каллум?

– Разумеется, – ответил владыка Шестого дома.

Когда слуга принес бумагу и перо, Авриль поднялся и, переступив через свои срезанные волосы, сказал:

– Я понимаю, какое произвожу впечатление... И все же, ваше высочество, окажите мне величайшую честь – будьте моей женой. Клянусь перед достойными людьми и под взглядом Двоих, что сделаю все, чтобы быть вам хорошим мужем.

Каллум недовольно крякнул, словно считал, что предложение руки и сердца делается совершенно по-другому, – надо больше торжественности и красивых словес. Итан, который все это время неотрывно смотрел на Авриля, сидя в углу кабинета, вдруг поднялся и подошел к окну, будто хотел что-то скрыть.

«Он хочет, чтобы я вышла за него замуж, – подумала Лия. – И я давно знаю, что так и будет. Все спланировано, все известно».

Она не могла понять, почему лицу сделалось так жарко и почему в ушах вдруг разлился шум. Авриль смотрел спокойно и мягко, словно не хотел настаивать и торопить ее.

– Я согласна, – негромко ответила Лия, и в голове мелькнуло, что совсем недавно, кажется, в другой жизни, она прыгала от счастья, собираясь сказать эти слова совсем другому человеку. – Я согласна, Авриль. Кому вы хотите писать?

– Вашему отцу, разумеется, – улыбнулся Авриль, и Лия подумала, что он не имеет никакого отношения к прекрасному принцу из сказок. Тот, кто летал на драконе, всегда будет выше всех остальных. – Когда он одобрит наш брак, надо будет позвать сюда священника из Ард Феартина. – За этим дело не станет, – сказал Каллум. – Отец Рикард будет здесь через полчаса.

Авриль улыбнулся, и Лие вдруг сделалось как-то тесно – не в платье, а в своем теле и мыслях. Она ведь не любила принца Эдварда. Да и какой он теперь принц? Она была влюблена в сказку, в мечту каждой девушки – и вот эта мечта готова осуществиться, а ей настолько не по себе, что хочется плакать.

Каллум похлопал в ладоши, вызывая слуг.

– Как же, как же, – захопотал он, – обязательно надо выпить южного шипучего, на счастье!

Когда Авриль подошел ближе, Лия с каким-то давящим удивлением поняла, что не знает этого человека и почти боится его. Тот, кто летал в столицу, чтобы исцелить ее, тот, кто катал на драконе, на какое-то мгновение исчез, став уже не бисалли, несчастным юродивым, а будущим королем. В нем была сила, и эта сила подавляла.

– Я сделаю все, чтобы вы не пожалели о своем согласии, – произнес Авриль и быстро прикоснулся губами к губам Лии – так, словно не хотел ее испугать.

– Мне... – прошептала Лия, когда он отстранился от нее. – Мне почему-то очень страшно.

– Я понимаю, – так же тихо ответил Авриль. Слуги внесли вино и бокалы, и он негромко посоветовал: – Не пейте много. Пару глотков, не больше.

Лия кивнула. Магия Черной матери Глевы уже теряла силу, уходя со срезанными волосами, но она чувствовала, как на ее место приходит что-то еще, пока еще далекое, но пугающее. После поздравлений Авриль сел за стол и быстро написал послание королю Стиосу. Когда шарик с сердитым чириканьем вылетел в окно, Лия подумала, что отец знал, что так и будет.

Его дочь станет королевой. Не важно, кто при этом ее муж. Да и Авриль – он ведь хороший, он...

Откуда, в пекло бы ему провалиться, тогда взялось это ощущение, что Лия присваивает чужое?

Ответ пришел через несколько минут, словно Стиос только и делал, что ждал письма. Лия как раз успела сделать глоток вина. Письмовник развернулся перед Аврилем, он прочел несколько коротких строчек и весело сказал:

– Что ж, его величество благословляет наш брак. Теперь действительно можно звать священника.

– Может быть, мы сами поедem в церковь? – внезапно заволновалась Лия. – У меня ведь платье...

Десять швей трудились над ее свадебным платьем полгода, не покладая рук, одна вышивка узора из лебединых перьев заняла несколько месяцев, и Лия вдруг испугалась, что никогда не наденет его.

Она станет просто предметом, который один владелец передал другому.

Лие захотелось пусть ненадолго, но вернуться к той свежей и чистой девушке, которая выехала из Ахани, и весь мир лежал перед ней, открытый и прекрасный. Вернуться к себе – как Авриль.

– Конечно, – кивнул Авриль и, посмотрев на Итана, предложил: – Ты будешь моим шафером?

Лия готова была поклясться, что полковнику сейчас тоже не по себе, но она не могла понять почему.

Она чувствовала его растерянность и далекую тоску, но не знала, откуда они взялись.

– Разумеется, – согласился Итан. – Это честь для меня.

Авриль улыбнулся, но в его улыбке было больше грусти, чем радости. На мгновение Лия почувствовала себя чужой.



– Тогда мне понадобятся еще письмовники, – сказал Авриль, его лицо вдруг сделалось холодным и жестким. – Стиос пишет, что его драконам нужно всего семь часов, чтобы добраться до столицы, и мне очень хочется верить, что мы сможем все решить миром.

Потом Лия вспоминала, что услышала написанное Аврилем только один раз, но каждое слово из письма впечаталось в ее память так, словно она зубрила его наизусть.

«Я, Авриль Тисон, наследник дома Ворона, говорю всем свободным людям Дарангвара:

Король Малоун умер.

Убийца, тиран, негодяй больше не будет терзать нашу родину.

Эдвард Бренуи, дитя измены королевы Кетт, готовится занять трон, не имея на то никаких оснований. Он собирается идти дальше по дороге короля Малоуна. С ним Дарангвар ждет война с Проморьем, голод на Севере, насилие и смерть на каждом шагу.

Я, Авриль Тисон, объявляю: Ворон снова раскрывает крыла над Дарангваром. Двое – моя надежда и сила, их именем я возвращаю корону, отнятую у моего отца. Их именем я несу вам свободу и мир!

Я обращаюсь к тебе, Эдвард Бренуи, бастард и узурпатор. Открой ворота Ливендона,пусти меня и мое войско, отдай мне то, что принадлежит мне по праву, и я даю слово, что сохраню тебе жизнь.

Если ты не будешь благоразумен, я возьму свое силой».

– Замечательно сказано, ваше величество, – улыбнулся Стафани. С трудом сдерживая внутреннюю дрожь, Лия думала о том, что он притворяется. Стафани только делает вид, что находится на стороне Авриля. – Но Эдвард не принесет вам корону на подушке, вам нужно всегда помнить об этом.

Авриль свернул письмовник и подошел к открытому окну. Каллум похлопал в ладоши, и письмовник окутало золотистым туманом. Послышался негромкий хлопок, и Лия увидела, как рядом с первым письмовником возник второй, затем появился еще один и еще... Послание Авриля множилось – его получают главы всех домов, от крупных до самых маленьких, все наместники и бургомистры, все поселковые старосты, все священники во всех соборах. Через несколько мгновений такой письмовник появится перед Эдвардом, и Лия как наяву увидела, как он скрипит зубами от ярости и сжимает кулаки.

– Я это прекрасно понимаю, – кивнул Авриль. – Меньше всего мне хочется начинать свое царствование с сожжения Ливендона.

В глазах Стафани появился мягкий блеск – ни дать ни взять дедушка, который готовится показать внуку нехитрый фокус с отрыванием большого пальца.

– Но у вас уже есть план, как я понимаю? – спросил он.

– Нет, – покачал головой Авриль. – Но это меня не пугает и не останавливает.

## Глава 8

### Лебедь и Ворон

Отец застыл так, что Рилан подумал: сейчас его хватит удар.

Он никогда не видел пастырского проклятия, и красные пятна на белом холсте казались ему ненастоящими. Нарисованными. Но Рилан знал, что гнев и боль декана Свенссона действительно отозвались у Двоих – и от этого его начинало знобить.

Никто не остановил шестерых мужчин, которые поднялись и почти бегом бросились за деканом – кажется, у их сослуживцев не мелькнула даже мысль о том, что это можно сделать. Рилан встал со скамьи, провел ладонью по лбу и пошел к первому ряду.

Равена смотрела с торжеством и восторгом. Сейчас она еще больше была похожа на святую Жанну, ей недоставало только копья, которым она пронзала сердца врагов. Отец не сводил взгляда с мертвецов на полу, и Рилан удивленно увидел, как левый глаз Ньюта Гранвилла сползает к переносице, возвращается и снова сползает.

«Его сейчас удар хватит, если уже не хватил», – подумал он и дотронулся до плеча Равены. Она обернулась, посмотрела на него, словно на незнакомца, и спросила:

– Что?

Рилан понял, что Равена не узнает его от волнения. Сейчас она мысленно бежала за деканом Свеном, сейчас она хотела спастись, и Рилан понимал, почему она остается на скамье рядом с Гранвиллом. Она не могла уйти и оставить всех этих людей. Она была символом их надежды.

«Север и Ворон!» – прогрохотало в его ушах.

– Нам лучше уйти, – негромко ответил Рилан и легонько потряс отца за плечо. – Слышишь? Нам всем. Быстро.

– Свиненыш, еще раз прикоснешься ко мне, я вырву тебе руку! – Глаз отца снова скользнул к переносице, но Ньют Гранвилл уже приходил в себя. Он опомнился, стряхнул руку Рилана и, поднявшись со скамьи, произнес так, что его услышали во всем соборе:

– Я заплачу сразу же. Три тысячи золотых орлов за мертвого Свенссона, десять тысяч за живого.

Кто-то присвистнул, кто-то ойкнул. За три тысячи золотых орлов можно было купить хороший дом в Ливендоне со всей обстановкой. Рилан с ужасом подумал, что декана Свенссона уважают в Каттерике, но блеск золота всегда застит людям глаза, особенно когда золота так много.

– Опомнись, сор! – подала голос старушка, которая быстрыми нервными движениями теребила край своей шали. – Здесь никто не выдаст тебе декана Свена.

Отец ухмыльнулся.

– Вот и посмотрим. Три тысячи за мертвого, десять за живого. Плачу сразу.

Люди заговорили, зашумели, кто-то из мужчин поднялся со скамьи. Отец быстрым ровным шагом направился к выходу, его люди подались за ним. Равена встала, глядя им вслед с такой ненавистью, что Рилан удивился, как это она еще не испепелила их этим обжигающим взглядом.

Ему вдруг сделалось страшно. Рилан редко испытывал какие-то неприятные предчувствия, но теперь ему казалось, что все они стоят на тонкой ледяной корке, которая вот-вот проломится под ногами и черная ледяная вода накроет их с головой.

Рилан сам не понял, как сжал пальцы Равены, опомнился только тогда, когда она осторожно высвободила руку. Отец обернулся у самой двери и произнес:

– Вороньей шлюхе нужно особое приглашение? Быстро сюда!

Губы Равены дрогнули в неприятной усмешке, и она неторопливо пошла к выходу. Рилан боялся, что кто-нибудь крикнет «Север и Ворон!», и понимал, что тогда с отца станется запереть собор со всеми людьми и поджечь его. Равена шла очень спокойно, Рилан шел рядом, словно паж или оруженосец; взгляды, которыми его провожали жители Каттерика, можно было назвать как минимум странными. Все уже знали, чей он сын, но он отпевал повешенных, и люди еще не до конца определились с тем, как к нему относиться.

– Ты знаешь, куда пошел твой отец? – негромко спросил Рилан, когда они вышли на ступени собора. Теперь обжигающий взгляд достался уже ему.

– Хочешь денег? – спросила Равена, и ее лицо дрогнуло, словно она боялась расплакаться.

Рилян ожидал именно этого вопроса и ответил:

– Если он начнет тебя пытаться – а я боюсь, что он начнет, отправь их куда-нибудь в другое место.

Подальше отсюда. Пока они разберутся, мы выгадаем время.

– «Мы»? – удивленно поинтересовалась Равена. Экипаж отца уже двинулся по улице, слуга открыл перед ними дверь второго и Рилян протянул Равене руку, помогая сесть.

– Брось ты, – ответил он, когда они устроились на скамье. – Мне казалось, ты поняла, на чьей я стороне.

Взгляд Равены смягчился. Лицо, гордое и красивое, было искажено болью. Рилану хотелось дотронуться до нее, утешить, пообещать, что все будет хорошо, но он прекрасно понимал, что сейчас делать этого не стоит.

– Болота, – негромко сказала она. – Серенвинские болота. Мы с Джемсом там чуть не утонули в детстве.

Рилян решил не уточнять, кто такой Джемс. Конечно, у Равены здесь есть друзья и люди, которые ее любят не братской и дружеской любовью, и у него нет причин волноваться. Но сердце почему-то сжалось.

– Болота, – кивнул Рилян. Это хорошо. Там наверняка есть какой-нибудь хуторок или избушка лесника, где посуше. Разумеется, они заброшены, идти к ним тяжело и долго, и те, кто дойдет, не найдут в них ничего интересного.

Но это даст декану Свену время. Святой, слова которого слышали Двое, сможет спастись.

– Вот именно. – Равена посмотрела на него так, словно хотела прочесть его мысли. Она была на стороне своего отца – и подозревала, что Рилян помогает своему. И жалела об откровенности, конечно, – люди всегда жалеют о хороших вещах.

– Я не иду с ним рядом, – сказал Рилян. – Поверь, пожалуйста.

Равена кивнула. Рилян вдруг заметил, что она дрожит. Для северного лета день был теплым, почти жарким, но Равена ежилась от холода.

С утра отец дал Рилану денег и отправил в местный магазин – приодеться и не позорить его потертым платьем. Рилян подумал, что это будет предосудительно смотреться со стороны, если он сейчас расстегнет серебряную застежку и набросит плащ на Равену.

Так поступали рыцари давних времен, когда брали даму под свою защиту, предлагая ей не только меч, но и руку.

И именно это он и сделал. Равена со вздохом укуталась в плащ, и Рилян видел, что она готова расплакаться. Ей было тяжело. Она никогда не чувствовала себя настолько одинокой. Декан Свен ушел – Рилян понимал, что он может объявиться в Каттерике уже нынешним вечером, но сейчас его здесь не было.

– Ты не одна, – сказал Рилян, надеясь, что Равена поверит ему. – Я...

Он осекся. Равена всхлипнула, вдруг сделавшись маленькой и слабой. Отцовский экипаж свернул к площади Святого Михаила, и Рилян подумал, что дом станет для Равены тюрьмой.

– Я не дам тебя в обиду, – твердо произнес он.

Равена кивнула и едва слышно ответила:

– Спасибо.

Экипажи остановились возле дома. Рилан спрыгнул на мостовую, протянул руку Равене и, глядя, как отец быстрым шагом идет к дверям, подумал, сумеет ли защитить Равену от его кулаков. Ньют Гранвилл никогда не держал в себе своего разочарования в людях – он вымещал это разочарование на чужих боках.

– Держись за моей спиной, – посоветовал Рилан. Равена гордо вскинула голову, в глазах сверкнули невысохшие блестящие слезы.

– Вот еще, – сказала она и двинулась к дому.

Войдя в дом, отец первым делом двинулся к винному шкафчику в гостиной, и Рилан его в каком-то смысле понимал. Воля Двоих проявилась в проклятии пастыря, и если вы такой человек, как Ньют Гранвилл, то вам обязательно нужно это запить чем-нибудь покрепче и решить, что это был какой-нибудь фокус декана, а не божественное волеизъявление. Равена попробовала пройти на второй этаж, но отец проронил:

– Неужели он совсем за тебя не боится?

Равена остановилась. Тонкие пальцы сжались на перилах.

– Ты ничего мне не сделаешь, Ньют, – негромко ответила она. – Ты ведь еще не сломал хребет Северу.

Отец усмехнулся. Плеснул в стакан бренди, отсалютовал.

– Ты в первый раз назвала меня по имени.

– И еще раз назову. Когда буду тебя убивать. – Равена говорила спокойно, даже отстраненно, и у Рилана шевельнулись волосы на голове, когда он представил, насколько истерзана ее душа.

Так мог бы говорить мертвец.

– Ему не страшно? – продолжал отец так, словно не слышал слов Равены. – Он не думает, что сейчас я могу отвести тебя на кухню и снять кожу?

Равена рассмеялась настолько беспечно, словно речь шла о чем-то забавном и милом. Глаза были темны и холодны.

– Ты ничего мне не сделаешь, и он об этом знает, – повторила Равена и с усталой снисходительностью посоветовала: – Лучше выпей еще. У тебя был трудный день.

Она пошла вверх по лестнице и вскоре Рилан услышал, как хлопнула дверь. Отец удивленно посмотрел на свой стакан, потом перевел взгляд на Рилана и спросил:

– Ты тоже это видел, Свиненыш?

Рилан кивнул. Хотел было сказать, чтобы отец больше не называл его Свиненышем, но не стал.

– Безумие какое-то... – пробормотал отец. – Весь этот проклятый Север – сборище безумцев, и я тоже с ума схожу с ними за компанию. Ты слышал, как она говорила со мной?

Рилан снова кивнул. Он никогда бы не поверил, что в этой девушке может быть столько отваги.

– Наглая тварь, – процедил отец, и Рилан не мог сказать точно, о ком именно он говорит. – Свали отсюда, Свиненыш. И без твоей постной рожи тошно.

Рилан ничего не ответил; просто поднялся на второй этаж и остановился возле закрытой двери в комнату Равены. Он прислушался и вдруг уловил едва различимый вздох.

Равена плакала. Чувствуя, как тоска царапается в груди, Рилан опустил руку на ручку двери – зайти, утешить, не оставлять в одиночестве.

И так не открыл ее.

Лиe казалось, что ее свадьба будет днем – светлым и солнечным. Но сейчас был тихий вечер, солнце медленно плыло к западу, пахло теплой пылью и свежей сдобой. Не было ни ярких флагов, ни бесчисленных гостей из благородных семейств. Жители Ард Феартина высыпали на улицы – не каждый день увидишь королевскую свадьбу. Открытый экипаж Лии плыл по дороге, люди махали ей и, насколько могла судить Лия, их улыбки были вполне искренними.

Она больше не думала о своем уродстве, и остальные перестали его замечать.

– Смотри-ка! Ну чистая лебедушка! – услышала Лия и улыбнулась.

Полная дама, стоявшая у ворот с целой стайкой детей, поймала ее улыбку и энергично замахала рукой. Авриль, который сидел рядом, осторожно сжал руку Лии; она обернулась к нему и поняла, что ей страшно.

Она так мечтала о дне своей свадьбы, и вот он настал – а ей жутко.

– Дыши глубже, – негромко посоветовал Авриль и добавил: – Я никогда и ничем тебя не обижу. Не надо бояться.

Лия верила ему, но страх все глубже погружался в нее, словно когти ворона в лебяжью шею.

– Я не боюсь тебя, – негромко ответила она. – Я боюсь того, что будет потом.

Авриль улыбнулся, теперь в нем не было ни следа недавнего женского кокетства. Сейчас рядом с Лией сидел не бисалли, который однажды благословил ее, а потом рисковал жизнью, добывая для нее лекарство, а молодой мужчина, сосредоточенный и серьезный.

Почти принц, каким его описывают в книгах девичьих сказок.

«Не просто принц, – поправила себя Лия. – Он будущий король Дарангвара. И для меня ничего не изменится».

Она по-прежнему была разменной монетой – и хорошо, что Авриль хотя бы ценил эту монету, а не передавал ее из одних рук в другие. Да и хватит уже мечтать, надо жить с тем, что ей выпало.

Возле храма толпился народ; когда экипаж остановился у ступеней, Лия увидела полковника Блэкмура. Что он будет делать после свадьбы? Должно быть, вернется в Ахани – его работа в общем-то закончена. А Лия и Авриль поедут в столицу... и неужели им просто откроют ворота? Итан протянул руку Лиe, помогая спуститься – почему-то на нее вдруг нахлынула такая слабость, что она едва не упала на мостовую.

– Слава! Слава! – закричали в толпе.

– Лебедь и Ворон!

– Слава!

Лия не помнила, как вошла в храм. Просто увидела, что уже стоит на коленях перед алтарем, бархатная подушечка так и норовит выскользнуть из-под ног, а служки уже разворачивают длинное белое полотно, которым накрывают жениха и невесту, чтобы они принесли брачные клятвы. Авриль опустился рядом, и Лия видела, что он взволнован.

«Он просто спасает свою сестру, – подумала она. – И возвращает то, что у него отняли. Я ему безразлична».

Священник Ард Феартина, кажется, едва держался на ногах от волнения – какая неожиданная честь! Ему никогда в жизни не довелось бы не только заключать брак коронованных особ, но даже посмотреть на церемонию. Он вышел к алтарю, стараясь держаться как можно спокойнее, и негромко произнес:

– Возлюбленные дети мои! Мы собрались здесь перед лицом Двоих с достойными свидетелями, чтобы... – Он запнулся от волнения и продолжал: – Чтобы соединить узами брака этого мужчину и эту женщину. И первым я спрашиваю тебя, Авриль Тисон из дома Ворона: согласен ли ты стать мужем этой женщины, беречь ее, делить с ней радость и горе, пока Двое не призовут вас?

Как это странно прозвучало: Авриль Тисон из дома Ворона. Лия почувствовала, как по спине бежит холодок. Ее будто бы выхватили из жизни, поставили перед лицом Двоих и она увидела, как создатели крутят колеса мира, меняя всю его историю.

Лию знобило. Руки дрожали.

– Да, я согласен, – откликнулся Авриль.

– Тогда я спрашиваю тебя, Лия Окли из дома Лебеда. Согласна ли ты стать женой этого мужчины, беречь его, делить с ним радость и горе, пока Двое не призовут вас?

Озноб сменился жаром. Лие казалось, что прохладный шелк ее платья готов вспыхнуть.

– Да, я согласна, – проговорила она, и служки опустили на них полотно.

– Тогда принесите ваши клятвы друг другу и Двоим, – услышала Лия голос священника. Авриль взял ее за руку – осторожно, словно боялся спугнуть или сломать. Лия подумала, что сегодня ей придется разделить с ним ложе, и эта мысль внушила ей какой-то липкий ужас. Она сама не знала, откуда он взялся, если она не видела от Авриля ничего, кроме добра.

Или девушка всегда чувствует это во время свадьбы?

– Лия, я обещаю, что буду тебе хорошим мужем. – Авриль говорил очень тихо, но Лия слышала каждое слово. – Клянусь, ты никогда не пожалеешь об этом браке. Ты будешь моей любимой женой, матерью моих детей, другом, надеждой и опорой.

Лия хотела улыбнуться ему, но улыбки не получилось. По щеке побежала слеза.

Она не знала, что сказать. Не говорить же Аврилю ту клятву, которую она написала и выучила для принца Эдварда.

– Я буду тебе хорошей женой, – прошептала она. – Я благодарна тебе за все, что ты сделал.

Лия замолчала – в голове царил пустота. Она не знала, что можно сказать человеку, который поднял ее в небо.

– Я буду тебя любить, – выдохнула она. – Спасибо тебе за все.

Авриль улыбнулся, и Лие стало легче, словно железные обручи, которые стискивали ее грудь, вдруг лопнули, давая ей дышать.

Он улыбался даже тогда, когда на его груди вдруг расцвел алый цветок с черной сердцевинкой, расплескивая кровь на полотно, ступени храма, белоснежный шелк свадебного платья.

Кто-то закричал. Полотно соскользнуло с них, Авриль завалился на ступени, зажимая рану. «Это ведь я кричу», – подумала Лия, глядя, как вокруг его пальцев начинают закручиваться струйки огня – остатки магии Черной матери Глевы.

– Авриль! – Ее крик был чужим, Лия захлебывалась беззвучным воплем, а ее уже оттаскивали от раненого. Огонь горел и гас, полковник Блэкмур рухнул на колени рядом с Аврилем, принялся расстегивать его камзол, и побелевшее лицо, запрокинутое к сводам храма, было лицом незнакомца. Огненные завитки проплыли над раной и погасли.

Брызги крови на свадебном платье наливались тьмой.

Равена почувствовала удар, когда часы на соборе пробили ровно шесть.

Грудь обожгло, словно на нее плеснули кипятком. Равена поднялась с кресла и тотчас рухнула обратно – ноги подкосились. Книга Посланий Пророка, в которой все еще была загнута страница, выпала из ее дрожащих пальцев, все тело покрылось отвратительным липким потом, а боль дымилась и жгла грудь чуть ниже правой ключицы.

«Авриль», – подумала Равена. Она не знала, откуда к ней вдруг пришла эта мысль: ее брат сейчас умирает где-то далеко, он ранен и жизнь уходит из него с каждым ударом сердца.

Она все-таки смогла встать. Доковыляв до угла, где стояла небольшая икона Двоих, Равена снова свалилась на ковер и прошептала, глядя в светлое лицо Матери:

– Не надо... не надо, пожалуйста. Пусть он живет.

Равена почти забыла брата, в памяти остался лишь размытый облик веселого светловолосого юноши, который катал ее на плечах и водил к фонтану, где красный зверь выплевывал воду из пасти. Равена боялась его, а Авриль повторял снова и снова: «Ты должна быть сильной, Венни. Однажды ты станешь королевой, а королевы не боятся. Никого и ничего. Обещай мне, что не будешь плакать». Равена не сдержала обещания. Трудно быть сильной и не плакать, когда тебя увозят из родного дома, а в ушах стоит хруст от удара табакерки в висок умирающего отца. Ее везли на север, и Равена думала, что Авриль погиб вместе с отцом и матерью. Потом он объявился на юге, и Равена обрадовалась, что все-таки не осталась одна на свете. И теперь ее единственный родной человек умирал где-то далеко, а она ничего не могла сделать.

С улицы доносились испуганные возгласы. Равена стояла на коленях перед иконой и могла только плакать, а не молиться. Слезы и были ее молитвой – о Джемсе, о декане Свене, о брате, которого она почти забыла. Душа кричала, и этот крик был сильнее любых слов.

– Пожалуйста... – только и смогла шептать Равена. – Пожалуйста...

Она не сразу поняла, что боль отступает. Жжение становилось все тише, словно чья-то исцеляющая рука прикоснулась к Равене, принося облегчение. Равена провела ладонями по лицу, стирая слезы, и прошептала с той же надеждой, с которой всегда молилась в детстве:

– Мать, добрая и милосердная, спаси Джемса, моего отца и Авриля. Пожалуйста... – Равена сделала паузу и добавила через силу: – Будь на то твоя воля, а не мое желание.

Теперь, успокоившись, она поняла, что площадь Святого Михаила запружена народом и все эти люди кричат от ужаса. Равена выглянула в окно и увидела горожан Каттерика, море мундиров с вепрем на рукаве и двух всадников, которые что-то волокли по мостовой на веревках.

Равена бросилась из комнаты, сбежала по лестнице, не разрешая себе даже думать о том, что... Нет, нет, это надо было выбросить из головы, потому что иначе она сойдет с ума в эту же минуту!

Гранвилл собирался выходить из дома; Равена почти влетела в него, и он придержал ее под руки с какой-то темной пугающей нежностью.

– Тоже спешишь посмотреть? – улыбнулся он. – Идем.

У Равены подкосились ноги. Голос Авриля вдруг прозвучал в ее голове так звонко, словно брат стоял рядом с ней: «Ты должна быть сильной, Венни. Пусть палач не увидит твоих слез, он именно этого и добивается. Обещай мне, Венни, обещай».

Равена не знала, как ей удалось совладать с собой. Она выпрямилась, взглянула в лицо Гранвилла со спокойным презрением.

– Идем, – негромко ответила она, и Гранвилл вывел ее из дома, придерживая под руку.

Всадники как раз остановились возле ступеней. Равена смотрела и не видела. Площадь Святого Михаила рассыпалась на пестрые осколки перед ее глазами. Вот опустошенные горем лица людей, вот женщина, которая плачет и молится, вот школьный учитель, господин Шайло, который все повторяет и повторяет: изуверство, какое же изуверство. Вот всадники, вот веревки, вот растрепанная рыжая голова Джемса и его руки, вот...

Равена зажала рот руками, испугавшись, что либо ее сейчас вырвет, либо она закричит. Живот Джемса был вспорот, выпотрошен и набит золотыми монетами, которые сыпались за всадниками окровавленной чешуей. Гранвилл обхватил Равену за плечи – и вовремя, иначе она упала бы на ступени, обвел взглядом онемевшую толпу, словно кого-то искал. Нашел, ухмыльнулся.

– Эй, старуха! Ты говорила, что никто не выдаст мне декана Свена?

Магда Арчетт стояла неподвижно, словно из нее улетела жизнь. Равена смотрела на мертвого Джемса и золото, в голове ее царила звонкая пустота. Джемс выдал Свена? Как в это вообще можно поверить? Нет, Гранвилл врет, он просто врет... Джемс, с которым они бегали удить рыбу и собирали ягоды на болотах, Джемс, который однажды поцеловал Равену под веткой омелы, Джемс, который хотел просить короля, чтобы он разрешил им пожениться...

Джемса больше не было. Перед Равеной лежала выпотрошенная окровавленная кукла, и почему-то именно это позволило ей опомниться. Она выпрямилась, не сводя взгляда с мертвеца, и Гранвилл сказал:

– Десять тысяч золотых орлов в него, конечно, не поместились. Знаешь, что я ему пообещал? Тебя! Он махнул рукой – всадники спешили, подхватили труп Джемса и куда-то понесли. Монеты сыпались на мостовую с погребальным звоном, в толпе кто-то решительно двинулся к Гранвиллу, но офицер из охраны ударил его прикладом.

У всех свои семьи и лучше лишний раз не нарываться, жители Каттерика быстро усвоили эту простую науку.

– Просто удивительно, на что мужчина может пойти ради любви, – усмехнулся Гранвилл, уводя Равену в дом. Она шла, словно кукла в руках кукловода, а в голове стучала одна-единственная мысль: спасти Свена любой ценой, спасти Свена. – Я сказал, что отдам ему тебя и дам вам уехать, если он приведет мне Робина Хонни, живого и невредимого. Поклялся перед иконами, и, ты представляешь, он поверил! Но все-таки сомневался... впрочем, когда речь зашла о деньгах, это все решило. Добрый декан Свен думал, что уезжает из Каттерика, а сам приехал прямо в ловушку! Когда за ними захлопнулась дверь, Равена сделала то, чего сама от себя не ожидала – она осела на пол, обхватила Гранвилла за ноги и, уткнувшись лбом в его колени, прошептала:

– Отпусти его. Я сделаю все что угодно, все, что ты захочешь, только отпусти его. Пожалуйста, прошу тебя, умоляю, отпусти декана Свена, я сделаю...

Палач все-таки увидел ее слезы, но Равена сейчас не думала об этом. Она должна была спасти отца – и это было все, что сейчас заполняло ее мысли и душу. Гранвилл осторожно поднял ее, заглянул в лицо, словно пытался понять, насколько она искренна. Равена будто бы увидела себя со стороны – плачущий зверек в лапах хищника, который надеется на милосердие. Видит мертвеца и продолжает надеяться.

– Хорошо, – кивнул Гранвилл. – Хорошо, Равена, договорились.

Они прошли в гостиную. Гранвилл сел на диван, посадил Равену рядом с собой и, держа ее за



запястье, осведомился:

– Твой брат собирается стать королем Дарангвара, верно?

Равена не сразу поняла, о чем он спрашивает и чего хочет.

– Я не знаю, – прошептала она. – Видят Двое, не знаю.

Она вдруг почувствовала себя маленькой и слабой. Хотелось свернуться калачиком и закрыть руками голову. Мертвый Джемс смотрел на нее белыми глазами вареной рыбы, и Равена не знала, где скрыться от этого взгляда.

– Я отпущу декана Свена, – сказал Гранвилл, и было видно, что ему трудно говорить. Что он переступает через себя, когда дает это обещание. – Возьму еще один заем у Харша и выплачу жалованье шахтерам. В пекло это все! Мне есть что перезаложить еще раз, но в Каттерике будет мир и покой. Взамен ты попросишь брата, чтобы он сохранил мою честь и жизнь. Третий дом склонится перед ним, Третий дом признает Авриля Тисона законным королем Дарангвара, но он не заберет у меня ни имущество, ни жизнь. Ты, если захочешь, сможешь уехать со Свеном в Ливендон, я не буду препятствовать. Дам тебе официальный развод.

– Договорились, – кивнула Равена. Значит, Гранвилл почувствовал, что пахнет жареным, и теперь готов торговаться. И торговаться он собирался именно с Равеной, сестрой будущего короля Дарангвара – значит, ему нужен был предмет торга, жизнь ее отца.

Бедный Джемс. Бедный глупый Джемс.

– Вот и замечательно, – улыбнулся Гранвилл. Погладил Равену по плечу и добавил: – Декан Свен проведет ночь в тюрьме, это прибавит ему ума. А ты... завтра ты сделаешь еще одну вещь для меня. И тогда вы увидите.

Кто-то тихонько всхлипывал рядом, пахло кровью, в груди пульсировала боль. Авриль попробовал пошевелиться, но незнакомый голос тотчас же воскликнул:

– Лежите спокойно, ваше величество!

Значит, он все-таки не умер. Вряд ли на том свете кто-то будет называть его королем.

– Хорошо, – прошептал Авриль. – Лия...

– Я здесь, – едва слышно откликнулась Лия, и ледяные дрожащие пальцы погладили его по щеке.

Это было какое-то страшное невезение: сначала узнать, что ты разменная монета в интригах твоего отца, потом заболеть и почти отправиться в добрые руки Двоих, и на десерт твоего мужа убивают во время вашей свадьбы.

Вернее, пытаются убить. Боль в груди постепенно отступала, и по ее жжению Авриль понял, что это был направленный магический удар. Что ж, он понимал, что так будет, когда снимал женское платье и шел состригать волосы. Черная мать Глева пожала плечами: уходишь от меня – ну что ж, будь потвоему. Сегодня я спасла тебя в последний раз, теперь храни и защищай себя сам.

«Я постараюсь, – подумал Авриль и добавил, словно Черная мать могла его услышать: – Спасибо тебе за все».

– Не плачь, – произнес он и не узнал своего голоса. – Меня так просто не возьмешь.

Звякнули инструменты, в груди кольнуло, и боль отступила. Повяло отвратительной вонью нюхательной соли, Авриль открыл глаза и увидел, что лежит в незнакомой, убого обставленной комнатке. Должно быть, лучший номер местной гостиницы; раненого благоразумно не стали переносить в замок, чтобы он не отдал концы по пути. Лия сидела на краю кровати; всмотревшись в

странный узор на ее свадебном платье, Авриль удивленно подумал: «Это ведь моя кровь». Да, Эдвард нанес удар как раз в тот момент, когда они принесли свадебные клятвы, хотя он и не знал об этом.

Городской врач выглядел потрясенным. Он жил тихой и спокойной жизнью, как и все в этих краях, и предположить не мог, что однажды ему придется заштопывать рану короля Дарангвара. «Не забыть наградить его, – подумал Авриль. – Щедро, даже сверх границ».

– Как ты думаешь, – Авриль усмехнулся, и боль ожила, – твой отец введет войска в Дарангвар за покушение на зятя?

Где-то справа кашлянули, и Итан произнес:

– Да, он уже прислал письмовник. Драконий полк готов к вылету, через шесть часов он будет в Ард Феартине.

Авриль представил карту Дарангвара, залитую огнем. О чем, интересно, думал Эдвард, когда утолял свою месть за отца? Да ни о чем он не думал! Наверняка собирался просто убрать дерзкого претендента на престол, который на всю страну назвал его мать шлюхой. Потом он женился бы на Лие и дальше готовился к войне с Проморьем. Все по заветам отца. И он не знал, что Лия в эту минуту выходит замуж за другого.

Нет, не будет никакой войны. Авриль отправился в путь не за тем, чтобы залить Дарангвар кровью. Итан шагнул вперед – бледный, решительный, не похожий на себя. «Я не хотел ломать его, – с неожиданной нежностью и тоской подумал Авриль. – И все-таки сломал».

– Ваше величество, я понимаю, что момент не самый подходящий, – произнес Итан и вдруг опустился на колени и резким порывистым движением выхватил из ножен саблю. – Но примите мою присягу! Клянусь верно служить вам и вашему дому, клянусь быть защитником и поддержкой вам, вашей жене и наследникам, пока Двое не призовут меня.

Лия смотрела испуганно, словно никогда не видела оружия. Авриль подумал, что момент правильный. Магические раны дрянное дело, от них можно умереть в любую минуту, а Лие, как королеве дома Ворона, понадобится человек, который верен именно ей, а не ее отцу. Он протянул руку, коснулся сабли и кивнул Лие. Она послушно сделала то же самое.

«Тебе в первый раз присягают как королеве», – подумал он, словно Лия могла прочесть его мысли.

– Принимаю вашу присягу, полковник Блэкмур, будьте Первым всадником дома Ворона, – откликнулся Авриль. Каллум наверняка пожалел бы, что мало торжественных словес, но уж как есть. – Счастлив, что мы обрели такого друга, как вы. – Он усмехнулся и добавил: – Жаль, что пока у меня нет земель, которыми я мог бы наградить вас за верность и дружбу.

Когда-то отец говорил: Первые всадники – это не просто твои вассалы. Это те, к кому ты без страха сможешь повернуться спиной. Итан улыбнулся, выпрямился, и Авриль увидел, что полковник будто сбросил с плеч давящий груз.

– Вашей дружбы вполне достаточно, ваше величество, – сказал он.

В дверь постучали – заглянул Стафани. Авриль вдруг подумал, что с хитроумного дахавца случилось бы направить удар из столицы. С такими, как Итан, всегда все ясно – они верны до конца и в ненависти и в любви. А Стафани всегда играет в свою игру на чужом поле.

– Что вам шепчут маленькие рты? – осведомился Авриль. Попробовал сесть; Итан тотчас бросился на помощь, подложил подушку под спину.

Стафани усмехнулся.

– Шепчут, что в столице начинается паника. Представьте, на похоронах короля Малоуна ко всем приходит ваш письмовник. Люди, мягко говоря, потрясены. Проходит два часа – и приходит еще одно послание, от его величества Стиоса. Он объявляет войну Дарангвару за покушение на жизнь его дочери и зятя. Южане, что с них взять! Они режут людей на свадьбах, потому что традиция требует принести жертву Черной матери Глеве, но сами почему-то не любят, когда их дочерей кладут под нож.

– Никто не желает зла народу Дарангвара, – твердо произнес Авриль. – Мне нужен лишь Эдвард – живой, склонивший голову.

Ему хотелось рассмеяться – настолько наивно это прозвучало. Малоун Бренуи добивал умирающего табакеркой, и сын у него вырос ненамного лучше.

– Он не сделает этого, – уверенно заявил Стафани. – Войска приводят в полную боевую готовность, правда, он еще не знает, что среди них так мало верных. Тех, кто готов за него умереть.

Авриль усмехнулся. Ему вдруг сделалось спокойно и весело. Те, кто считал его своей марионеткой, исполняли данное слово. Как в оркувендской борьбе: брали противника под руку и провожали в полет. В случае Авриля, конечно, на трон.

Они удивятся, когда поймут, что он не хочет быть послушной куклой, которая пляшет в чужих руках.

Утром Рилан обнаружил, что ему принесли новую одежду, которую смело можно было назвать парадной. Рилан оделся, подошел к зеркалу. Молодой человек в щегольском костюме показался ему незнакомцем. По традиции, мужчины Третьего дома носили алые шейные платки, и Рилану на мгновение почудилось, что у молодого человека в зеркале перерезано горло. Он набросил на плечи плащ, богато украшенный золотой вышивкой, давнее чутье на неприятности снова шевельнулось в нем.

Отец что-то задумал. Рилан почувствовал, как в нем начинает подниматься простудная дрожь.

Он спустился в гостиную и увидел Равену. Бледная до синевы, она стояла перед мужем, а Ньют Гранвилл неспешно, со знанием дела расшнуровывал ее платье. Лицо Рилана вспыхнуло, он отвел глаза и спросил:

– Ты уверен, что я должен это видеть?

Отец усмехнулся.

– Обязательно, Свиненыш, а как ты думал? С самого начала и до самого конца. Видишь ли, сьоррен Равена хочет освободить из заключения декана Свена, государственного преступника и бунтаря Робина Хонни, который много лет мутит воду на Севере.

Платье соскользнуло на ковер. Рилан сказал себе: не смотреть – и все равно увидел краем глаза, как раскрылся панцирь корсета, как слетела шелковая бабочка нижней рубашки. Равена подняла руки, прикрывая грудь. Она дрожала – не от стыда, понял Рилан, от гнева и боли. Собака сидела рядом с ней, и было видно, что она хочет защитить хозяйку, но не знает, как это сделать.

– Я, так и быть, освобожу мерзавца, – продолжал отец, потянув завязку панталон. Рилан отвернулся и подумал, что теперь Равена полностью обнажена. – Если сьоррен Равена проедет обнаженной на лошади по всему Каттеррику, то встретится со своим воспитателем и наставником. Она согласна. Ты будешь ее сопровождать, потому что мало ли мерзавцев на свете!

– Единственный мерзавец тут это ты, – негромко произнес Рилан. Ему было так стыдно, что глаза заволакивало красным, а в груди начинало жечь.

– Ох, как мы заговорили, – хмыкнул отец. – Я отпускаю государственного преступника, и меня же кроют последними словами. Нечего строить из себя невинность, Свиненыш, повернись. Я же видел, как ты на нее смотришь. Вот и полюбуешься.

Рилан повернулся так, словно в его голову проникла нить кукловода. Равена стояла перед Гранвиллом как белая античная статуя. Рилан посмотрел на нее и увидел в ее глазах лишь мольбу о помощи и защите.

«Я помогу», – подумал он, словно Равена могла его услышать.

Отец улыбнулся.

– Вот и замечательно. Лошади ждут.

Рилан подошел, протянул Равене руку, стараясь не смотреть ниже ее ключиц, и вдвоем они пошли к выходу. Слуга, смущенный не меньше Рилана, открыл дверь. Рилан вывел Равену на ступени и увидел, что площадь Святого Михаила заполнена горожанами.

Он подумал было, сколько народу собралось посмотреть на ее позор, и вдруг понял, что ни один из жителей Каттерика не смотрит на Равену. Все глаза были закрыты, а головы опущены. Кажется, кто-то всхлипнул и Рилан услышал, как где-то с грохотом закрылись ставни.

Один из офицеров отца подвел Равене белую лошадь, покрытую алым мягким ковром. Рилан помог Равене сесть, сжал ее руку и едва слышно произнес:

– Все будет хорошо. Не бойся.

Равена посмотрела на него с такой тоской, что Рилана пробрал озноб. Кожа на белом девичьем бедре покрылась мурашками.

– Спасибо, – прошептала Равена, и мужчина в мундире с вепрем на рукаве неторопливо повел лошадь вперед. Рилану подвели вторую лошадь; он сел в седло и двинулся следом за обнаженной всадницей.

Осанка Равены была идеально прямой, пышные волосы заплетены в косу и уложены вокруг головы. Рилан не хотел смотреть и все же смотрел. Нежная светлая кожа, родинка под левой лопаткой, россыпь старых синяков на ягодице... Лошадь шла медленно; люди опускали головы и Рилан видел, что все глаза закрыты.

Ему казалось, что все это сон. Копыта звонко стучали по мостовой; в какой-то момент Равена всхлипнула и тотчас села еще прямее, но Рилан понял, что она заплакала.

«Это не страшно, – подумал он, словно Равена могла его слышать. – Это пройдет и забудется. А декан Свен сегодня вернется домой, и все мы будем жить дальше, словно ничего не случилось. Мы сможем это забыть, мы никогда об этом не вспомним».

Рыбная улица стекала вниз по холму, за ней была целая россыпь улочек и переулков, и было так тесно, что две лошади не разъехались бы. Прямо над головой Рилана хлопнули ставни. Здоровяк, стоявший у пустого прилавка, отвернулся и закрыл лицо ладонью.

Это было похоже на похоронную процессию. «Не плачь, – думал Рилан, видя, как вздрагивают белые плечи всадницы, и чувствуя, как сердце дрожит от тоски и любви. – Не плачь, я с тобой, я здесь. Ты не одна».

Можно подумать, это могло как-то ее утешить! Вот целый отряд с вепрем на рукавах – глазают

вовсю, ухмыляются, комментируют, не стесняясь в выражениях. Рилан не ожидал от себя такого взгляда, но посмотрел на них так, как это сделал бы Ньют Гранвилл, – и, к его удивлению, грязные рты заткнулись. Офицер, который вел лошадь Равены, свернул на улицу Лудильщиков – Рилан уже знал, что она делает крюк, охватывая весь Каттерик, и выныривает на площади Святого Михаила. Если бы он мог прожить жизнь так честно и правильно, как декан Свен! Рилан понимал, что из-за него никто не поедет вот так, но он надеялся, что никто и никогда не встанет перед таким выбором. И в груди было так жарко, словно сердце хотело остановиться. Равена казалась такой хрупкой и маленькой, что Рилану хотелось обнять ее, как обнимают заблудившегося ребенка, прижать к себе, чтобы не позволить потеряться.

Отправляя его сопровождающим, отец, конечно, ожидал другого. И Рилан радовался, что все вышло не так, как задумывал Ньют Гранвилл.

Если бы им сейчас владела похоть и желание обладать, то он действительно был бы Свиненышем, а не Риланом.

Наконец они выехали на площадь Святого Михаила, и офицер остановил лошадь. Какое-то время Равена сидела неподвижно, словно не понимала, что все закончилось. Рилан успел спрыгнуть с лошади и подбежать к ней как раз в ту минуту, когда она стала заваливаться с лошадиной спины. Он подхватил Равену, помог ей встать и, сдернув с себя плащ, укутал ее плечи. Равена подняла к нему заплаканное лицо, и Рилан понял, что она не видит его.

– Все, – произнес он, провел руками по ее лицу, стирая слезы. На площади царила такая тишина, что Рилану снова показалось, что все это сон. – Все, Равена, все уже кончилось. Не плачь.

Они обернулись к ступеням. Ньют Гранвилл стоял у открытых дверей с видом гостеприимного хозяина.

– Прикройся, любовь моя, – небрежно посоветовал он. – Оденься и загляни в мой кабинет. Он там. Равена не помнила, как одевалась. Вроде бы Петула принесла темно-зеленое платье, вроде бы Рилан стоял у дверей ее комнаты, словно верный часовой. Слезы иссыхали, сейчас в ней все звенело, словно вся она превратилась в туго натянутую струну. Пускай она подверглась невообразимому позору, зато отец сейчас в доме, сейчас они встретятся, и все будет хорошо. Авриль скоро будет здесь, скоро Север будет свободным.

Она сбежала по лестнице так быстро, что едва не упала. Рилан быстрым шагом шел за ней, хотя его никто не просил – должно быть, хотел увидеть декана Свена. Офицер Гранвилла открыл дверь, Равена вбежала в кабинет и никого не увидела.

– Отец! – позвала она. Нет, пусто. Здесь никого не было. Равена сделала несколько осторожных шагов. Что это, очередная мерзкая шутка Гранвилла? Он налюбовался на ее позор и теперь радовался тому, как все получилось?

– Отец! – окликнула Равена, уже понимая, что декан Свен не выйдет из-за книжных шкафов.

Гранвилл опозорил ее перед всем городом и теперь смеялся над ней...

Равена вдруг увидела сундук. Большой сундук, окованный железом, которого раньше здесь не было. «Не трогай и не смотри, – прозвенел в ее ушах незнакомый женский голос. Равена подумала, что так могла бы говорить Мать, добрая и сострадательная. – Просто выйди отсюда. Пожалуйста».

Она подошла к сундуку. Крышка откинулась на удивление легко. Равена заглянула внутрь и заорала так, что сорвала голос. Рилан бросился к ней из коридора, обнял, пытаясь удержать. Равена зажимала

себе рот, пытаясь затолкнуть крик обратно в глотку, но не могла перестать кричать. Рилан заглянул в сундук, охнул и отступил, словно споткнулся.

Голова декана Свена казалась ненастоящей. Маска, декорация вроде тех, что используют в театре, когда ставят «Жизнь двенадцати владык». Как она может быть настоящей? Как декан Свен может быть мертв?

«Мне нужна была голова Робина Хонни, – рассмеялся Гранвилл. – И я ее получил. Я всегда получаю то, что мне нужно».

Глаза декана были закрыты, лицо было спокойным, словно он отдыхал после долгой и трудной работы. Те, кто клал голову в сундук, даже расчесали его волосы. Равена дотронулась до его лба – нет, это была не маска.

– Отец, – прошептала она. – Отец, как же так...

Он не ответил.

Равена осторожно вынула голову из сундука, словно любое неловкое движение могло причинить отцу боль. Почему, ну почему все вот так?.. Она упала бы, если бы Рилан не поддержал; мелькнула мысль, что сейчас надо заплакать, выпустить из себя всю боль, которая сгущалась черным горьким дымом.

Но глаза были сухими. Равена почему-то знала, что теперь больше не будет плакать. Никогда.

Она потеряла всех, кого любила и кто любил ее. Гранвилл сломал и растоптал Север, теперь пришла очередь Равены.

Все кончилось.

Прижимая к себе голову декана Свена, она медленно пошла к выходу. В душе Равены все окаменело, все покрылось льдом; она шла и не понимала, что идет. Кевви бежал рядом и скулил. Мелькнуло чье-то лицо – кажется, Гранвилл, кажется, он был счастлив.

Сквозь гул в ушах Равена услышала: «Третий дом никогда не признает южную шлюху королем Дарангвара. Я присягал семье Бренуи и верен ей. Как вообще ты могла мне поверить?»

«Не знаю, – подумала Равена. – Может быть, потому, что во мне еще теплилась надежда. А теперь я ничего не знаю и у меня больше ничего нет. Ничего и никого».

Она вышла на площадь Святого Михаила со своей страшной ношей, сделала несколько шагов и замерла. Люди смотрели на нее в мертвой тишине. Потом кто-то ахнул, кто-то оторопело поднес руку к лицу и опустил.

«Моя девочка, – прозвенел в ушах Равены далекий голос декана Свена. – Моя бедная, добрая девочка...»

Равена осела на мостовую, почти теряя сознание. Рилан держал ее, он что-то негромко говорил, но она не могла разобрать ни единого слова. А потом люди медленно пошли мимо Равены к дому Гранвилла и откуда-то издали донесся отвратительный звук, словно кто-то рвал кусок мяса голыми руками. Послышались выстрелы и оборвались. В стороне кто-то завизжал – истошно, словно затравленный заяц. Равена узнала голос бургомистра.

Потом она не услышала, а поняла, что кто-то ударил Рилана – и ее окутала тьма. «Только бы не выпустить... – подумала Равена, утопая во мраке и крепче обнимая отрубленную голову. – Только бы не выпустить ее».

И она не выпустила.

Равена очнулась, когда все было кончено. Боль отступила; Равена казалась себе фарфоровой куколкой на каминной полке: тронь пальцем – закачается, зазвенит. Она по-прежнему стояла на площади Святого Михаила, кругом толпились горожане, и Равене показалось, что они исцелились от безумия. Переведя взгляд чуть в сторону, она увидела человека на мостовой. Из разбитой головы сочилась кровь, руки были разбросаны в разные стороны, слепые глаза таращились в небо. Вепрь на рукаве был в грязи.

– Север и Ворон! – прокричал кто-то, и множество голосов подхватило: – Север и Ворон!

Равена смотрела на людей и не узнавала их лиц. Вот эти мужчины, кажется, шахтеры, стаскивают мертвецов в кучу, и окровавленные вепри бессильно скалятся с рукавов. Вот эта женщина, кажется, швея – да, ведь она шила все платья для Равены, но сейчас она не могла вспомнить, как ее зовут. Вот мальчик, которого чуть не повесили – Джейк, вспомнила Равена, его зовут Джейк, – швыряет камни в дом Гранвилла. Площадь захлестывали волны шума и голосов, площадь кричала «Север и Ворон!», и Равене казалось, что она готова взлететь. Неизвестная безжалостная сила тянула ее вверх и отрывала от земли.

Джемса убили. Отца убили.

Ворон расправлял крылья над Севером, и Равена была этим вороном.

Обернувшись, она увидела, как двое мужчин оттаскивают в сторону молодого человека в щегольском камзоле. Да ведь это Рилан! По его лицу струилась кровь и рука, кажется, была сломана. Из-за красного шейного платка казалось, что у него перерезано горло.

– Оставьте его, – приказала Равена. – Что вы делаете, он же отпел наших мертвецов!

Рилана тотчас же выпустили, и он обмяк на мостовой – пытался подняться и не мог. Незнакомое лицо выплыло откуда-то справа, и мужской голос произнес:

– Он сын Гранвилла, ваше высочество. Дурную траву из поля вон, сами знаете.

Равена знала.

– Не прикасайтесь к нему, – приказала она, понимая, что Рилан – единственный, кто у нее остался. – Он другой.

Рилан все-таки смог подняться и доковылять до Равены. Она притронулась к его локтю и бессильно уронила руку. Кажется, он что-то сказал, но Равена не расслышала, потому что в этот момент увидела, как из дома выволакивают Гранвилла и тащат к ней.

Он отбивался. Опытный боец, он пытался спасти свою жизнь и убил нескольких северян – но слишком многие пришли по его душу. Равена смотрела, как к ней волокут тяжелое обмякшее тело, и чувствовала, как в глубине души наконец-то пробивается что-то горячее и живое.

Ей нужно было сделать одну очень важную вещь. И попытаться жить дальше.

– Вот он! – пророкотал Джемми Бринн, и Равена подумала, что он всегда все делает основательно: и крутит колбасу и убивает. – Мы решили, что это ваше дело, ваше высочество.

Когда-то он угощал Равену и Джемса свежей чесночной колбасой и совершенно по-свойски гладил по голове, но теперь держался с таким уважением, что Равене сделалось не по себе. Проехав по Каттеррику, она сделалась не собой, а кем-то другим и теперь до боли в сердце поняла это.

Растрепанная голова Гранвилла дернулась и снова обмякла. Равена подошла, отвела липкие от крови волосы и заглянула Гранвиллу в лицо. Кто-то крепко ударил его, своротив челюсть на сторону, правый глаз заплыл от кровоизлияния, но, когда Равена приблизилась, тусклый взгляд прояснился,

и окровавленные губы дрогнули в улыбке.

– Здравствуй, Ньют, – промолвила Равена, чувствуя, как все отступает, словно работники сцены быстро убирают декорации. Вот отодвинулись люди, дышащие ненавистью и гневом, вот поблекла и выцвела ее память и остались лишь она и Гранвилл. – Как ты?

Гранвилл хрипло рассмеялся.

– Хуже... – На его губах проступила кровь, потекла тонкой струйкой. – Хуже... чем могло быть.

– Я понимаю, – кивнула Равена, подумав, что она действительно попросила бы Авриля сохранить Гранвиллу жизнь, если бы он отпустил Свена Свенссона. Видят Двое, она попросила бы. – Я понимаю, Ньют. Жаль, что ты обманул меня.

Что-то ткнулось в правую ладонь – тяжелое, шершавое, освобождающее. Равена нагнулась к Гранвиллу и поцеловала его в губы. Солоноватая горечь его крови обожгла душу до дна; рука с ножом дрогнула и быстрым движением ушла вперед.

Раньше Равена думала, что убить человека трудно. Оказалось, не труднее, чем разрезать арбуз. Сначала плотно – а потом в мякоть по самую рукоятку.

## Глава 9

### Побег

– Взгляните, ваше величество...

Коронация еще не состоялась, так что Эдвард пока не мог называть себя королем. Сейчас, глядя на карту, он даже не мог сказать, что все это формальности.

Клер стояла за его спиной тихо, словно мышка. Она скользнула за Эдвардом в зал, понимая, что здесь ей совсем не место и ее выставят сразу же, как только она напомнит о себе. Но Клер не могла оставить Эдварда в такую минуту. Это было бы хуже, чем предательство.

Маги, которые создавали карту, действительно знали свое дело: Дарангварский материк лежал перед Эдвардом словно живое существо, которое дышало и думало. Вот зелень с пятнами золота – Вышеград, даже слышен тревожный звон нарциссов. Вот бронза, от которой веет сухим ветром, – оркувендские пустоши. Вот Север, наливающийся густой синевой с проблесками огня. Вот потемнела изогнутая капля Хвоста. Клер видела, как над ней поднялась алая россыпь и с неспешной величавостью двинулась в сторону Ливендона.

– Драконы, – объяснил съор Вейсан, первый министр Дарангвара, указав на карту. Он был в трауре по королю, и Клер видела, что этот траур искренен. Вейсан любил покойного государя, но еще больше он любил Дарангвар и, в отличие от вояк, которым лишь бы отыскать повод помахать саблями, считал, что мир нужно сохранять любой ценой. – Драконы, ваше величество. Через семь часов они будут здесь.

Эдвард запустил руку в волосы и какое-то время стоял неподвижно. Клер боялась даже дышать. Она уже видела, как город разрушает огненный ураган, как рассыпаются карточными домиками дворцы и храмы, как люди становятся золой и пеплом. Мелькнули лица Антони и Эвилы, и Клер в отчаянии подумала, что все еще можно исправить, но сама не поверила себе.

Они все летели в пропасть.

– Сколько их? – спросил Эдвард. Съор Грег, министр обороны, всмотрелся в карту, и Клер подумала, что он необычайно бледен. Сейчас это был не лихой и смелый воин, а человек, который заглянул в лицо смерти и понял, что не успеет спастись.



– Три дюжины, ваше величество. По моим данным, у короля Стиоса нет разрыв-камня, но... – Он едва слышно кашлянул и добавил: – Это три дюжины драконов, ваше величество. У нас их всего пять, у нас есть разрыв-камень, но против трех дюжин это ничто, увы.

Эдвард отошел от стола и приблизился к окну. Была ночь, темно-синяя и бархатная; в такую же ночь они зачали Эвилу. Столицу наполняли голоса, шум, звон оружия. Все уже знали о том, что Стиос отправил сюда драконов в поддержку дома Ворона, который готовился восстать из небытия. Клер казалось, что ужас горожан настолько черен и густ, что до него можно дотронуться.

Драконы... Авриль, конечно, дал обещание пощадить Клер и ее детей, но вряд ли он его сдержит. Тогда даже бабушкины сундуки с золотой пылью окажутся бесполезными.

– Три дюжины, – произнес Эдвард. – Они от нас мокрого места не оставят.

– Увы, – повторил съор Грег.

Лица Антони и Эвилы снова мелькнули перед мысленным взором Клер. После похорон дети были настолько взволнованы и испуганы, что их с трудом удалось уложить в кровати. Клер надеялась, что они сейчас спят и не знают, что весь их привычный мир вот-вот рухнет.

Джереми Уиллоу, который до этого держался в стороне, шевельнулся, привлекая к себе внимание.

Клер показалось, что в зале проплыл огромный кит, до того съор Джереми был толст.

– Ваше величество, тут может быть только одно решение, – устало сказал он. – Я был другом покойного государя и я ваш друг. Я предоставлю вам кров в Артхольме, и никто не заставит меня открыть его ворота. Вы будете моим гостем, а гостеприимство угодно Двоим.

Эдвард посмотрел на него так, словно не мог поверить своим ушам. Клер показалось, что он потерял рассудок. Смерть отца, откровение о матери, огненная смерть, которая готовилась упасть с небес, – за несколько дней ему пришлось пережить слишком много.

– Вы предлагаете мне сдать столицу? – спросил Эдвард обманчиво мирно. Клер знала, что обычно за этим следует взрыв, и радовалась, что видела его на этот раз со стороны. – Вы предлагаете мне сбежать, съор Джереми?

Белесая бровь съора Джереми едва заметно дрогнула. Он был совершенно спокоен. Однажды он сказал, что его миролюбие – следствие невозможности драться и бегать. Малоун, помнится, рассмеялся над этой немудреной шуткой, но Клер подумала, что съор Джереми мудр и хорошо, что его мудрость на их стороне.

– Совершенно верно, – кивнул съор Джереми. – Но не просто сбежать, Эд, поймите. Вы станете спасителем отечества. Можно выставить войска, можно поднять нашу несчастную драконью пятерку, можно раздуть щеки, бить себя кулаком в грудь и кричать о своих правах – но драконы дохнут огнем, и от Ливендона не останется даже воспоминаний. Авриль выстроит новую столицу и будет править, а люди всегда склоняются перед жестокостью. Они будут его прославлять и обожать. И радоваться, что он сохранил им жизнь.

Съор Грег кивнул. Вейсан неподвижно стоял возле карты, и Клер видела, как огненные точки движутся к Ливендону. Медленно-медленно, со спокойствием победителей.

– Но вы откажетесь от короны и спасете всех от неминуемой смерти, – продолжал Джереми. – Вы станете владыкой милосердным и любящим, который пощадил свой народ и не бросил его в пламя. И однажды эти люди снова пойдут за вами. Милосердие ценят больше жестокости. Корона Дарангвара все равно будет вашей, пусть немного позже.

Лицо Эдварда дрогнуло, словно Джереми ударил его. Клер стиснула пальцы так, что над ними проплыли алые искры – проступила магия, которую она так тщательно скрывала все это время.

– Отказаться от короны? – повторил Эдвард. Клер захотелось броситься к нему и закричать: «Да! Отказаться! Мы уедем отсюда и будем просто жить, мы наконец-то будем счастливы!»

Она опомнилась – тихая и мирная жизнь не счастье для Эдварда. Совсем даже наоборот. Она уже успела это узнать.

– Да, отказаться, – произнес Вейсан. – Через шесть часов мы услышим драконий рев на горизонте. И знаете, что будет тогда? Все эти люди за стенами ворвутся сюда – чтобы встретить Авриля Тисона у стен Ливендона и принести им вашу голову! И знаете, я их не обвиняю и прекрасно понимаю. Чего не сделаешь, чтобы спасти свою жизнь!

Эдвард провел ладонями по лицу. Клер захотелось дотронуться до него, но она не смогла пошевелиться. Гул драконьего пламени стоял в ее ушах, и сквозь этот гул она слышала шум снаружи. Вейсан был прав. Все хотят жить.

– Объявляйте, что вы отказываетесь от престола, чтобы сохранить Ливендон и мир в Дарангваре, – отчеканил Джереми. – Пусть столица открывает ворота и звонит в колокола. Встретим южного мерзавца хлебом, вином и золотом дарангварских владык... а потом вернемся и заберем себе то, что принадлежит нам по праву. Поверьте, Эд, так будет лучше. Так будет правильно.

Какое-то время Эдвард стоял неподвижно, превратившись в надгробную статую на своей могиле. Потом он кивнул и глухо произнес:

– Хорошо. Едем.

– Вот и славно, – кивнул Джереми, поднимаясь.

Эдвард быстрым шагом двинулся к выходу, а Клер, глядя ему в спину, могла лишь беззвучно открывать и закрывать рот.

– Эдвард, – наконец прошептала она. Он услышал этот шепот и обернулся. – А я? А наши дети? Несколько мгновений Эдвард смотрел ей в лицо, и эти секунды показались Клер огненной вечностью.

– Какие дети? – спросил он, и правый угол его рта болезненно дрогнул. Эдвард отвернулся и вышел из зала, Вейсан и Грег потянулись за ним. Клер, окаменевшая от горя, смотрела им вслед и чувствовала, как из нее утекает жизнь, капля за каплей.

«Какие дети?»

«Я никто, – подумала Клер. – Все это время я была для него никем, он просто играл со мной в любовь так хорошо, что я ему поверила. И вот теперь ему не нужна обуза и он идет дальше».

Зал и живая карта вдруг скользнули куда-то в сторону, и Клер упала на ковер. Джереми, который едва не застрял в дверях, посмотрел на нее с сожалением, и сделалось темно.

Клер окончательно опомнилась, когда поняла, что уже не лежит, а идет, почти бежит по дворцовому коридору к детской. Дворец наполнял шум и паника; кто-то выбегал из дверей, кто-то гремел оружием, кто-то тащил в руках ворох вещей. Клер почему-то не могла разглядеть ни одного лица. Мелькнул лишь рукав камзола Эдварда, это слуга волок груды одежды, и Клер подумала, что она с детьми была такой же грудой.

Теперь их можно было выбросить и больше не вспоминать. Всегда можно купить новый камзол и завести новую наложницу.

Она вбежала в спальню и с облегчением увидела, что дети спят – пусть беспокойно, пусть ворочаясь, но все-таки спят. Служанки и нянька встревоженно смотрели в окно и не сразу заметили, что Клер пришла. Она подошла к ним и увидела, как Эдвард с отрядом спешит к воротам. Клер не видела нашивок на их рукавах, но готова была поклясться, что там олень.

– Сьоррен Клер, – поклонились девушки. Нянька спросила испуганным шепотом: – Что случилось? Куда уезжает его величество?

Клер прошла в комнату, которая примыкала к детской и когда-то была ее кабинетом, и без сил опустилась на диван. Надо было говорить и объяснять, но она не могла пошевелиться.

Одна служанка быстро поняла, что нужно, и вскоре Клер сделала глоток крепчайшей даховской водки и почувствовала, что оцепенение проходит.

– Его величество Эдвард отказался от короны и покинул Ливендон, – сказала она. Девушки ахнули, нянька заплакала. – Уже завтра утром здесь будет новый государь, Авриль Тисон из дома Ворона. Нянька зарыдала еще горше. Никто из девушек не спросил, почему Клер осталась во дворце, и она почувствовала молчаливую благодарность. Не надо вопросов, видят Двое, она слишком устала для этого.

Вспомнилось зеленое платье, в котором Авриль прилетел спасаться от приворота, где ворон держал в когтях нарцисс, и Клер подумала, что надо уезжать. Покинуть проклятый Ливендон, вернуться к бабушке, упротить отца сжалиться и оставить ее в Вышеграде.

– Принесите мне письмовник, – приказала она. – И ждите, возможно, мы тоже уедем.

Клер отправила письмовник бабушке и запоздало подумала, что сьоррен Элисабет спит, а утром уже будет поздно что-то делать. «Авриль ведь дал слово», – подумала Клер и едва не рассмеялась.

Эдвард тоже когда-то обещал, что будет любить ее вечно. Что он не оставит ни Клер, ни детей.

И все обещания растаяли как снег в ладонях.

Ответ пришел через четверть часа. Клер торопливо развернула письмовник и прочла:

«Прекрасно! Пусть этот болван уступит место настоящему королю. Не делай ни шагу из Ливендона и оставайся во дворце. Ваша жизнь и благополучие – залог преданности дома Харш и его денег, а молодой Ворон не так глуп, чтобы разбрасываться верными друзьями. Успокойся и жди».

Служанки смотрели на нее во все глаза, нервно сжимая и разжимая руки.

– Что там, сьоррен Клер? – не выдержала нянька. – Что нам делать?

– Ничего, – ответила Клер, складывая письмовник. – Ровным счетом ничего. С нами все будет в порядке.

К вечеру в Каттерик вошли войска.

Площадь Святого Михаила уже успели очистить – унесли мертвецов и смыли грязь. Равена, которая стояла на ступенях, слышала возню в доме, это слуги оттирали кровь Ньюта Гранвилла. Глядя, как площадь заполняется всадниками в зеленых мундирах на гордых тонконогих лошадях, Равена думала, что сейчас ей надо действовать и быть на виду.

Если она останется одна, одиночество ее уничтожит.

На рукавах всадников красовался золотой нарцисс. Равена искренне удивилась. Целое войско дома Харш? Что они забыли на Севере?

– Отец должен пятнадцать тысяч дому Харш, – негромко сказал Рилан, словно прочитал ее мысли. – То есть был должен.

Рилан был рядом, не отходя от нее, и это радовало Равену. Это делало ее живой. Он пока так и не снял грязный камзол; Равена, глядя в его сторону, думала, что Рилан очень похож на отца. Просто пугающе похож.

Он держался удивительно спокойно, это спокойствие действовало на Равену как лекарство. Значит, еще можно быть сильной, держать себя в руках и не выть от боли. Значит, еще можно жить дальше.

...Когда глаза Гранвилла помутнели, Равена хотела было вытащить нож, но не смогла. Ноги подкосились, и она упала бы, не поддержи ее множество рук, которые протянулись со всех сторон.

– Север и Ворон! – грохотало вокруг. – Север и Ворон!

Мертвый Гранвилл обмяк на мостовой, кто-то из горожан, кажется, старый Якоб, пнул его и плюнул.

– Мы не оскверним им нашу землю, – заявила Равена, кто-то другой, сильный и властный, говорил сейчас ее голосом. – Бросьте его свиньям, пусть воссоединится со своим домом.

Ответом ей был восторженный рев. Два молодых шахтера подхватили мертвеца и под крики и улюлюканье поволокли с площади. Равена обернулась к Рилану – он шатался, но держался на ногах, прижимая к себе пострадавшую руку. Его взгляд был полон такого глубокого горя и сострадания, что Равену бросило в жар.

– Хозяйка Севера! – вдруг прокричали дружно два голоса. – Хозяйка и наместница!

– Хозяйка Севера!

Боб Мерфи, самый высокий и крепкий мужчина Каттерика, быстрым решительным движением подхватил Равену и, усадив на свое плечо, осторожно понес через толпу. К ней протягивали руки, на нее смотрели с искренней любовью и радостью, ее не просто любили – за нее готовы были умереть.

– Хозяйка Севера! – ревел Каттерик, и Равена вдруг услышала сквозь этот рев призрачный голос декана Свена: «Бедная девочка, бедная моя девочка»...

– Кажется, им не с кого требовать долг, – ответила Равена. Из дома вышел доктор Шеймус, который осматривал тех, кого сумел ранить Гранвилл, оценил обстановку и заметил:

– Я вижу, у нас новые друзья. Знать бы только откуда.

Один из всадников спешил и быстрым шагом двинулся в сторону Равены. Судя по погонам и ордену, он был их командиром, а судя по глубокому шраму, который уродовал его в общем-то располагающее лицо, не прятался в бою за спинами своих солдат. Равена посмотрела на него с дружелюбной вежливостью, но не сказала ни слова.

– Сьоррен Равена Тисон?

Равена кивнула. Тело Свена Свенссона сейчас готовили к похоронам в соборе, и она подумала, что сменит фамилию.

– Полковник Ким Доули, к вашим услугам. – Незванный гость поклонился, светло-голубые глаза сверкнули горячо и весело. Имя показалось Равене смутно знакомым. – Бывший Первый всадник дома Харш, теперь я отправлен на Север.

Он протянул Равене письменник. Она взяла его, скользнула взглядом по строчкам, но ничего не поняла. Буквы расплывались, глаза слезились, и Равена вдруг испугалась, что сейчас ее хватит удар. Впрочем, это был бы неплохой выход. Она умрет и встретится с Джемсом и отцом.

– Всех отправляют на Север, – вздохнула Равена. – Так что вам нужно?

Похоже, полковник верно оценил ситуацию, потому что приложил два пальца к треуголке и отрапортовал:

– Я отправлен сюда по приказу его величества, чтобы оказать Северу и лично сьоррен Равене Тисон необходимую помощь. Я и мои люди поступаем в полное ваше распоряжение. Дом Харш также заявляет о том, что отделение банка в Каттерике завтра же начнет выплату денег шахтерам.

В полном объеме.

«У меня есть армия, – подумала Равена. – Теперь у меня есть армия».

– Его величество? – переспросила она. Полковник кивнул.

– Да. Его величество Авриль Тисон. Вы разве не знаете?

Доктор Шеймус негромко ахнул за ее спиной. Волна голосов проплыла над площадью, и Равена как-то отстраненно поняла, что люди радуются. У них была надежда, у них была новая жизнь, а Равена...

– Север и Ворон! – прокричали в толпе. И новые голоса тотчас же подхватили: – Север и Ворон!

Значит, Авриль все-таки стал королем. Равена хотела обрадоваться – и не могла. Все в ней сейчас было заморожено так, что она даже представить не сумела бы, как она выглядит, эта радость.

Свен убит. Джемс убит. Она своими руками несколько часов назад зарезала человека. В душе зияла пустота.

– Север и Ворон! – ревела площадь. – Север и Ворон!

– Что ж, добро пожаловать в Каттерик, полковник, – сказала Равена. – Рада приветствовать новых друзей на Севере. Прошу в дом. О ваших людях позаботятся.

Они вошли в дом, и Равена подумала, что теперь ей все-таки придется здесь жить. Почему бы и нет? Хорошее, уютное место. Не может ведь хозяйка и наместница Севера жить в своей старой комнатке при соборе.

На первом этаже разместили раненых. Равена провела полковника в библиотеку и устало села за стол, заваленный исписанными листами. Взгляд выхватил строчки: «Как тень полузабытого святого блуждает там, где плавится рассвет, так этот день, лишенный сна и крова, скитается, не в силах дать ответ...» Равена вопросительно подняла бровь. Почерк принадлежал Гранвиллу. Надо же, насильник и тиран писал сонеты, кто бы мог подумать.

– Я рада, что вы и ваши люди прибыли сюда, полковник, – сказала Равена. Надо было что-то говорить и делать, а ей хотелось свернуться калачиком на полу и никогда не вставать. – Северу понадобится ваша защита. Сколько вас?

– Три тысячи, сьоррен Равена, – ответил Доули и, словно предупреждая ее опасения, сказал: – Нас содержат за счет казны.

Равена кивнула. Доули смотрел на нее с искренним интересом, и она машинально подумала, что такие мужчины нравятся девушкам. Высок, смел, хорош собой.

– Я понимаю, что с размещением могут возникнуть трудности, – продолжал Доули, – но мои солдаты...

– Трудностей не будет, – сказала Равена. – Нас буквально сегодня покинули люди Третьего дома. Губы Доули едва заметно дрогнули в улыбке.

– Вместо синего будет зеленый, – откликнулся он. – Вместо нашего нарцисса – ворон.

Равена не думала, что сможет улыбнуться в ответ – и смогла. Когда-то, давным-давно, Айк Тисон, король Ворон, говорил, что никто не должен знать, что творится в душе у короля. Для всех он – солнце, которое светит всегда. Сейчас ей подумалось, что он в чем-то был прав.

– Что с вашим лицом? – спросила Равена.

Глаза Доули вдруг потемнели, и Равена была готова поклясться, что он смутился. Должно быть, не считал, что шрамы украшают воина.

– Сабельный удар, – ответил полковник. – Морис Харш отправил меня и моих людей к своему должнику, и нам приготовили знатную встречу.

Равена почувствовала, что он искренен и прост, и это ей понравилось.

– Будете моим Первым всадником? – по-дружески спросила она.

Доули поднялся и, вынув из ножен саблю, протянул ее Равене. Равена вышла к нему, и ей вдруг показалось, что лед, который сковал ее сердце, дрогнул и пошел трещинами.

– Сьоррен Равена, окажите мне честь и примите мою присягу, – с торжественной гордостью произнес он, и Равена почувствовала, что для полковника это не просто слова. – Я буду служить вам и вашему дому, стану вашей поддержкой и опорой. Я клянусь защищать вас, пока Двое не призовут меня.

– Принимаю вашу присягу, полковник Доули, будьте Первым всадником дома Ворона, – сказала Равена и дотронулась до сабли. Некоторое время они стояли неподвижно. Доули пристально всматривался в лицо Равены, а потом спросил:

– Вы не узнаете меня? Совсем?

Равена нахмурилась. Да, имя сначала показалось смутно знакомым, но она никогда не видела этого лица. Она взгляделась: светло-голубые глаза, острые скулы, тонкий нос, копна каштановых волос – нет, ничего. Они не встречались.

– Простите, полковник, не узнаю, – призналась она.

Доули снова улыбнулся – мягко, едва уловимо.

– Вы боялись Красного зверя, – сказал он, и по спине Равены пробежали мурашки. – Боялись, но все равно ходили к нему. Однажды вы пришли к фонтану вечером...

– Я боялась, что он бросится, – прошептала Равена. Воспоминания ударили ей в лицо брызгами из фонтана: бархатные осенние сумерки, когда в мире поднимается какая-то первобытная тревога, красная статуя над головой – и теплая рука, которая появилась будто бы ниоткуда и крепко сжала ладошку Равены.

– Да, – кивнул Доули. – Я случайно увидел вас, и мы пошли во дворец. Тогда никто не заметил, что вы пропали.

– Кроме Авриля. – Равена смотрела в лицо Доули. Оно по-прежнему было чужим, но сквозь него проступали далекие призрачные черты юноши, который вел ее в сумерках.

– Он сказал, что вы уже нашли жениха, – улыбнулся Доули, и Равена подумала, что это сон. Как она может говорить о чем-то давнем, как она может вспоминать что-то хорошее, когда через несколько часов ей предстоит хоронить отца?

На мгновение ей сделалось очень больно и стыдно.

– Вы видели Авриля? – спросила Равена.

Доули кивнул.

– В Вышеграде, мельком. Мы не разговаривали. – Он сделал паузу и сказал тепло и искренне: – Я очень рад, что мы встретились, сьоррен Равена. И вы... вы такая же, как и раньше.

Равена нахмурилась.

– Несколько часов назад я убила Ньюта Гранвилла, – тихо сказала она. – Зарезала тяжело раненного

человека. Вспомните об этом, когда снова захотите сделать мне комплимент.

Доули и бровью не повел, словно признание Равены не удивило его. Будто бы заблудившаяся маленькая девочка, которую он когда-то привел домой, могла поступить только так.

– Узнаю кровь Вороньих королей! Вас за это будет благодарить весь Дарангвар, сьоррен Равена. Вам нечего стыдиться.

Боль шевельнулась в ней, и Равена машинально дотронулась до груди.

– И это был не комплимент. Вы такая же сильная и смелая, как раньше.

Равена усмехнулась.

– Через час будут хоронить моего отца, – сказала она. – Надеюсь, моя смелость поможет мне выстоять.

Ливендон звонил в колокола.

Столько лет прошло, а Авриль по-прежнему различал их голоса. Вот Сонный Бен на соборе Двоих, вот Толстая Анна на Малой колокольне, вот юный и звонкий Айшели храма Святых Кайтелина и Фомы.

Город выплывал перед ним из утреннего тумана, словно призрак, который надеялся на спасение. Со спины Полуденного Ужаса Авриль не видел людей на улицах, но знал, что они там – поднимают головы, смотрят в небо и понимают, что на них может обрушиться огненная смерть. От горизонта двигалась армия короля Стиоса, и Авриль чувствовал затылком тяжелое дыхание его драконов.

Город плыл к нему – белый, розовый, золотой. Город был открыт и незащищен.

Полуденный Ужас сделал круг над Ливендоном, и Авриль увидел зеленую шкуру таинственного зверя – большой дворцовый парк. А вот и сам дворец, вот и площадь, запруженная черными муравьями – людьми, которые надеялись на милость нового короля. Авриль похлопал дракона по шее, приказывая снижаться, и увидел алый росчерк – это был патриарх, который стоял на ступенях дворца. В полном одиночестве, без помощников, он готовился встретить нового владыку и возложить корону на его голову.

Авриль не сдержал усмешки. Патриарх будет короновать бывшего бисалли, бывшую ритуальную девку при храме Черной матери Глевы. Все возможно, когда у тебя сильные друзья, которые могут повести за тобой драконью армию.

Дракон взревел – добрый и бестолковый Полуденный Ужас умел произвести нужное впечатление. Теперь он спустился еще ниже и мчался, почти касаясь крыш пластинами живота. Авриль напомнил себе, что все эти люди, которые сейчас падают на колени на улицах и стонут от ужаса, когда-то так же искренне приветствовали смерть его отца и воцарение нового хозяина Дарангвара.

Стоит ли дыхнуть на них пламенем? Пожалуй, нет. Пусть вернувшийся владыка будет милосердным и добрым – до определенных границ, разумеется.

Но он никогда и ничего не забудет.

Дракон опустился на шестиугольные плиты, которыми вымостили площадь еще при его деде, Барне Тисоне. Авриль спрыгнул с драконьей спины и впервые по-настоящему понял, что вернулся домой. Когда-то Герберт Рыбина увез его отсюда, и теперь пришло время вернуться.

Его величество Стиос и Лия летели во главе своей армии; когда они встретились в Ард Феартине, Авриль подумал, что его новоиспеченный тесть не похож на интригана. Ему бы печь хлеб и пироги, стоять в белом фартуке у дверей пекарни и с веселой руганью гонять мальчишек, которые так и

норовят стащить свежую булку. Но нет, внешность обманчива.

– Жив? – спросил король, он смотрел на Авриля так, словно хотел прочесть его мысли.

– Жив, – кивнул Авриль. Его еще покачивало, грудь жгло огнем, но он уже поднялся и переоделся в одежду, которую ему торопливо принесли из здешнего магазинчика готового платья. Белая рубашка с кружевным воротником, строгий черный камзол и такие же черные штаны. Авриль был похож на банковского клерка, а не на человека, который готовился занять престол Дарангвара.

Стиос покосился на Лию, которая до сих пор была в своем окровавленном свадебном платье, и Аврилю показалось, что он видит незнакомку. Неудивительно, в общем-то, – Лия, которая покинула Ахани, не имела ничего общего с его обожаемой дочерью.

«Моя жена, – подумал Авриль. – Двое всемилостивые, как же странно это звучит».

– Доченька... – вдруг произнес Стиос каким-то чужим, сирым голосом и добавил, бросив на Авриля острый, обжигающий взгляд: – Обидишь ее – раздавлю. Не забывай.

Авриль заметил, как Итан опустил руку на эфес своей сабли, и мысленно поблагодарил его за эту безмолвную поддержку.

– Я поклялся сделать вашу дочь счастливой, ваше величество, – с беспечной улыбкой ответил Авриль. – И я сдержу клятву.

...Патриарх действительно стоял на дворцовых ступенях в полном одиночестве. Авриль прошел мимо коленапреклоненных людей, мимо дворцовой стражи в парадных алых мундирах и лохматых черных шапках, мимо священников в белоснежном облачении... Он возвращался домой, а все остальное не имело значения.

– Кто ты? – спросил патриарх. Его смуглое лицо напоминало кору дерева, покрытую трещинами, белые волосы венчиком окружали лысину. «Интересно, понимает ли он, что я могу зарубить его, – подумал Авриль, – хотя бы потому, что когда-то он возложил эту корону на убийцу моего отца?»

Корона была той самой, отцовской. Золотые зубцы, изящные завитки из серебра, рубины, камень дома Ворона. Авриль подумал о Равене – еще несколько шагов и все плохое в ее жизни закончится навсегда. Если она захочет, он заберет ее в столицу, а если нет, пусть так и живет на Севере.

– Я Авриль Тисон, наследник Айка, короля Ворона, – ответил Авриль, и его голос проплыл над площадью. Услышав его, люди замирали, затаив дыхание. – Я пришел взять то, что принадлежит мне по праву.

Он вдруг почувствовал легкий запах нарциссов. На мгновение все заволкло полупрозрачной золотистой завесой, и Авриль услышал далекий звон цветов.

Кто-то смотрел на него из дворцовых окон. Кто-то смотрел и ждал.

Патриарх кивнул и осторожно, словно корона могла обжечь, возложил ее на голову нового короля.

На мгновение Авриля бросило в жар и в пальцах поселилась дрожь, но он смог овладеть собой.

«Десять лет, – подумал он. – Десять лет».

– Авриль Тисон, король Дарангвара! – провозгласил патриарх. – Пусть правит он долго, благословенный силой Двоих!

Над столицей поплыл колокольный звон, послышались радостные крики людей. Обернувшись к толпе, Авриль увидел, что они действительно счастливы. Все, кто собрался на площади и затопил примыкающие к ней улицы, хлопали в ладоши, махали руками, кто-то даже выстрелил из хлопушки, и в воздухе полетели пестрые кружочки конфетти.



Небо потемнело – драконы короля Стиоса делали разворот над столицей, приветствуя нового государя. Они запрокинули головы и выбросили вверх струи огня, показывая: вот что случится со всеми, если вы не будете достаточно благоразумны. На одном из драконов Авриль заметил белый силуэт Лии, и золотой огонь в его груди вдруг поднялся до небес.

Авриль почувствовал взгляд Клер на своем затылке и прикрыл глаза. Почему она здесь? Эдвард сбежал, не забрав ее и детей? Впрочем, если бы они были ему нужны, Малоун давно признал бы Клер законной дочерью дома Харш и разрешил бы им сочетаться браком.

Запах нарциссов вяз в ноздрях. Авриль знал, что может ему противостоять.

Пока еще может.

– Мамочка, это же та сьоррен! Это ее дракон!

Антони и Эвила прильнули к окнам, им даже завтрак сервировали на подоконнике. Простой завтрак, почти крестьянский: каша, несколько ломтиков подсушенного хлеба и молоко. Главный королевский повар первым сориентировался среди дворцовой суеты и приказал готовить торжественный обед. Новый король может быть добрым, а может оказаться злым – но есть он будет обязательно и надо расстараться. На кухне трудились всю ночь.

Клер думала о пустяках, чтобы не представлять, как Авриль прикажет казнить Антони и Эвилу. Зачем ему непризнанные дети прежней династии? Бабушка могла говорить что угодно: она-то оставалась в Вышеграде, и Клер никак не могла поверить ей до конца.

Все будет хорошо? Хотелось бы, но... Слишком много «но».

– Ду'ак. Это сьо', а не сьо'ен, – пискнула Эвила. Проснувшись еще затемно, она стала требовать, чтобы папа пришел ее поцеловать, а когда Клер сказала, что отец уехал, девочка легла на ковер и разрыдалась так, что ее пришлось отливать водой. Сейчас Эвила успокоилась, но снова стала картавить, как год назад, ее лицо до сих пор было красным, а тело иногда сотрясал долгий горестный вздох.

– Сама дура! – рассердился Антони. – Я узнал дракона!

Узнав, что отец уехал и даже не попрощался с ними, Антони приказал одеть его в парадную одежду и пристегнуть подарок покойного деда, саблю – легкую, серебряную, богато украшенную изумрудами и жемчугом. Клер подумала, что он прав, короля не годится приветствовать в траурном одеянии. Она выбрала темно-синее платье с вийонским серебряным кружевом по вырезу и узором из вышитых перьев.

Ворон сжал добычу в когтях. Все кончено.

В это время Эвила упала на пол и огласила детскую таким горестным воплем, что служанки испуганно бросились к ней. Антони прижался к Клер, обнял ее и негромко спросил:

– Мамочка, а папа совсем нас бросил? Из-за этой сьоррен?

Клер кивнула. Погладила сына по голове. Пока у нее две руки и две детские темноволосые головы, пока они все живы, пока...

– Он не вернется? – спросил Антони, и его лицо приобрело взрослое трагическое выражение. Клер вновь пришлось кивнуть. Хорошая мать стала бы оправдывать отца и искать объяснения, но Клер даже думать не хотелось об этом. Эдвард ушел и бросил своих детей, его поступок говорил о нем лучше всех слов. – А эта сьоррен? Она будет жить с нами?

– Эвила права, Антони, это сьор. Сьор Авриль Тисон, король Дарангвара, – глухо проговорила она.

Дракон опустился на площадь, прилег на бок; Авриль спрыгнул на мостовую и плавным упругим шагом двинулся к патриарху мимо зевак, дворцовой стражи и священников.

Король наконец-то возвращался домой.

– А как же мы? – спросил Антони. Сегодня он был таким серьезным и взрослым, что Клер больно было смотреть на него. Мальчик шести лет не может смотреть так прямо и строго. Мальчик шести лет не должен повзрослеть за одну ночь.

– Я не знаю, милый, – призналась Клер. – Твоя прабабушка говорит, что все будет хорошо. Он не обидит нас.

«Но все клятвы, данные ночью, тают при свете дня», – подумала она. И хорошо, если их просто сошлют в Вышеград. Марк Тисон, первый король из династии Ворона, поступил намного проще. Когда его спросили, что делать с наследниками прежнего владыки, которые тогда еще лежали в пеленках, он просто протянул подушку тем, кто задавал наивные и глупые вопросы.

Кто помешает Аврилю поступить таким же образом?

Клер смотрела, как он идет к патриарху, и не понимала, почему перед глазами мелькают какие-то растрепанные золотые нити. Она даже дотронулась до ресниц кончиком пальца – нет ничего.

Тогда...

По детской вдруг скользнула тонкая лента нарциссового запаха, и Клер все поняла – а поняв, похолодела от ужаса. Тогда Авриль забрал ее волосы, но, похоже, все отдал, чтобы исцелить принцессу Лию, иначе Клер сейчас бы не дрожала, как невеста в первую брачную ночь.

«Двое всемилостивые, – подумала она, обернувшись к иконе в напрасной надежде на спасение. – Он до сих пор приворожен!»

Мать смотрела на нее с искренним сочувствием. Когда-то эту икону Малоун подарил на рождение Антони и сказал, что она особая: Двое слышат материнскую молитву, которая звучит перед ней.

«Спасите моих детей, – подумала Клер, глядя на Отца и Мать. – Пусть со мной случится все что угодно, но спасите их».

– Мамочка! – позвала Эвила, которая уже успела забраться на подоконник и теперь смотрела в окно. – Мамочка, у этого съора уже корона!

Восторженные вопли толпы были такими громкими, что стекла зазвенели – или это был звон нарциссовых колокольцев? Клер увидела, как над дворцом пролетают южные драконы, и в голове скользнула обрывочная мысль: ведь одно дуновение, одно-единственное дуновение...

В ней все сжалось от ужаса. Клер без сил опустилась в кресло, служанка поднесла было стаканчик дахавской водки. Клер махнула рукой, отказываясь, и подумала: неужели я настолько отвратительно выгляжу, что без стопки не обойтись?

Вчера ее бросил человек, которого она любила больше жизни. Просто стряхнул Клер и детей, как крошки со скатерти. Какой еще ей быть? Только растерянной и потерянной.

На торжественный обед их, конечно, не позвали. Клер видела, как во дворец прошла принцесса Лия.

Отец вел ее, и люди приветствовали девушку горячо и искренне. Какой-то неосторожный зевака даже свалился с фонаря. Лия держалась спокойно и дружелюбно, а Клер подумала: надолго ли хватит ее дружелюбия, когда она поймет, что ее муж приворожен к фаворитке сбежавшего узурпатора?

Узурпатор. Клер и подумать не могла, что когда-нибудь так назовет Эдварда.

Служанки тихонько сбежали на кухню и принесли обед – густой рыбный соус с зеленью, стейки из мраморной говядины, шафрановый рис с овощами и целую гору пирожков. Клер смотрела, как едят дети, но не прикасалась к содержимому своей тарелки – тонкий аромат, заполнивший детскую, не вызывал у нее аппетита.

– Поешьте, сьоррен Клер, – заботливо напомнила няня. – На вас лица нет.

Клер кивнула и взяла пирожок. Кто знает, когда ей еще придется поесть.

– Ты видела короля, Анни? – спросила она.

– Нет, сьоррен Клер. Но на кухне говорили, что он красавец. Ну просто картинка, истинный государь! – Служанка сложила руки перед грудью, словно в молитве, и мечтательно прикрыла глаза.

– А ее величество?

Мечтательное выражение покинуло лицо Анни.

– Была бы хорошенькая, – небрежно заметила она, – но у нее все лицо и тело в мелких шрамах.

Я сама не видела, сьоррен Клер, просто слышала разговоры. Бринта говорила, что вам она и в подметки не годится.

Клер даже рассмеялась.

– Двое всемилостивые, при чем тут я!

– При том, сьоррен Клер, что вас все любят, – серьезно ответила Анни. – А про нее еще никто ничего не знает. Ах, какая из вас была бы государыня!

– Прекрати и больше не говори так, – одернула служанку Клер. – У стен есть и уши и рты.

К ним пришли вечером. Клер поднялась сразу же, как только дверь стала открываться. Она встала так, чтобы закрыть собой детей, и поняла: если что, ей остается лишь умереть.

Авриль выглядел усталым. Когда он вошел, золотая завеса, которая сгустилась перед глазами Клер, развеялась и мир сделался огромным и ярким. Весь мир сейчас был в человеке, который вошел в детскую. Клер поняла: еще немного и она упадет на колени и будет целовать ему руки.

«Бабушка, что же ты наделала...» – подумала она и услышала далекий голос сьоррен Элисабет: «Я спасла тебя и твоих детей, дура».

Тело сработало само, как учили: Клер поклонилась и, не поднимая головы, промолвила:

– Счастлива видеть вас, ваше величество.

Когда-то она так приветствовала Малоуна – давно, когда только появилась во дворце. Авриль был не один, за ним толпились люди с лебедем на рукаве, которые приехали с его женой, и Клер обрадовалась, что принцессы Лии здесь нет.

– Здравствуйте, Клер. Рад, что с вами все в порядке.

Эвила смотрела на короля, изумленно приоткрыв рот. Должно быть, не могла понять, как изящная девушка верхом на драконе вдруг стала этим молодым человеком в подчеркнуто скромном черном костюме. Зато Антони среагировал моментально. Выбежав вперед, он выхватил свою серебряную саблю и протянул ее Аврилю.

– Примите мою присягу, ваше величество! – звонко произнес мальчик.

Высокий мужчина в полковничьем мундире, который стоял рядом с Аврилем, удивленно усмехнулся. Авриль смотрел на саблю, и Клер с ужасом видела, как в его глазах плывут золотые искры. Он тоже приворожен. Сейчас она видела это совершенно точно.

– Сколько вам лет, сьор Антони? – доброжелательно осведомился Авриль.

– Шесть, ваше величество. Но я... – Мальчик шмыгнул носом и вдруг сделался не маленьким взрослым, а ребенком, который заблудился во мраке. – Я уже могу присягать за себя и за своих родных.

– Дом Волка присягает тебе, – негромко заметил полковник. – Вернее, то, что от него осталось.

– Дом Волка умер вместе с Малоуном и больше не восстанет, – откликнулся Авриль, не сводя глаз с мальчика. – Что ж, съор Антони, я слушаю вас.

Мальчик откашлялся. Клер с любовью и болью в сердце подумала, что он вырос. Вырос и стал взрослым. Ее охватила тоска. Должно быть, Аврилю все это казалось смешным: шестилетний ребенок, который спасает свою семью, присяга, игрушечная сабля...

«Нет, – тотчас же сказала себе Клер. – Он знает, что такое спасти жизнь своим родным. Он делал это десять лет».

– Клянусь верно служить вам и вашему дому, – произнес Антони, и Эвила негромко всхлипнула. – Клянусь быть защитником и поддержкой вам, вашей жене и наследникам, пока Двое не призовут меня. Прошу вас, государь, сделать меня вашим Первым всадником.

Авриль прикоснулся к сабле и серьезно ответил:

– Принимаю вашу присягу, съор Антони. Вы смелый молодой человек, я это понял, когда вы заглядывали в зубы Полуденному Ужасу.

Клер почувствовала, как страх, который парализовал ее, отступает. Ее Антони, ее мальчик... По щеке побежала слеза, но Клер не сразу поняла, что заплакала.

– Также признаю вас главой нового дома Дарангвара, – продолжал Авриль. – Дом Ретерфорд моей милостью получает мак на своем гербе и сердолик в качестве камня.

Антони зарделся от удовольствия. Возможно, он не до конца понял, что сейчас действительно спас мать и сестру, но Клер это поняла. Все в ней дрожало от любви и благодарности, она плакала и молилась и сама удивлялась тому, насколько спокойным оставалось ее лицо. Интересно, что скажет Эдвард, когда узнает, что его сын присягнул тому, кто лишил его короны?

Должно быть, решит, что поступил правильно, когда отказался взять их с собой. И скажет, что Клер продалась южной девке сама и продала детей.

– Маки! – воскликнула Эвила.

Авриль улыбнулся; глядя на Эвилу, нельзя было не улыбнуться, она всегда была мила, даже в своих шалостях, – но за этой улыбкой Клер ощутила холод.

Она не сразу поняла, что осталась с Аврилем наедине. Служанки куда-то увели детей и вот они стоят совсем рядом, и цветочный звон наполняет уши так, что становится больно дышать.

– Вы все отдали ее высочеству, – прошептала Клер.

Авриль кивнул.

– Да. Все до крошки. Я хотел, чтобы она выжила. Ну и что же мы будем с этим делать, Клер?

Смотреть на него было страшно – страшно и сладко. Клер отвела глаза, принялась внимательно разглядывать брошенного солдата на полу. Надо отвлечься, надо не представлять, как Авриль сейчас протянет руку и медленно проведет пальцами по ее шее там, где пульсирует жилка.

– Я не знаю, – откликнулась она. – Раньше вас берегла магия Черной матери Глевы, но теперь...

Авриль взял ее за подбородок, заставил Клер взглянуть себе в лицо. Какое-то время она ничего не видела, кроме его глаз, в них клубилась ледяная тьма. Он ведь совсем не добр, этот Авриль Тисон, он

просто всегда делает то, что должен. То, что разумно. Разумно было принять детскую присягу ее сына и польстить Морису Харшу, дав его дочери и внукам собственный дом и честь, – и он это сделал. А мог бы зарезать всех троих и не особо печалиться по этому поводу.

– Чувства можно контролировать, – сказал Авриль. – Это единственная проблема?

– Не знаю, – прошептала Клер. – Не знаю, я никогда и никого не привораживала.

– Тогда узнай. – Авриль едва заметно улыбнулся. – Кто из нас внучка могущественной ведьмы, ты или я?

– Узнаю, – кивнула Клер. – Я... я все узнаю, ваше величество. Спасибо вам.

Он убрал руку, отступил в сторону. Клер поняла, что наконец-то ожила, что снова может видеть, слышать, дышать. В висках стучало, ноги подкашивались; Клер сцепила руки в замок, чтобы не броситься к этому мужчине в подчеркнuto скромном костюме. Если бы могла, она сняла бы перед ним не платье – кожу.

В конце концов, почему бы и нет? Они просто залечат рану, которую им обоим нанесли из лучших побуждений.

Хватит. Надо взять себя в руки. Авриль прав: чувства можно контролировать.

– Я слышал, у вашего отца есть дом в Ливендоне, – негромко произнес Авриль. – Уезжайте туда.

Прямо сейчас. Теперь он ваш.

Да, у Мориса Харша был столичный дом, отец обставил его с пышностью, не уступающей королевскому дворцу. Клер с детьми была там только один раз, когда отец приехал в Ливендон, и час, проведенный в гостях, измучил ее до крайности. К перилам не прикасайся – поцарапаешь. В это кресло не садись – помнешь обивку. Вазу не трогай, останутся отпечатки. У отца будет траур, когда он узнает о королевской воле.

– Благодарю вас, ваше величество, – кивнула Клер. – Мы уезжаем.

Когда Авриль вышел, снаружи раздалось хрипкое карканье. Клер обернулась к окну и увидела ворона, сидевшего на кленовой ветви. Перья на его груди топорщились – совсем недавно там была рана, оставленная королевской пулей.

– Привет, – негромко сказала Клер. – Думаешь, это ты спас нас?

Ворон каркнул, словно ответил: «Да, долг платежом красен, а я исполнил свой долг. Как думаешь, долго ли вы так продержитесь с моим человеческим братцем? И что король Стиос сделает с вами обоими?»

«Я жива и мои дети живы. Я справлюсь», – подумала Клер.

И это было единственное, что она могла ответить и пообещать.

– Двое всемогущие и милосердные, упокойте со святыми душу вашего чада и верного слуги Свена Свенссона.

Традиция предписывала хоронить мертвеца завернутым в белую ткань, но для декана Свена сделали исключение. Столяр Каттерика изготовил для него гроб, как если бы декан был королем. Рилан стоял у могилы, смотрел, как гроб осторожно опускают в землю, и думал: «Жаль, что я не узнал вас раньше и лучше, декан. Прощайте».

– Примите его там, где нет ни боли, ни скорби, только жизнь бесконечная, – продолжал Рилан. Робин Хонни прожил хорошую и честную жизнь – такую, которая достойна книги. Робин Хонни умер. – Омойте его раны, простите его грехи, вольные и невольные, заберите его горести и страдания.

Должно быть, свиньи Каттерика уже расправились с телом Ньюта Гранвилла. Рилан сказал себе, что до конца дней своих не прикоснется к мясу. Не потому, что он так любил отца – там в общем-то было трудно найти хоть что-то, к чему могла бы прильнуть любовь. Он сам не знал, почему так решил.

Молитва кончилась, теперь надо было сказать что-то от себя. Рилан закрыл Писание и какое-то время стоял, глядя на Равену. Ее лицо закрывала густая вуаль, черное платье было велико – должно быть, его одолжил кто-то из ее подруг. Равена стояла, сцепив руки в замок, – наместница и владычица Севера волей народа, его святая Жанна. Рилан не видел ее слез, но знал, что она плачет. На кладбище собрался весь Каттерик. Полковник Доули привел своих людей, они стояли возле открытой могилы в почетном карауле. Рилан знал, что будет дальше: несколько ружейных залпов над гробом, потом над засыпанной могилой рассыплют крошки освященного хлеба и разойдутся по домам. А завтра уже начнется новая жизнь – хотелось верить, что она будет светлее и лучше. Рука некстати начала ныть. Перелома, к счастью, не было, но боль то уходила, то возвращалась. Рилан знал, что нужно делать сейчас. А потом?..

Ему нужно было зацепиться хоть за что-нибудь. Но он не мог.

– Смерть декана Свена это горе для всех нас, – сказал Рилан, понимая, что говорит не то и не так. – Нет таких слов, которые заставят наши раны затянуться. Нет и никогда не будет.

На него смотрели с печалью и теплом. Несколько часов назад эти люди хотели убить его – просто потому, что он был сыном своего отца.

Равена всхлипнула, и полковник Доули, который стоял рядом, легким касанием дотронулся до ее руки.

– Но однажды мы все встретимся, – продолжал Рилан. – Однажды все мы окажемся на зеленом лугу с Отцом и Матерью, и там уже не будет ни смерти, ни горя. Надо лишь подождать. Однажды все мы встретимся, и тогда все будет хорошо, уже навсегда. Пусть это даст нам надежду.

Он кивнул могильщикам, те взялись за лопаты. Комья земли посыпались на крышку гроба. Рилан подумал, что ему сегодня нужно выпить.

Захочет ли Равена, чтобы он и дальше жил с ней под одной крышей? Может, и не захочет. Что ж, он поищет приют в Каттерике, попробует снять у кого-нибудь угол. Доули отошел от Равены и махнул своим людям. Ружья подняли стволы к небу, и выстрелы разорвали кладбищенскую тишину.

Робин Хонни умер.

Люди подходили к Равене, брали ее за руки, что-то говорили и плакали. Рилан держался в стороне. На кладбище постепенно сгущались сумерки, холодный, почти осенний дождь то принимался моросить, то утихал, и кто-то из шахтеров сказал, что само небо оплакивает декана. Потом Рилан все-таки подошел. Равена благодарно оперлась на его руку, и вдвоем они пошли к кладбищенским воротам.

– Останься со мной, – негромко сказала Равена, когда они сели в бывший экипаж бургомистра и лошади двинулись в Каттерик. Рилан кивнул соглашаясь.

– Можно я буду жить... в твоём доме? – спросил он.

Равена кивнула, откинула вуаль, подставив лицо ветру. Ни следа слез. Глаза были мертвыми и сухими.

– Можно. Я буду рада. – Ледяной голос дрогнул, и Равена добавила: – Мне сейчас нужен друг.

– У тебя он есть. – Рилан попробовал ободряюще улыбнуться, но ничего не вышло.

Вдвоем они вошли в дом – темный, сонный. Заглянув в пустую гостиную, Рилан подумал: сегодня утром я вышел отсюда с Равеной, чтобы сопровождать ее на дороге позора. А потом здесь убивали моего отца. Ковер уже был вычищен, полы вымыты – ни следа крови, ни малейшего признака того, что кто-то сражался здесь за свою жизнь и проиграл.

Они поднялись по лестнице на второй этаж, и, остановившись у дверей своей комнаты, Равена вдруг негромко попросила с печалью и искренностью в голосе, которая заставила Рилана вздрогнуть:

– Останься со мной. Джемс умер. Отец умер. Я... я боюсь быть одна.

– Хорошо, – так же тихо согласился Рилан. Что-то принялось царапаться в его груди, словно прокапывало ход на волю острыми коготками.

Они вошли в комнату и не закрыли за собой дверь. Равена зажгла маленькую лампу, и в теплом золотом свете ее лицо наконец-то ожило. Собака выбралась из-под кровати, подошла к ней, уткнулась в колени влажным носом, всхлипнула.

Не раздеваясь, Равена легла на кровать и негромко попросила:

– Расскажи мне что-нибудь хорошее!

Рилан опустился на ковер и прислонился спиной к кровати. Равена протянула ему руку, он сжал ее пальцы и спросил:

– Хочешь, я прочту тебе стихи? Детские, правда, я не знаю других.

– Да, – едва слышно прошелестел голос Равены. – Прочти, пожалуйста.

Золотой язык огня плясал за стеклом лампы.

Рилан вздохнул и начал читать.